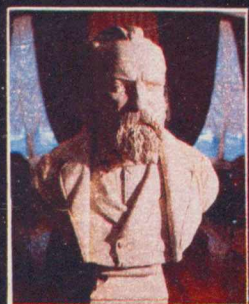
ОГОНЁК

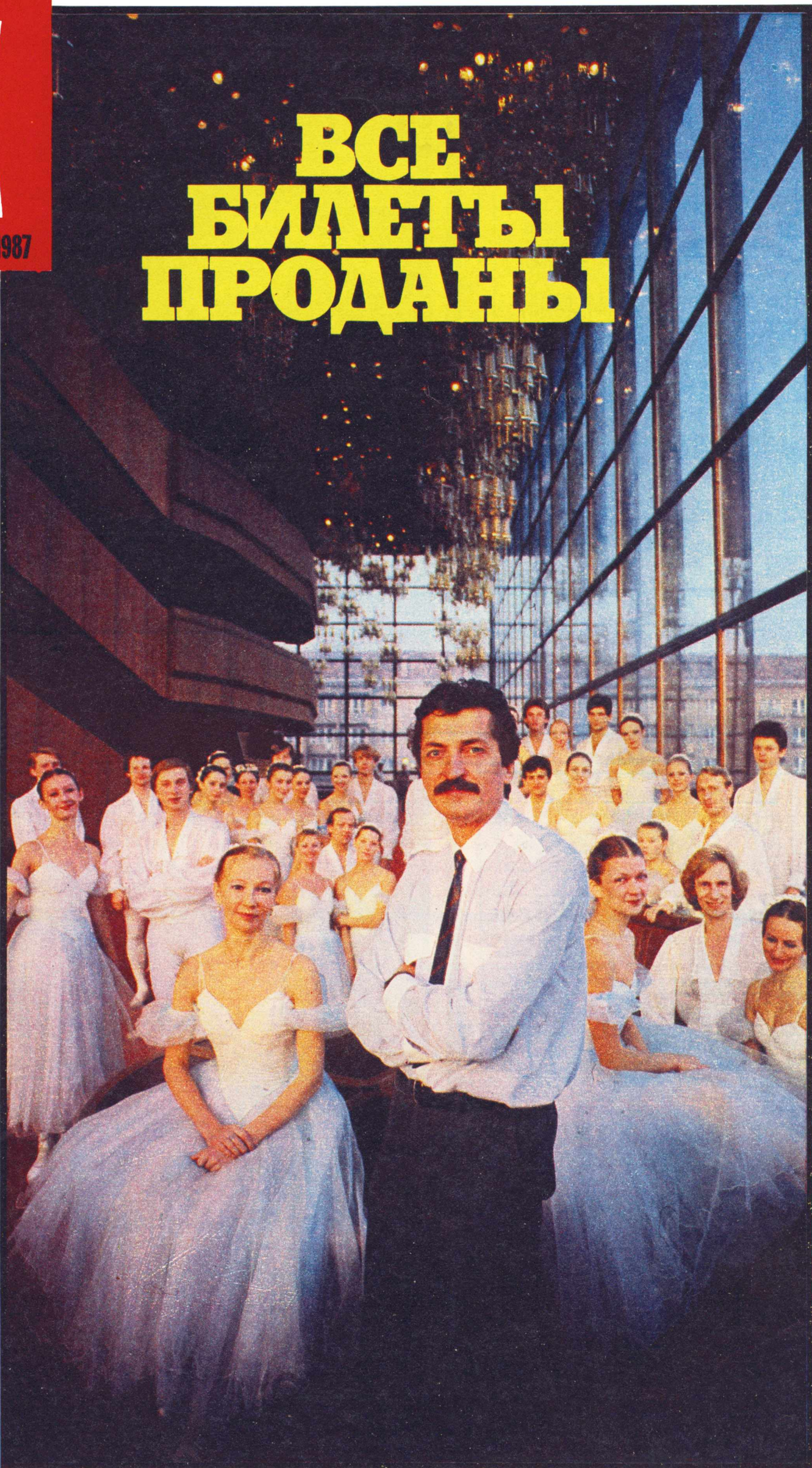
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 14 АПРЕЛЬ 1987

ВСЕ БИЛЕТЫ ПРОДАНЫ

УРОКИ ГЕРЦЕНА

ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ МОЛОДЫМ?

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ «ЛЮБОВНИЦА ПРЕЗИДЕНТА»

ПУБЛИКАЦИЯ: «АФРИКАНСКИЙ ДНЕВНИК» НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА

МУЖЕСТВО ДОКТОРА ХАЙДЕРА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 14 (3115)

4—11 АПРЕЛЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Главный балетмейстер Государственного академического театра оперы и балета Литовской ССР, заслуженный артист республики В. Браздилис с балетной труппой театра. (См. в номере материал «Всегда аншлаг!»)

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Оформление Н. П. КАЛУГИНА при участии О. И. КОЗАК

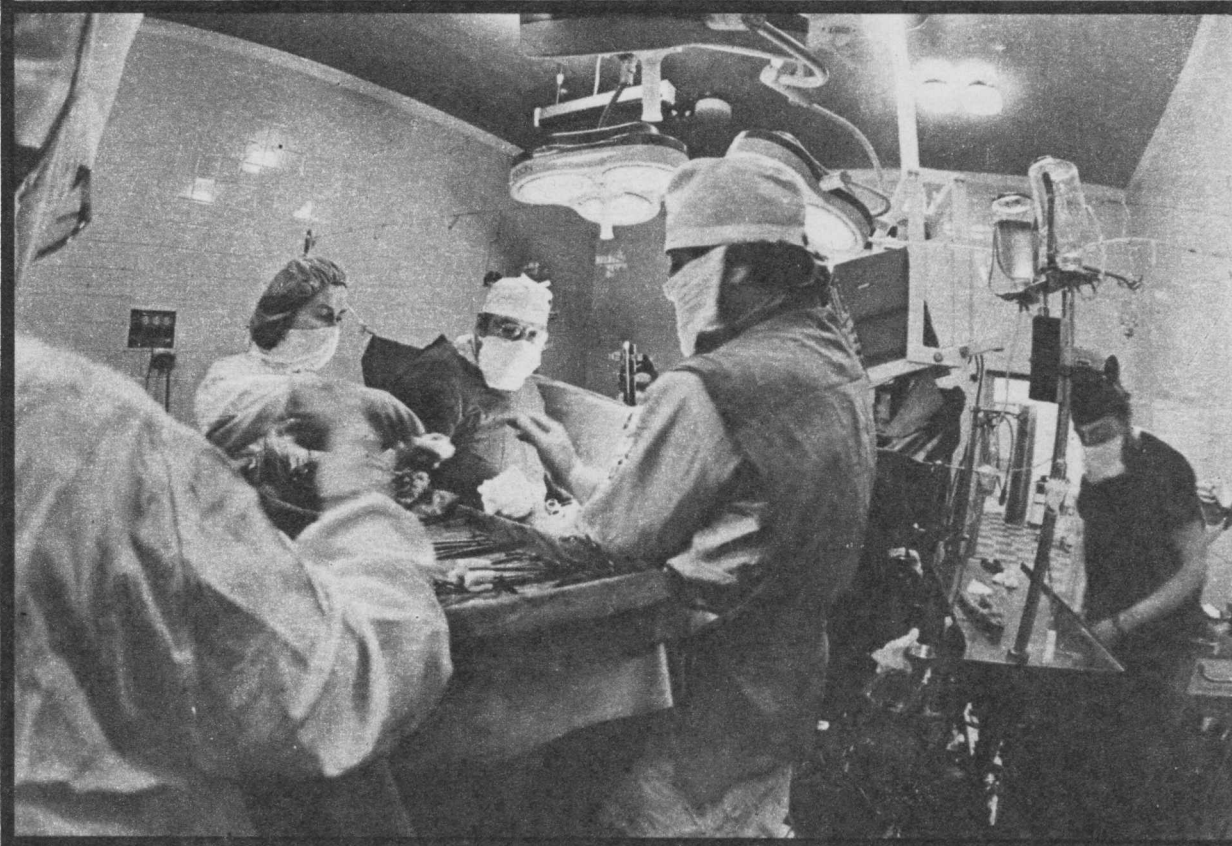
Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммунистического воспитания — 250-38-17; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Писем и массовой работы — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 16.03.87. Подписано к печати 1.04.87. А 00350. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 550 000 экз. Изд. № 1205. Заказ № 248.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865. ГСП. Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

12 МАРТА 1987 ГОДА В 9 ЧАСОВ 30 МИНУТ В МОСКВЕ, В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ИНСТИТУТЕ ТРАНСПЛАНТОЛОГИИ И ИСКУССТВЕННЫХ ОРГАНОВ МИНЗДРАВА СССР НАЧАЛАСЬ ОПЕРАЦИЯ ПО ПЕРЕСАДКЕ СЕРДЦА. НОВОЕ, ЗАМЕНИВШЕЕ БОЛЬНОЕ, СЕРДЦЕ БЬЕТСЯ В ГРУДИ АЛЕКСАНДРЫ ШАЛЬКОВОЙ.

ВТОРОЕ СЕРДЦЕ АЛЕКСАНДРЫ

Галина КУЛИКОВСКАЯ,
фото
Эдуарда ЭТТИНГЕРА

1937 год. Год первых беспосадочных перелетов в Америку и первой дрейфующей станции на Северном полюсе. С. П. Королев разрабатывает проекты управляемых крылатых ракет. А никому неизвестный физиолог и экспериментатор В. П. Демихов в более чем скромной лаборатории впервые в мире вживляет собаке искусственное, сконструированное им сердце... Через девять лет он уже пересаживает животному целый блок: сердце и легкие вместе. Потом пересадка живого сердца, взятого у собаки-донора. Наконец, снимок, перепечатанный всеми газетами мира: собака о двух головах. Материалы об этих экспериментах были опубликованы в свое время в «Огоньке».

К Демихову, как к признанному повсеместно пионеру трансплантологии нашего века, с далекого мыса Доброй Надежды приезжает Кристиан Барнард. Он становится к операционному столу рядом с Демиховым, ассистирует, учится у него... Непонятно почему, но имя нашего замечательного соотечественника так и не обособлено до сих пор ни в одном из общедоступных советских энциклопедических словарей.

Целых семь лет понадобилось кейптаунскому хирургу после его встречи с Демиховым, чтобы решиться пересадить сердце погибшей в автомобильной катастрофе женщины Луису Вашканскому. Этот человек первым на нашей планете жил с пересаженным сердцем. Срок, правда, оказался лишь немногим более двух недель. Но и такого результата было достаточно для того, чтобы вдохновить медиков на дерзание.

За два десятилетия, что отделяют нас от Вашканского, число людей, которым были пересажены чужие сердца, перевалило за тысячу. Многие из них живут более десяти лет. И не просто живут кое-как, а прыгают с парашютом, бегают, женщины стали матерями... В США, Франции, ФРГ, Англии, Японии, Швейцарии, ЧССР, Китае, Польше... По недавним данным, только на Кубе осуществлено четырнадцать пересадок сердца. Свыше двухсот операций совершил в Париже Кристиан Каброль.

А у нас? Как же развивались события в нашей стране, ставшей колыбелью новой науки — трансплантологии? К ней относились, мягко говоря, весьма осторожно и скептически. Возобладала, и на долгие годы, та точка зрения, что негуманно и даже преступно брать у еще живого человека сердце, даже если он приговорен, даже если не дни, а считанные часы ему остались... И все же главный хирург Советской Армии А. Вишневский в 1968 году рискнул. К несчастью, человек, которому он пересадил сердце, погиб через полтора дня. И снова застой. Застой надолго. Создается, правда, НИИ, который сейчас называется Институтом трансплантологии и искусственных органов. В 1974 году его возглавил профессор Валерий Иванович Шумаков.

Почти десять лет назад, в такие же мартовские, как сейчас, дни, здесь проходил совместный советско-американский эксперимент по имплантации искусственного сердца. Вскоре после совместного эксперимента доктор Уильям де Врис воспользовался приобретенным опытом и имплантировал Барни Кларку механическую модель сердца «Джарвик-7»...

Трудно, очень трудно пробивала себе дорогу новая область медицины — трансплантология. Эксперименты, эксперименты... Дальше дело не двигалось. А люди, пораженные тяжелыми сердечными недугами, погибали. И только в прошлом, 1986 году подул наконец ветер перемен. Президиуму АМН СССР пришлось признать, что «...результаты проведенных работ позволяют приступить к осуществлению операций пересадки сердца». Минздрав СССР утвердил понятие «смерть мозга». Летом определили клиники, готовые к трансплантации сердца...

В ночь на 27 октября в своей клинике на Пехотной улице член-корреспондент АМН СССР В. И. Шумаков осуществил пересадку сердца шоферу из Владимирской области. Это была, по существу, первая в нашей стране такая операция. Мы примчались в Щукино на второй день после операции, но директор института не предоставил нам возможности видеть больного. Состояние его было тяжелым. На четвертый день жизнь пациента оборвалась.

Неудачно проведенная операция? Отнюдь! Пересаженное сердце работало хорошо, поддерживало кровообращение в организме. «Хирургическими результатами мы удовлетворены. Коллектив справился со сложными техническими задачами,— говорил Шумаков.—Острая сердечная недостаточность, развившаяся на четвертые сутки, связана с действием циклоспорина А на почки и печень. Сказалось и длительное воздействие основного сердечного недуга...»

— Мы намерены продолжать работу.— Голос профессора звучал глухо, но твердо.

СОБЫТИЕ НЕДЕЛИ

Во время встречи.

Фото Ю. Лизунова, А. Чумичева (ТАСС).

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ВИЗИТ

28 марта в Москву с официальным визитом по приглашению советского руководства прибыла Премьер-Министр Великобритании Маргарет Тэтчер. 30 марта в Кремле состоялась встреча М. С. Горбачева с Маргарет Тэтчер. В течение нескольких часов развернуто и углубленно обсуждались крупные вопросы современности, включая решающий среди них — о разоружении.

«Мы — за сотрудничество с Великобританией,— заявил М. С. Горбачев,— за то, чтобы оно расширялось и углублялось, приобретало дружественный характер, чтобы вырастало доверие между нами».

И вот мы снова в белом корпусе на Пехотной.

Сегодня пятнадцатый день жизни Александры Шальковой с новым сердцем.

Кончилась утренняя конференция. Директор только что видел Шурочку. Спрашивала, скоро ли ее переведут в общую палату. Надоело быть одной. Да и вообще скоро ли домой?

А нам не терпится спросить, откуда она.

Есть на Архангельщине большое село Висковисочное, что на реке Виске, притоке Печоры. В этом селе Александра родилась. В этом селе кончала десятилетку, тут и работать стала, сначала учеником, потом пекарем. Года два назад почувствовала что-то неладное с сердцем. Вдруг стала замечать: наклонишься — одышка, сердце колотится. Стала очень быстро уставать, появились отеки. Положили ее в больницу. Но лекарства не помогали. И тогда отправили Шурочку в Архангельск, куда собирались прилететь для оказания помощи московские профессора...

Институт заключает договора с облздравами шести областей для проведения консультаций больных. Так доктор медицинских наук Михаил Львович Семеновский «нашел» Александру Шалькову. Ее пригласили в Москву, обследовали, наблюдали и предложили неслыханную операцию. Выхода у Александры не было. Болезнь точно такая, как у Шишкина,— дилятационная миокардиопатия, и очень быстро наступает развязка. Двадцатисемилетняя женщина согласилась. Дело было за донором. Он подбирается не только по группе крови и иммунологическим показателям. Имеет значение вес и рост донора и реципиента, расхождение допускается не более одной пятой соответствующих величин. Донором оказался двадцатишестилетний молодой человек, у которого после тяжелейшей операции наступила, как установил специальный консилиум, смерть мозга. Теперь уже счет времени шел не на дни, а на часы и минуты.

Точно в назначенный час к работе приступило несколько групп специалистов наивысшей квалификации. Одна подготавливала Александру, другая — донора.

Имплантацию сердца производил сам Валерий Иванович Шумаков. Ассистировали ему М. Л. Семеновский и заведующий лабораторией искусственного сердца Н. К. Зимин.

Сто семнадцать минут работал аппарат искусственного кровообращения, а потом заработало само сердце. Новое сердце!

К концу второго дня больной разрешили сесть. На пятый день — встать. Почти десять уже дней Александра ходит, смотрит телевизор, читает... Никаких отклонений, как показывают результаты микроскопического изучения мышечных волокон пересаженного сердца и анализы, нет. Пациентка принимает ряд лекарств, предотвращающих процесс отторжения.

— В том числе и циклоспорин А, который так неблагоприятно воздействовал на Шишкина?

— В другой пропорции и в другой компании... Полагаем, что через тричетыре недели ей можно будет поехать в санаторий.

Теперь оставалось познакомиться с самой Александрой. Валерий Иванович сам пошел за ней. Первая встреча состоялась в коридоре.

Миниатюрная, худенькая. Гладко зачесанные темные волосы, румянец на лице. Рядом большой, широкий, очень добрый человек.

Позвонила в воскресенье, спросила, как самочувствие Шальковой.

— Все хорошо. Валерий Иванович привез ей утром клубнику. И мама ее тут сегодня...

ДЖОНАХ. Как вы думаете, господин Спуфнер, сон — это безобидная деятельность? Или же вы охарактеризовали бы его как акт, угрожающий нашему обществу?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ СПУФНЕР. Спать на тротуарах — нарушение закона, Джонах.

ДЖОНАХ. Но какая это деятельность — мирная или насильственная?

СПУФНЕР. Это незаконно.

ДЖОНАХ. Так это мирная или насильственная деятельность?

СПУФНЕР. Мне не платят за то, чтобы отвечать на этот вопрос.

ДЖОНАХ. Именно поэтому вы опять считаете необходимым меня арестовать?

Из пьесы «Парк мира».

МУЖЕСТВО ЧАРЛЬЗА ХАЙДЕРА

Игорь ИГНАТЬЕВ

Мы сидим с Эллен Томас на обочине тротуара Лафайет-парка — уютного зеленого сквера, разбитого в самом центре Вашингтона. Напротив — Пенсильвания-авеню, а за чугунной оградой — освещенный ярким солнцем Белый дом, взирающий пустыми и равнодушными окнами на плакаты, установленные участниками «Антиядерной вахты». Плакаты эти взывают к прохожим и обитателям белостенного особняка напротив: «Прекратить войны, покончить с насилием», «Путь к миру на земле лежит через ликвидацию ядерных, химических и обычных вооружений», «Требуется мудрость и честность». Эта вахта, организованная несколькими простыми американцами в Лафайет-парке, который они переименовали в «парк мира», действует круглосуточно — зимой и летом, под солнцем и дождем с июня 1981 года...

— Местная пресса не особенно жалует нас вниманием,— говорит Эллен, присоединившаяся к «Антиядерной вахте» почти четыре года назад. У нее простое молодое лицо, обрамленное спадающими до плеч волосами, в которых пробивается седина.— Но мы полны решимости донести наше послание до сознания американцев.— Она на секунду замолкает, а потом достает из картонной папки толстую стопку бумаги.— Здесь рассказ о нашей вахте,— протягивает она рукопись.— Посмотри, если интересно.

140 страниц, бережно, без единой ошибки отпечатанных на машинке. На титульном листе рукописи пьесы, которая никогда не была и вряд ли будет поставлена хоть на одной американской сцене, выведено название «Парк мира». А после ее прочтения так и хочется добавить подзаголовок: «Сцены из жизни». Эта пьеса, по существу, хроника «Антиядерной вахты», правдивое повествование о стремлении ее участников пробить коросту обывательского равнодушия, разбудить гражданскую совесть Америки, заставить ее задуматься над суровыми фактами повседневной реальности. Это одновременно и горький рассказ о тех, кому не нашлось места в «Америке благоденствия и всеобщего процветания», тех, для кого каждый день — борьба за выживание. Опытный критик-эстет, возможно, найдет в этом произведении изъяны и шероховатости, отдельные ее места действительно очень наивны, да и написана она все же не профессиональным драматургом. Но у пьесы есть одно несомненное достоинство, перевешивающее все ее возможные недостатки. Это правда жизни. Вчитываясь в диалоги, я легко узнавал главных героев этой пьесы, с большинством из которых доводилось вести долгие и задушевные беседы.

Один из них — американский ученый Чарльз Хайдер, имя которого сейчас известно далеко за пределами Соединенных Штатов. С 23 сентября прошлого года он проводит «голодовку во имя мира». 56-летний американец готов пожертвовать своей жизнью, чтобы попытаться предотвратить самую страшную угрозу, с которой сталкивается сегодня человечество, сфокусировать внимание своих сограждан на реальной опасности ядерной войны. Хайдер требует от американского правительства предпринять конкретные шаги по ликвидации ядерного оружия к 2000 году, прекратить политику военных интервенций. Он заметно ослаб за последние недели, обострились черты лица. Но физическая слабость, усиливающаяся с каждым днем, не ослабила его моральную решимость.

Что же заставило хорошо известного в научных кругах США человека, у которого, по его собственным словам, «было все», расстаться с обеспеченной жизнью и пойти на такой отчаянный шаг, как «голодовка со смертельным исходом»?

— К этому решению,— рассказывает Чарльз Хайдер,— меня подтолкнула растянувшаяся на годы цепь событий, изменивших мое мировоззрение и круто повернувших жизнь. Но началось все с осознания опасности ядерной войны. Я всегда любил природу. Собственно, и физику выбрал потому, что хотел как можно больше узнать об окружающем мире, понять, как он устроен. Однако в 50-е годы меня отправили воевать в Корею, и там я понял, что означает война. Я считал, что защищаю свою семью и свою страну, но когда попал в зону боевых действий, то обнаружил, что мы уничтожаем невинных людей. Так я познал ужас войны. А событие, которое круто перевернуло мою жизнь, произошло в 1984 году, когда палубные орудия линкора «Нью-Джерси» своим ураганным огнем смели с земли мирные деревни Ливана. Тогда я подумал: достаточно. Надо что-то делать, чтобы предотвратить куда более ужасную угрозу — ядерную катастрофу.

У Чарльза Хайдера пятеро детей. И все они поддержали «голодовку во имя мира». Но это произошло тоже не сразу. «Наш самый младший сын 22-летний Нилс,— рассказывает бывшая жена Хайдера Лори, которая специально приехала в Вашингтон, чтобы поддержать ученого,— сначала встретил решение отца в штыки. Он долгое время ни с кем не разговаривал. Но потом мнение Нилса изменилось». 27-летняя дочь Хайдера Роксанна Смит, которая вместе с мужем живет в Альбукерке (штат Нью-Мексико), тоже признает, что сначала противилась решению отца. «Все мы хотели,— говорит она,— чтобы он избрал какой-либо другой путь для достижения своих целей, которые мы полностью разделяем. Трудно передать, что я чувствовала и испытала. Я не думала, что голодовка может что-либо изменить, но потом поняла, что отец вправе сам распоряжаться своей жизнью. Я горжусь им и тем, что он делает».

О поддержке борьбы Хайдера заявили его коллеги. В ноябре прошлого года 24 ученых из таких всемирно известных научных центров страны, как Гарвардский университет, Массачусетский технологический институт, и других провели однодневную голодовку солидарности. Профессор астрономии Гарвардского университета Роберт Нойес знает Хайдера больше 15 лет. «За плечами Чарльза,— говорит он,— долгая и плодотворная исследовательская работа в обсерватории «Сакраменто Пик» в штате Нью-Мексико и в НАСА. Он опубликовал свыше 20 научных работ по физике Солнца. Его вклад в этой области широко признан. Имя Хайдера внесено в справочник «Деятели американской науки». Я сначала пытался убедить Чарльза прекратить голодовку. Однако вскоре стало ясно, что из этого ничего не получится. Он намерен ее продолжать, если, конечно, не произойдет чуда. Сам я испытываю смешанные чувства,— признается Р. Нойес.— Печально, что такой достойный человек приносит в жертву свою жизнь. Но меня вдохновляет то, что это самопожертвование может оказать воздействие на тысячи других людей».

По словам Ч. Хайдера, Белый дом не ответил ни на одно из посланий, ни на один из призывов, которые направлялись участниками «Антиядерной вахты» в Лафайет-сквере.

Белому дому вроде как ни к лицу комментировать голодовку. С цепи была спущена «свободная пресса», которая долгое время пыталась замолчать действия Хайдера. Как по команде, в двух газетах правого толка, «Нью-Йорк дейли ньюс» и еще более оголтелой «Нью-Йорк пост», появились статейки, суть которых сводилась к тому, что Хайдер — это марионетка, которую Советский Союз использует в пропагандистских целях. В таком же духе был выдержан и комментарий, переданный по каналам Си-би-эс, одной из крупнейших телекорпораций Америки.

Трудно сказать, что ждет Хайдера дальше. Но он не собирается отступать. Этот мужественный человек уже одержал большую победу. Он пробил стену молчания, помог понять многим другим американцам, что в опасности сейчас находится не только его жизнь, но и вся человеческая цивилизация.

Вашингтон.

ПЕРЕСТРОЙКА: ПРОВЕРКА ДЕЛОМ

1000000000×0

ИЛИ ЯВЛЕНИЕ БЕЗЫСХОДНОСТИ

Если проиллюстрировать кинематографическим способом (что под силу только мультипликации) эффект, который даст широкое внедрение в промышленность этого открытия, то на экране мы увидим, как тают, подобно грязным сугробам, «Гималайские горы» преждевременно изношенных автомобилей, тракторов, тепловозов, станков — словом, самых разных машин и механизмов... Тают эти кладбища погибших средств и труда миллионов людей... Точнее, так они могли бы таять, но пока растут; «стоимость» этих кладбищ увеличивается ежегодно на миллиарды рублей. В создании их есть, как уже писалось об этом в первых двух публикациях, немалая доля участия Миннефтехимпрома СССР, а также машиностроительных министерств.

После критики, прозвучавшей с трибуны партийного съезда, реакцию министерства, казалось бы, даже нет нужды просчитывать. Она должна быть однозначна.

Д. Н. Гаркунов тоже был полон оптимизма и вместе со своими сотрудниками работал над мерами по широкому внедрению эффекта безызносности в промышленность страны.

Однако когда в конце марта — начале апреля пришли письма из Миннефтехимпрома СССР и Госстандарта СССР, исчерпывающих ответов, которые удовлетворили бы редакцию, мы, признаться, в них не нашли, хотя формально критика признавалась правильной, справедливой. Позже, перечитывая эти письма, я обнаруживал, что их содержание как бы неуклонно меняется: сквозь знакомые слова проступает иной смысл — такой глубины подтекст в них заложен, что куда там Хемингуэю!

Не буду повторять бесплодного опыта их подробного анализа, как сделано в предыдущем материале, но кое-что для дела придется процитировать.

Письмо из Миннефтехимпрома, его подписали министр Н. В. Лемаев и первый заместитель председателя ГКНТ СССР Л. Н. Ефремов, после необходимой преамбулы (дескать, ознакомились с критикой...) начинается так:

«Редакцией сделан правильный вывод о необходимости усиления работ по созданию принципиально новых смазочных материалов, реализующих явление избирательного переноса и металлоплакирования».

Спасибо, конечно, за комплимент, но мы такого вывода не делали, потому что министерство никогда таких смазочных материалов не создавало — значит, о каком «усилении работ» может идти речь? Ведь умножение нуля на любое число дает только нуль. Мы даже не критиковали Миннефтехимпром за то, что здесь не разрабатывают смазки, реализующие эффект безызносности. Ведь в научных подразделениях министерства до сих пор нет ни одного специалиста данного профиля, попросту некому разрабатывать.

Поэтому весьма настораживали заключительные строки письма:

«Выполнение мероприятий по использованию эффекта безызносности взято под строгий контроль ГКНТ и Миннефтехимпрома СССР».

Необходимость контроля ГКНТ над этой проблемой сомнений не вызывала. А что касается министерства, учитывая его многолетнюю аллергию к металлоплакирующим смазкам, следовало предвидеть, что Миннефтехимпром не замедлит воспользоваться высокими полномочиями «строгого контролера» в личных, то есть узковедомственных, целях.

Все позиции определились в июне 1986 года, когда было дано задание Госкомитету СССР по науке и технике подготовить совместно с Бюро Совета Министров СССР по машиностроению предложения о развитии работ в промышленности эффекта безызносности — они должны были составить основу соответствующего постановления правительства. Заметьте, задание поставлено машиностроителям, а не нефтехимикам! В этом вся суть и логика предстоящей работы над проектом постановления...

Но вот здесь произошло нечто загадочное: инициативу составления этого документа перехватило критиковавшееся министерство. Каким образом? Наверное, могут прояснить заместители председателя ГКНТ товарищи К. М. Дюмаев и А. Ф. Каменев, потому что именно они категорически отвергли проект, разработанный специалистами во главе с автором открытия Д. Н. Гаркуновым. Кстати, он ведь работник ГКНТ. Зато Миннефтехимпром мгновенно составил собственный проект постановления Совета Министров СССР, в основу которого положен примечательный документ.

Его копия сейчас передо мной. Озаглавлен он так — «Перечень вырабатываемых на предприятиях Миннефтехимпрома СССР смазок, реализующих эффект безызносности при трении» и содержит тридцать пять (!) марок таких смазок. Здесь я откладываю перо, чтобы развести руками: ведь министерство и критиковалось за то, что оно таких смазок не выпускает, а тут... Вот и в официальном ответе Госстандарта СССР, присланном также год назад, читаем:

«Необходимо отметить, что Миннефтехимпромом СССР работа по созданию металлоплакирующих смазок проводилась совершенно недостаточными темпами. Разработаны, прошли с положительными результатами государственные испытания и допущены к применению только 8 марок таких смазок...» Значит, только восемь! К тому же, по авторитетному мнению Д. Н. Гаркунова, Миннефтехимпром принял лишь долевое участие в разработке всего одной металлоплакирующей смазки. Еще пять из этого списка были внедрены на предприятиях министерства с большим трудом в результате многолетней борьбы, а две к эффекту безызносности никакого отношения не имеют...

Откуда же тогда взялись у министерства эти 35 смазок, реализующих эффект безызносности? Возможно ли такое вообще?

Да, конечно, возможно! Если оформить договоры с изобретателями на уже разработанные смазки и начать безотлагательно их выпуск на предприятиях министерства, что и было бы первым и очень важным шагом для решения назревшей, точнее, перезревшей проблемы, и это необходимо было сделать уже в этом году!

В действительности все было совершенно иначе... При ближайшем рассмотрении этого списка выясняется, что 29 из них старые, если не сказать устаревшие (12—15-летней давности), разработки Миннефтехимпрома, не имеющие никакого отношения к эффекту безызносности. Причем под расширение выпуска этих смазок в проекте требуют дополнительных капиталовложений в размере 30 миллионов рублей.

И еще в нем содержится требование совершенно абсурдное — закупка, в том числе и на валюту, дорогостоящих материалов и оборудования. Высокая стоимость смазок на основе их использования сведет на нет экономический эффект от применения. Но тем, кто составлял проект, это, видимо, выгодно, потому что в результате дискредитируется эффект безызносности, «о котором так много шумели», так можно будет сказать постфактум... Опять попытка умножения на нуль.

Гаркунов по этому поводу вносил протест за протестом. Перечень сокращали: 29... 14... И, как ни верти, остается только шесть настоящих металлоплакирующих смазок. (Восемь, по настоянию Госстандарта. Вообще с некоторых пор я начинаю думать, что Госстандарт — самое либеральное ведомство в нашей стране. А ведь именно на него возложена миссия госприемки качества продукции.)

Но даже восемь смазок — слишком хило для такого документа, как постановление Совета Министров СССР, — это понимали.

И тогда Миннефтехимпром решил послать гонцов по стране к изобретателям металлоплакирующих смазок, благо адреса тех, кто годами обивает пороги исследовательских институтов Москвы и Киева, известны. Помчались гонцы в Гомель, Одессу, Ростов... А по возвращении объявили: «Смазки — блеф, нет нигде таких смазок. Одна надежда на нас».

Но кому, как не Гаркунову, хорошо известно, что смазки, превосходящие по качеству миннефтехимпромовские, есть. И он разослал по адресам командировок вопросники — получились в результате любопытные интервью, проясняющие истинные цели этих поездок. Если эти документы выдать за перевод с английского, можно было бы написать по ним фельетон в рубрику «Их нравы».

Вот как, например, выглядел визит заместителя директора ВНИИ НП Е. М. Никанорова в Ростовский государственный университет (на вопросы Гаркунова ответил Г. П. Барчан).

«Никаких документов: отчетов по результатам испытаний смазок, актов внедрения, — командированный даже не смотрел, не говоря уж о лабораторном их анализе. Словом, оценка эффективности разработок отделения не проводилась, зато в категоричной форме предлагалось передать наши разработки в области явления безызносности во ВНИИ НП... О каких-либо своих научных выводах товарищ Никаноров не счел нужным проинформировать ростовских коллег. Да и какие он мог сделать выводы, если в отделении физики и химии трения провел не более 10—15 минут!» А вот вывод о цели визита столичного гостя сделали такой: «Принудить работать с ВНИИ НП, а в случае неудачи создать предвзятое мнение о наших работах».

Документацию на смазки гонцы не привезли в столицу по одной причине: они требовали передать разработки на неприемлемых условиях. Авторство действительных изобретателей предполагалось умножить на нуль... Ведь как ставят вопрос специалисты ВНИИ НП? Давайте нам смазки, их «рецепт», а мы будем их испытывать, а уже по результатам (многолетним) смотреть, внедрять или нет. Вроде и справедливое требование: оно должно исключить возможность ошибки. Но, во-первых, все смазки, которые предлагают изобретатели нефтехимпрому, прошли испытания на тех предприятиях, где они работают, дали и дают высокий экономический эффект (это, кстати, больше всего и пугает министерство) и даже внедрены, но локально, а не широко, как того достойны. Изготавливают их тайно от Миннефтехимпрома на предприятиях других министерств, чуть ли не пищевой промышленности. Причем в объемах, превосходящих в десять — двенадцать раз единичные, принятые к производству Миннефтехимпромом. Этот факт доказывает, что выпуск металлоплакирующих смазок не создает никаких технологических трудностей предприятию и весьма дешев.

Изобретатель из Белоруссии Мельниченко разработал и собственноручно изготовил 147 килограммов смазки для бурильных долот. Ее применили на нефтедобыче вместо миннефтехимпромовского «Долотола» (замечу, что на расширение его выпуска министерство требует два с половиной миллиона рублей) и получили экономический эффект за счет увеличения службы долот 1240 (с копейками) рублей на один килограмм смазки! Нужны ли ей после этого еще какие-то испытания? Однако Киевский НИИ нефтяной промышленности в лице зама директора товарища Ищука требует от Мельниченко передачи «рецепта» им в институт на исследование. Изобретатель, естественно, сопротивляется, ведь он легко может лишиться авторского права, если ведомственные ученые слегка переработают, «подредактируют» его смазку.

Что же касается требования «испытаний», которое усиленно поддерживает Госстандарт СССР от имени межведомственной комиссии по испытанию топлив, масел, смазок и специальных жидкостей, тут необходимо заметить следующее. Комиссия эта, нужно сказать, весьма представительная, ее состав определен Советом Министров СССР, в него входят работники ГКНТ, заместители почти всех министров, в том числе и Миннефтехимпрома.. Существует комиссия с 1951 года. Казалось бы, мимо такого могучего органа — вся промышленность представлена в нем! — не пройдет ни одно перспективное новшество... Однако комиссия на пять лет старше открытия эффекта безызносности, который «до настоящего времени широко не применяется из-за косности некоторых руководителей Миннефтехимпрома СССР, **ряда других министерств и ведомств**» (выделено нами.— **Ред.**). Это критическое замечание в докладе М. С. Горбачева адресовано во вторую голову именно почтенной комиссии. Так почему же в ее состав до сих пор не включены специалисты по эффекту безызносности? И уж обязательно в ней должен состоять Д. Н. Гаркунов! Ведь должен же кто-то «разминать» эту застарелую, чуть ли не «безызносную» косность... Мы ставим этот вопрос перед председателем госкомиссии В. П. Юницким, который одновременно является заместителем председателя Госстандарта СССР.

И разработка, и выпуск смазок — монополия Миннефтехимпрома. Казалось бы, логично: отраслевой НИИ разрабатывает те виды продукции, которые заводы той же отрасли выпускают в необходимом объеме. Но что происходит, если новая разработка содержит изобретение, с неизбежной выдачей авторского свидетельства? Автору или группе авторов полагается денежное вознаграждение, размер которого зависит от экономического

...В день открытия XXVII съезда КПСС в редакции был включен телевизор. Шла трансляция доклада Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. В нем и прозвучали слова: «Эффект безызносности, открытый советскими учеными три десятилетия тому назад, позволил создать принципиально новые смазочные материалы, многократно увеличивающие долговечность узлов трения машин и механизмов и резко снижающие трудозатраты. Это открытие, дающее многомиллионную экономию, до настоящего времени широко не применяется из-за косности некоторых руководителей Миннефтехимпрома СССР, ряда других министерств и ведомств». После слов «многомиллионную экономию» Михаил Сергеевич отвлекся от текста и добавил: «А по утверждению некоторых товарищей — даже и миллиардную».

Эффект безызносности — открытие Д. Н. Гаркунова и И. В. Крагельского — дважды был предметом выступлений «Огонька». В первом очерке Ю. Сурхайханова «Как сэкономить миллиард, или Смазка для вечного двигателя» [№ 33, 1985 год] рассказывалось о самом открытии и принципиально новых высокоэффективных смазочных материалах, изобретенных на его основе. Широкое их внедрение в промышленность многие годы тормозит Миннефтехимпром СССР. За что мы и подвергли критике министерство, а также Госстандарт СССР, который занял пассивную позицию в этом вопросе.

Официальные ответы, увы, не содержали практически ничего конструктивного. Напротив, значение эффекта безызносности всячески принижалось. Это стало предметом нашей второй публикации — «Тормоза для вечного двигателя, или Закон сохранения инерции» [№ 6, 1986 год]. Журнал вышел в свет за три недели до открытия съезда партии...

Юрий СУРХАЙХАНОВ

эффекта. Если он составит, например, 400 тысяч рублей в год, сумма вознаграждения определена в 20 тысяч рублей (тоже в год!). В структуре НИИ насчитывается большое количество лабораторий, отделов, которые занимаются разработкой новой продукции. Это небольшие коллективы по 5—6 человек научных сотрудников: солидные оклады, интересная работа, любовь, надо полагать, к избранному делу. Главное, однако, что здесь никто не выбегает неожиданно в коридор с криком «Эврика!». Всему свое время, точнее, свой график. Приходит срок — и приходит (по графику) к заму по науке глава лаборатории и приносит заявку на изобретение. Эффект новой смазки по сравнению с той, которую она заменит, невелик: 1 рубль на тонну (это опять же к примеру). Но если смазку выпускать объемом 400 тысяч тонн в год всю пятилетку, то 20 тысяч рублей вознаграждения (ежегодно!) обеспечено. Для пяти человек это, может быть, и не скромно, но разве трудно подобрать соавторов из числа солидных, достойных людей трех-четырех: под одной крышей работаем, все душой за общее дело радеем.

Может возникнуть вопрос: «Куда смотрит министерство?» Отвечу: туда же... Как всякая солидная отрасль, оно заинтересовано в гигантских объемах работ. Про «план по валу» помните, читатель? Заводу-изготовителю тоже выгодно: тот же пресловутый вал — он что дает? Наладил производство, открыл трубу, и целую пятилетку, а то и две из нее льется одна и та же продукция. А спрос огромный — без смазок ничто не крутится и никуда не едет.

Чем чреват эффект безызносности для соответствующих НИИ? Во-первых — и это самое ужасное,— изобретение-то чужое, а значит, вознаграждение — денежное! — получит чужой дядя. Во-вторых, практически каждая смазка, разработанная специалистами по эффекту безызносности, перечеркивает по качественным и экономическим показателям всю работу целого НИИ.

Маленький пример: на прессовом оборудовании ЗИЛа два изобретателя применили металлоплакирующую смазку УМК и расход масла уменьшился в 10 раз. Это длинная история, но ЗИЛ имеет колоссальную выгоду от этих двух «чужаков», которым, кстати, не заплатили ни копейки... Однако что означает многократное качественное улучшение новых смазок? Баснословную сумму вознаграждения за такой экономический эффект (20 тысяч рублей за каждые две бочки продукции) ни один нормальный советский бухгалтер к оплате не подпишет... Тут никакие инструкции, положения о вознаграждении, увещевания не помогут: просто в сознании бухгалтера не укладывается, в окошечко кассы не пролезает, и ничего вы тут не поделаете.

Отраслевой науке в плане эффективности новых разработок выгодно расти медленно, улучшая качественный показатель, скажем, раз в пятилетку на 5—10 процентов. Во-первых, и доход от эффективности стабильный, и бухгалтерию не раздразнишь, а, во-вторых, такую смазку, как у Мельниченко, не всякий способен изобрести, а тем, кому удается, может, один раз в жизни. А на пятипроцентное улучшательство способен любой сотрудник средних возможностей...

Недавно специалисты по эффекту безызносности получили возможность собрать свои силы под одной крышей, обрести права, голос, зарекомендовать себя на крупнейших предприятиях страны: речь идет о создании в 1985 году при МНТК «Антикор» сначала одной лаборатории по триботехнике, ее возглавил Д. Н. Гаркунов, а вскоре и второй. О них я еще скажу впереди.

Но против них уже есть план, план умножения на нуль, выдвинул его А. Ф. Каменев — заместитель председателя ГКНТ. Суть этого плана проста: дескать, что такое две лаборатории со штатом девять человек? Нужен Центр по триботехнике! Ну как с этим не согласиться, вот масштаб, государственный подход! (Сплошные восклицательные знаки.) Но открыть его следует, по мысли и настоянию Александра Федоровича, в Ленинграде... И вот тут возникает вопрос: а почему не в Кисловодске или в Якутске?— там тоже нет специалистов по эффекту безызносности... Здесь могут меня попытаться поймать на слове... Но те немногие из учеников Гаркунова, которые работают в Ленинграде, уже заняты конкретным делом на своих предприятиях. Будет ли целесообразным срывать их с этих мест, и как отреагируют на эту акцию коллективы, руководство этих предприятий, да и согласятся ли сами специалисты?— тоже вопрос. На создание Центра по триботехнике уйдет время, напомню, что целый год пятилетки уже потерян для внедрения эффекта безызносности. Допустим, ленинградский центр вырастит собственных специалистов этого профиля, но кандидаты наук появятся через пять — семь лет, доктора — через десять — пятнадцать... Сколько еще времени уйдет! И кто за это ответит? А никто! Работа-то делалась, меры принимались...

В плане же товарища Каменева умножаются на нуль уже существующие две лаборатории с очень сильными, авторитетными кадрами: два доктора и пять кандидатов наук — сам автор открытия возглавляет работы!

В ожидании официальных ответов я попробую высказать свою точку зрения на вопрос, почему принятие постановления Совета Министров оттягивается уже долгие девять месяцев... Цифра весьма соблазнительная для сравнения. Но, как говорят в народе, девять беременных женщин не родят одного ребенка за месяц... Добавлю: и за девять тоже, если их раздирают внутренние противоречия, лежащие в основе благого дела. Поскольку в случае с внедрением эффекта безызносности противоречия, гнездящиеся внутри одного министерства, пересаживаются на всесоюзную почву, то они объективно препятствуют рождению постановления. Думается, постановлений должно быть два. Первое — по работе Миннефтехимпрома, обязывающее его заключить договоры с изобретателями для внедрения металлоплакирующих смазок. И второе, из которого бы следовало, что проблема ни в коем случае не должна уходить из Москвы, так как в условиях усугубляющегося дефицита времени технологическая задача в полном ее объеме, то есть для всей промышленности страны, изучена в единственном месте — МНТК «Антикор». А вот триботехнические центры, и не только в Ленинграде, но и других крупных промышленных городах просто необходимы как соревновательные научно-практические подразделения.

Выше я говорил о своих сомнениях относительно скорого внедрения эффекта безызносности. Но откуда взяться оптимизму, если совсем недавно в интервью одной из московских газет министр нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности Н. В. Лемаев не без меланхолии так высказался по поводу критики в печати вверенного ему министерства: «Теоретически все верно, выпуск их мы уже в этой пятилетке увеличим втрое. Но успеют ли, скажем, машиностроители технологически перестроиться (а чем сейчас занята вся страна?— Ю. С.), чтобы их эффективно использовать? Важен-то конечный результат».

Интересно, какая из промышленностей «не переварит» высококачественные масла? Автомобильная, что ли? Но на БелАЗе металлоплакирующую смазку делают сами чуть ли не кустарно. Объединение «ВАЗ» присматривается к французской МЕТАЛЛ-5 на предмет закупки, а у нас есть не уступающие, даже превосходящие ее аналоги, от выпуска которых Миннефтехимпром открещивается. Может быть, не справится текстильная? Разработанные для нее смазки позволят получать 60 миллионов рублей экономии в год. Так что ж, денег будет некуда девать текстильщикам? Этим озабочен товарищ Лемаев?

Что же касается «увеличения в пятилетке в 3 раза», то здесь нужно пояснять цифрами.

По данным Миннефтехимпрома, в 1985 году ими было изготовлено 700 тонн таких смазок восьми наименований. Помножим 700 на 3 — получили 2100 тонн. Много это или мало? Так вот, если всю эту смазку отдать только машиностроителям страны, ее едва ли хватит, чтобы ваткой протереть все трущиеся детали... Вот и получается: на словах — увеличение в три раза, а на деле — умножение на нуль... «Важен конечный результат»,— совершенно правильно заметил министр.

...«Эффект безызносности, или избирательный перенос при трении». До сих пор не могу отделаться от впечатления некоей фантастичности этого открытия. «Безызносный» — это синоним к таким словам, как «бессмертный», «вечный»...

Гораздо интереснее мне было бы рассказать читателям о едином коллективе этих двух уникальных лабораторий «Антикора», об их научно-практических разработках да и о самом межотраслевом комплексе, его интереснейших задачах по защите металлов. Конечно, писать, прослеживая шаг за шагом ход мысли ученого, изобретателя, тем самым оживляя в себе и сопереживая творческий процесс вместе с создателем нового качества, несравненно интереснее, приятнее да и полезнее для здоровья, чем вести изнуряющую душу тяжбу с высокостоящими организациями и лицами, закосневшими в уверенности собственной правоты, непогрешимости, безнаказанности,— страшная это сила и опасная...

Не буду здесь приводить полностью задачи, которые выработали и готовы возложить на себя специалисты из «Антикора»,— заинтересованные организации могут с ними ознакомиться сами. Приведу лишь некоторые положения, показывающие, что проблему они берут комплексно, всесторонне, не «зацикливаясь» только на смазках. Их и так уже изобретено достаточно — дело за внедрением.

В их намерения входит (цитирую): «...разработка и внедрение новых износостойких и антифрикционных материалов, способных работать в режиме безызносности при смазке морской и пресной водой, топливом, нефтью и другими жидкостями.

Разработка и внедрение на основе эффекта безызносности новых технологических процессов обработки деталей узлов трения машин, обеспечивающих сокращение времени приработки машин...»

Это лишь небольшой кусок из планов предполагаемой работы. А что даст их осуществление в целом народному хозяйству уже в этой пятилетке? Для того, чтобы лучше видеть серьезность задач, сравним их с заданием, полученным нашей промышленностью в этом же направлении и на тот же период.

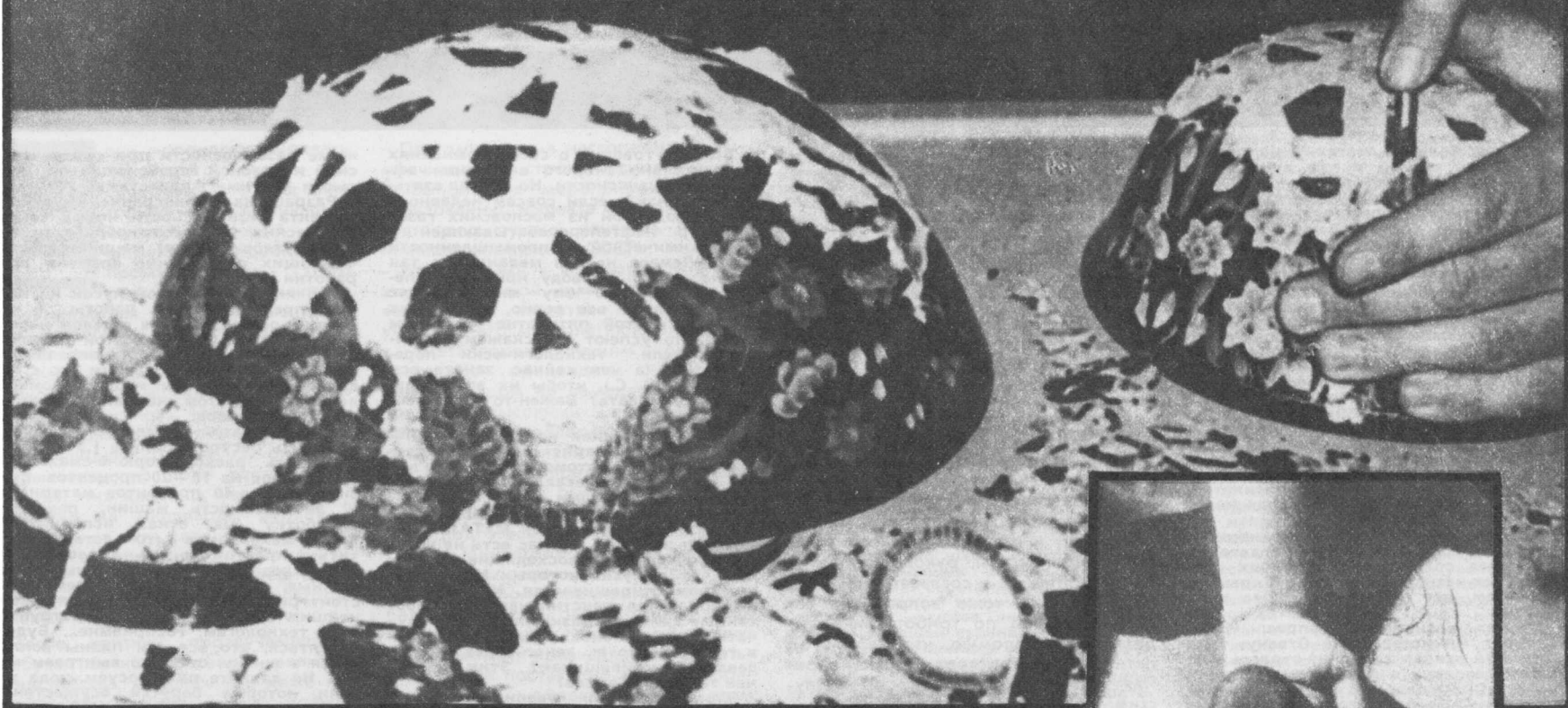
В двенадцатой пятилетке намечено повысить ресурс машин в 1,5—2 раза, сократить расход горюче-смазочных материалов на 10—20 процентов. Снизить на 20—40 процентов материало- и энергоемкость машин, повысить наработку на отказ исполнительных механизмов (то есть сократить простои из-за поломок) в 2,5—3 раза. Планы эти очень напряженные, над их исполнением предстоит работать и работать напряженнейшим образом ученым, конструкторам, технологам, госприемке... Будем надеяться, что все эти планы воплотятся в жизнь, от этого выиграем мы все. Но давайте приплюсуем сюда задачи, которые берутся осуществить специалисты из «Антикора» в случае, если им эту возможность предоставят.

Слово Дмитрию Николаевичу Гаркунову:

— И производство, и эксплуатацию машин мы беремся вывести на новый, высокоэффективный уровень, при котором для многих машин массового применения вообще не потребуется капитального ремонта, за счет применения в них *самовосстанавливающихся* (это высшая цель нашей работы!) узлов трения. Расход топлива снизится на 3 процента, а смазочных материалов — до 8 (восьми!) раз. КПД машин возрастет на 10—15 процентов, а расход электроэнергии сократится на 25 процентов.

Согласитесь, что только за осуществление этой последней цифры экономии можно будет поставить памятник... Поэтому нельзя считать нормальным тот факт, что внедрение столь революционного открытия носит в стране характер партизанских действий, хотя уже сейчас благодаря отдельным «очагам сопротивления» Миннефтехимпрому дает 15 миллионов рублей экономии ежегодно. Простое внедрение — технологически простейшая акция, не требующая практически ни материальных затрат, ни реконструкций предприятий,— просто принятие к широкому внедрению уже изобретенных смазок увеличит сумму экономии по крайней мере в 100 (сто!) раз.

Открытый Гаркуновым и Крагельским эффект относится к числу самоорганизующихся процессов природы. Безызносность, если брать наиболее близкий нам пример, проявляется в узлах трения самого человека: в суставах рук, ног, пальцев, сочленениях позвоночника... Роль плакирующей смазки, покрывающей защитной пленкой трущиеся участки наших с вами костей, выполняет суставная жидкость, отпущенная нам в достаточном количестве самой природой. Здесь мы, к счастью, ни от какого министерства не зависим, иначе бы нам труба: на смазках Миннефтехимпрома далеко не уйдешь.

ТРАНЗИТНЫЙ ГАШИШ

В БАГАЖЕ ЛАССНЕРА ОБНАРУЖИЛИ ЕЩЕ ШЕСТЬ ВАЗ ИЗ ПАПЬЕ-МАШЕ, У ФЮРСТА — СЕМЬ. ТАКИМ ОБРАЗОМ, У НИХ БЫЛО ПОРОВНУ НА КАЖДОГО. ПРИГЛАСИЛИ ПОНЯТЫХ. ПРИНЕСЛИ ФОТОАППАРАТ. ВАЗЫ ВСКРЫВАЛИ СНИЗУ, ОСТОРОЖНО ОТДЕЛЯЯ ОДИН СЛОЙ ОТ ДРУГОГО (КАК ИЗВЕСТНО, ПАПЬЕ-МАШЕ — МАТЕРИАЛ СЛОИСТЫЙ)...

Олег ШМЕЛЕВ

Ранним утром 17 октября 1986 года в аэропорту Шереметьево-II совершил посадку авиалайнер, прибывший рейсом СУ-546 из Коломбо.

Все рейсы одинаковы, наверно, для любой службы любого международного аэропорта, кроме таможенной. Ошибочно думать, что таможенники подозревают всех поголовно авиапассажиров в противозаконном намерении тайно переправить запрещенные к ввозу и вывозу товары и предметы. Но таможенный контроль, помимо многого прочего, именно на то и существует, чтобы нечестные люди не использовали свое перемещение из одной страны в другую для контрабандных махинаций и для нанесения тем самым разнообразного вреда государствам, через которые они перемещаются. Механизм обогащения прост: спекулянты везут товары, которых много в одних регионах и совсем нет в других. Таможенникам всего мира известны напряженные линии, по которым ввиду разности потенциалов на конечных пунктах особенно интенсивно перетекают те или иные товары повышенного спроса. Некоторые страны в силу своих климатических условий с древних времен и до наших дней всегда были производителями и поставщиками экзотических товаров — сначала пряностей, затем и наркотиков, среди которых особенно известны зеленоватая марихуана и бурый гашиш, действующие на разных широтах под разными псевдонимами—например, анаша, план,— добываемые из конопли, а также опиум и морфий, получаемые из опийного мака.

Неудивительно, что таможенники многих стран дали рейсам из определенных регионов отличительное название — «наркотические». Их, в общем, и повсюду отличают по тому же признаку. Этим и определяется специфический акцент контроля на всех таможнях мира при обработке рейсов, подобных рейсу СУ-546 Коломбо — Москва, прибывшему ранним утром 17 октября 1986 года.

Старший инспектор таможенной службы Владимир Викторович Савинов, заступивший на смену накануне, занял свой рабочий пост и дожидался пассажиров. Их оказалось не так уж и много, но все равно проверять каждого именно на предмет наркотиков у него не было намерения. Такой контроль всегда и везде ведется выборочно, иначе не хватит никакого времени, а у пассажиров — терпения.

К стойке подошли двое высоких молодых людей. По тому, как они друг к другу обращались, сразу было видно, что это давние знакомые, а не просто случайные попутчики. Так... ТомасЛасснер и Марсель Фюрст, граждане Швейцарской Конфедерации, оба 1963 года рождения. В Москве транзитом, улетают в свой родной город Цюрих рейсом СУ-269 в 9.45, то есть через пять часов. Держатся вполне спокойно.

У Ласснера на плече желтая сумка. Савинов попросил открыть ее. В глаза бросилась ярко разрисованная не то ваза, не то чаша. Савинов взял ее в руки и ощутил некое несоответствие, не поддающееся логическому объяснению. Судя по всему, ваза сделана из папье-маше. Прибавим лак, которым она крыта, прибавим краску. И все равно удельный вес явно не по материалу. Савинов пощелкал пальцем по вазе, но это не было каким-то точным измерительным приемом, вроде того как простукивают стену в поисках пустот или, наоборот, уплотнений. Жест скорее показывал, что ваза навела Савинова на раздумье, хотя на ее донышке и приклеена фирменная этикетка.

Ласснер довольно бойко говорит по-английски, Савинов тоже знает английский. Все в порядке, объяснил Савинов, возвращая вазу, вопросов больше нет. Швейцарцы отправились в зал ожидания. У них уже были посадочные талоны на рейс СУ-269, багаж — в багажном отделении, оставалось только скоротать время.

Можно предположить, что после простукивания вазы друзья уже не были вполне спокойны. И не напрасно.

Савинова слишком молодым не назовешь, ему тридцать четыре, имеет высшее образование, но на таможне работает всего третий год. Поэтому, испытывая сомнения по поводу вазы, он счел необходимым посоветоваться с более опытным сослуживцем и обратился к товарищу по смене Рустаму Зайдуллину. Решено было досмотреть багаж двух швейцарцев.

Савинов разыскал их и попросил в багажное отделение. Сообразуясь с таможенным кодексом и правилами, он, прежде чем приступить к осмотру багажа, предложил Ласснеру и Фюрсту заполнить декларации. В пункте, содержащем вопрос о наличии наркотиков, оба написали «нет». Он устно спросил их, нет ли гашиша или марихуаны. Они ответили «нет».

В багаже Ласснера обнаружили еще шесть ваз из папье-маше, у Фюрста — семь. Таким образом, у них было поровну на каждого. Пригласили понятых. Принесли фотоаппарат. Вазы вскрывали снизу, осторожно отделяя один слой от другого (как

известно, папье-маше — материал слоистый). В донышках и на тыльной стороне полусферических чаш-ваз открылись полиэтиленовые пакеты, приклеенные липкой лентой, а в них прессованный гашиш...

Тут надо сделать некоторое отступление. Этика и неписаные законы нашей журналистики не позволяют предварять постановления суда и в какой бы то ни было форме навязывать судебным органам свою дилетантскую квалификацию событий и личностей, объектов и субъектов. Но в данном случае мы не погрешим против этики, потому что, во-первых, суд уже состоялся, а во-вторых, в человеческом обществе не существует таких законов, которые бы запрещали нам сочувствовать осужденным и считать, что их противоправные действия — трагическая ошибка, которая не повторится. Автор этих строк встречался с Ласснером и Фюрстом в следственном изоляторе, разговор был долгим и вполне открытым. Это не выходцы из богатых семей, не прожигатели жизни. Ласснер — студент второго курса Цюрихского университета, учится на этнологическом факультете (в нашем понимании — на этнографическом). Чтобы накопить деньги на поездку, он все каникулы работал в одном из вычислительных центров Цюриха. Марсель Фюрст по профессии фрезеровщик и сверловщик (у них это называется «оператор производственных машин»). Семья у Фюрстов многодетная, мать давно страдает полиартритом, отца нет. Ради поездки Марселю пришлось влезть в долги.

Ни Ласснера, ни тем более Фюрста, конечно же, не следует считать профессиональными распространителями наркотиков, матерыми торговцами. Обнаруженный у них гашиш весил около четырех килограммов. Гашиш, конечно, менее вредоносен, чем морфий или героин. Все это так. Но...

Они везли наркотик для продажи. И сами тоже курят. Однако для нас важнее особо выделить то, как вели они себя при таможенном досмотре и позже. Их поведение показывает, как пристрастие к наркотику и стремление обогатиться на торговле им деформируют нравственный облик, в какую зависимость от наркотика попадает человек. В этом смысле история двух швейцарцев поучительна и для наших молодых людей, хотя до недавних пор считалось, что проблема наркомании не носит у нас тревожного характера. Для самих же швейцарцев их московское несчастье, может быть, обернется во благо, убережет от преступных шагов в будущем.

...Итак, гашиш предстал взорам присутствующих. У владельцев багажа спрашивают: как, мол, все это понять? Они говорят, что ничего не знают. Показывают квитанции на покупку ваз. На квитанциях фирменный гриф: «Government Arts Emporium». На такие простодушные доводы таможенникам приходится лишь улыбаться столь же простодушно. Сам собой напрашивается вопрос: если это наркотики, то почему не заявили в декларации? Ну, выпотрошили бы ваши вазы, и летите себе в Цюрих с пожеланием мягкой посадки. Конечно, требуется еще провести химический анализ, чтобы с исчерпывающей точностью установить, что за вещество заключается в этих пакетах, но мы же не дети, слоеный пирог из папье-маше не начиняют мармеладом или аджикой. На это Ласснер сначала отвечал, что не разобрал в декларации содержание пункта № 2; а значительно позже в своем письменном признании, которое он назвал чистосердечным, сказал правду: «Хочу откровенно признать, что если бы я даже и понял содержание пункта 2 декларации о наличии наркотиков, то все равно не заявил бы об их наличии у меня, поскольку это не входило в мои планы. Думаю, что на устный вопрос я также дал бы аналогичный отрицательный ответ». Но это потом, когда они уже были далеко и от первых треволнений, и, главное, от своего наркотического груза. А пока здесь, в аэропорту Шереметьево-II, разговаривавшим с ними людям было неприятно и досадно наблюдать, как изворачиваются эти двое, на глазах превращаясь из симпатичных молодых людей в какие-то жалкие, раздраженные создания...

В общем, очень скоро все было совершенно четко и недвусмысленно установлено. Действия швейцарцев подпадали под признаки статьи 78 Уголовного кодекса РСФСР. Не имеет значения то обстоятельство, что граждане Швейцарской Конфедерации везли гашиш по маршруту Коломбо—Цюрих через Москву транзитом. Каждое государство, соблюдающее правила борьбы с контрабандой наркотиков, обязано строго пресекать попытки перемещения через его территорию подобных товаров, наркомания — беда общечеловеческая. Было возбуждено уголовное дело, начато следствие.

Старшему следователю следственного отдела Комитета госбезопасности майору Александру Алексеевичу Ковалеву, принявшему дело к своему производству, с учетом опыта его работы расследование противоправных действий двух швейцарцев не представлялось сложным. Правда, с Томасом Ласснером поначалу не все шло так, как хотелось бы, но к этому Александр Алексеевич был готов. С первого же допроса ему стало ясно, что в этой паре Ласснер ведущий, а Фюрст ведомый. Роль лидера предназначалась первому решительно по всем данным: по образованности, житейскому опыту, темпераменту, да хотя бы уже и в силу того, что напористый Ласснер знал английский язык, а флегматичный Фюрст не знал. Это весьма существенно, так как там, где они путешествовали, с местными жителями изъясняться они могли только по-английски.

Еще более существенное обстоятельство выяснилось, когда Ласснер, при первых допросах упорно державшийся на позициях, занятых им при досмотре в Шереметьевском аэропорту, наконец-то выложил всю правду. Он выдавал ее небольшими порциями, пока не понял, видимо, что чистосердечное признание — самый простой и верный путь. Оказалось, что совершал он свой вояж в гашишные края не впервые, как утверждал раньше, а в третий раз. И наркотик покупал у того же человека, который продал ему в 1985 году килограмм гашиша. Тогда он возвращался на родину не через Москву, а прямым рейсом. И благополучно провез через родную швейцарскую таможню свой килограмм, расфасованный, как и в этот раз, по таким же точно вазам, слепленным из папье-маше...

Возникает недоумение: почему Ласснер предпочел на сей раз возвращение в Швейцарию через Москву, если предыдущая его операция при том же камуфляжном реквизите сошла ему с рук? Он даст свое объяснение, выглядящее жизненно и правдоподобно, однако не исключающее и иные толкования, если посмотреть на ситуацию не с личной, а с более приподнятой точки зрения.

Но тут история выстраивается в новый, особый сюжет, который придает этому частному случаю характерный смысл и типичность и вместе с тем заставляет предполагать, что кое в каких деталях начинающие контрабандисты или не до конца были откровенны со следователем, или сами оказались в плену добросовестного заблуждения. Начнем по порядку...

Пренебрегая самой первой поездкой Ласснера за незначительностью обратной контрабанды (100 граммов гашиша), перенесемся в год 1985-й. Ласснер остановился у человека по имени Мохаммед Наби Сет, который сдавал приезжим комнаты в плавучем домике на озере, привлекавшем туристов своей живописностью. Между курящим гашиш гостем и выросшим в краю гашишной конопли хозяином сложилось естественное взаимопонимание. Перед отлетом на родину Ласснер купил у Мохаммеда килограмм гашиша. Мохаммед привел своего приятеля, местного кустаря-умельца, который слепил из папье-маше и разрисовал вазы, предварительно нашпиговав их, а потом наклеил на свои изделия фирменные ярлыки и собственноручно выписал Ласснеру квитанции на бланках фирмы «Government Arts Emporium».

При таможенном досмотре в аэропорту Женевы раздели Ласснера, как он рассказал, до трусов. И нашли приклеенный к трусам пакетик, в котором лежали семена конопли — сотня зернышек. Ласснер собирался посеять их в цветочные горшки и таким образом заложить собственную домашнюю плантацию. Семена, разумеется, конфисковали, а на вазы таможенники не обратили внимания. Мы далеки от мысли подвергать какому-либо сомнению профессиональную подготовку швейцарских таможенников. Поэтому если вникнуть в общую обстановку на фронте борьбы с наркотиками, то отношению западноевропейских таможен к различным рейсам, которые у них считаются наркоопасными, невольно приходится искать объяснение совсем в иной области, не имеющей прямой связи с контрабандой наркотиков. Для этого есть определенные фактические основания, но о них поговорим ниже, а пока вернемся к путешественнику.

Продав с огромной прибылью 700 граммов гашиша (в том числе своему другу Марселю Фюрсту — около 100 граммов) и тем самым окупив все расходы на поездку, Ласснер решил и в 1986 году провести ту же операцию, но уже в более крупных размерах. Он посвятил Фюрста в свои планы. Они дружат уже лет шесть, играли в ручной мяч за одну команду, и у Томаса не было секретов от Марселя. Фюрст тоже захотел поехать, и они начали подготовку, опираясь на опыт двух предыдущих поездок Ласснера.

Мохаммеду было послано письмо с просьбой зарезервировать комнату на двоих в плавучем домике. Купили шестьдесят полиэтиленовых мешков, несколько катушек клейкой ленты, медицинский лейкопластырь, клей в тубе, весы.

Надо полагать, и финансовая сторона дела была рассчитана заблаговременно. А расчеты выглядят в конечном итоге следующим образом.

Друзья купили четыре килограмма гашиша. Считая и плату за упаковку, каждый килограмм обошелся им примерно в 1500 швейцарских франков (они платили другими деньгами, но по существующему реальному валютному курсу).

В Швейцарии они намеревались продавать гашиш не по 10 франков за грамм, как рассчитывали перед поездкой, а по 11 (они объясняли: инфляция). За килограмм получается 11 тысяч франков. Нетрудно высчитать размер прибыли: более 700 процентов. Никаким империалистам-монополистам ничего похожего и не снилось. Лишь международная мафия, контролирующая торговлю наркотиками, умеет выжимать более высокие проценты, но именно оттого и пахнут кровью ее баснословные доходы. В этом, что называется, разрезе наши неудачливые путешественники выглядят нем угодно, только не безобидными овечками.

А теперь пора рассмотреть вопрос, поставленный выше: почему был выбран для возвращения маршрут через Москву? Ласснер и Фюрст единодушно отвечают: через Москву дешевле. Это верно.

Однако закономерен и следующий вопрос: не исходили ли они хотя бы отчасти из того опрометчивого соображения, что через Москву безопаснее? Ответ опять единодушный: нет.

И все-таки не верится: трудно себе представить, что рейс транзитом через Москву был выбран только из желания сэкономить несколько десятков франков.

Но эти наши рассуждения тоже кажутся недостаточно убедительными, пока не сопоставишь некоторые неоспоримые факты.

Не так давно в Москве осужден за контрабанду гражданин Швейцарской Конфедерации Роланд Расин, пытавшийся провезти транзитом из Непала около пяти килограммов гашиша (об этом сообщала центральная пресса).

В конце прошлого года мы узнали по телевидению об операции, проведенной Московской центральной таможней: в контейнере, принадлежащем США и следовавшем по железной дороге от южной границы транзитом в ФРГ, под видом изюма кто-то пытался переправить контрабандный груз — одну тысячу двести семнадцать килограммов гашиша.

Цюрихская городская газета «Тагес анцайгер» опубликовала заметку, в которой сообщалось, что на таможне при досмотре багажа супружеской пары, прибывшей самолетом из Москвы, обнаружен гашиш. Вывод: в Советском Союзе плохо борются с контрабандой наркотиков.

Я спросил у Марселя Фюрста, читавшего газету «Тагес анцайгер» и рассказавшего об этой заметке, не мог ли такой вывод хотя бы косвенно повлиять на решение лететь из Коломбо через столицу Советского Союза. Он твердо ответил: нет, не мог, потому что заметка была опубликована за день или два перед их отлетом из Цюриха, билеты же на весь рейс они к тому времени уже приобрели. Фюрсту можно верить, но позволительно все же высказать удивление: с чего это вдруг так много швейцарцев, желающих тайно провезти наркотики, избирают путь через Москву?! Да и не только швейцарцы пытаются использовать этот маршрут. Как свидетельствуют факты, в транзитной контрабанде наркотиков были уличены на территории Советского Союза граждане Австрии, Греции, Италии, ФРГ. Нам неизвестно, равняется ли врожденная экономность жителей Швейцарии прижимистости шотландцев, вошедшей в пословицы англоязычных народов, но неужто все дело исключительно в этом? Значит, для того, чтобы направить поток контрабанды по другим каналам, довольно повышения цен на авиабилеты?

Взрослым людям как-то неудобно сводить задачу к столь примитивным решениям. При подобных методах причины и следствия приводятся в нелепую несопоставимость, которая, как ни печально это и ни удивительно, ускользает от огромной массы тех же взрослых людей, когда их дезориентируют достаточно настойчиво и долго.

Не хотелось бы прибегать к тривиальной образности выражений, но поистине яд вкрадчивой предвзятой пропаганды действует на сознание сильнее любого наркотика. Положим, «Тагес анцайгер» — всего лишь городская газета, читателей у нее наверняка не миллион. Но что происходит в головах людей, еще не умудренных жизнью, если все средства массовой информации изо дня в день печатно, устно и с телеэкранов повторяют измышления различных безответственных высокопоставленных лиц о том, например, будто Болгария — главный виновник небывало выросшего распространения наркомании во всем мире, а Советский Союз намеренно закрывает глаза на контрабанду «белой смерти» через свою территорию с целью подорвать здоровье и нравственные устои молодежи на Западе? Тут и не хочешь, а отправишься за марихуаной в жаркие страны и на обратном пути полетишь непременно через Москву или Софию...

Что касается Ласснера и Фюрста, то они, вероятно, обычный продукт своего времени и того общества, которое их сформировало. Несмотря на безусловную вину перед законом, они не возбуждают в душе злых чувств. Тем более что уже наказаны. Сложность отношения, ими к себе вызываемого, быть может, станет понятнее, если воспроизвести здесь разговор с ними. Говорил я с каждым отдельно, а вопросы задавал одни и те же. Отвечали они по-немецки. Переводчики были первоклассные.

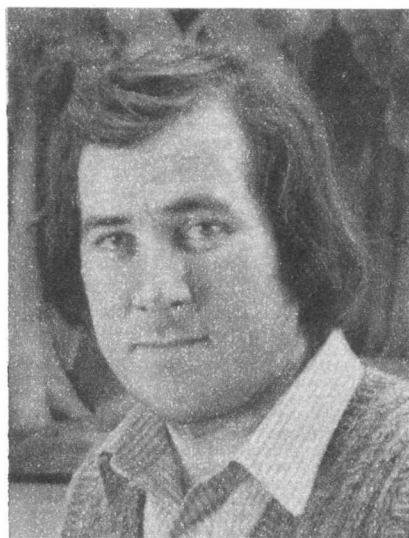
— Когда вы начали курить гашиш?
Л.— Примерно в семнадцать с половиной.
Ф.— В восемнадцать.
— Считаете ли вы себя настоящим, законченным наркоманом?
Л.— Употребляю по возможности. Я уверен, что никогда не сделаюсь настоящим наркоманом. Гашиш не такая опасная вещь.
Ф.— Нет, не считаю.
— Вы предпочитаете гашиш, но у вас в багаже нашли и опиум, правда, немного — девять граммов. Зачем вы его везли?
Л.— Хотелось попробовать, как это действует.
Ф.— Интересно испытать.
— С наркоманами часто случается так: сначала марихуана, потом попробовал опиум, потом кокаин, морфий, героин и, наконец, контейль — по возрастающей. И переходит человек от одного к другому как бы из простого любопытства. Вы же грамотные люди и хорошо знаете, в чем коварство наркотиков. Человек не улавливает ту границу, где пробование переходит в болезненную привычку. Вас это не пугает?
Л.— Меня не пугает. Я приверженец гашиша.
Ф.— Нет. Я не собираюсь менять. И к тому же героин — это слишком сложно и дорого.
— Кто ваши основные покупатели гашиша в Цюрихе? Сколько им лет?
Л.— От девятнадцати до двадцати пяти. Но есть и пятнадцатилетние.
Ф.— Я не занимался торговлей. Если бы привез гашиш в Цюрих, продал бы знакомым. Они моего возраста или немного старше.
— Представьте себе, прошло лет двадцать. У вас растут дети, и вот, когда им сравнялось семнадцать, вы вдруг узнаете, что они употребляют наркотики. Как вы к этому отнесетесь?
Л.— Родители должны воспитывать своих детей, чтобы они понимали вред наркотиков. Я бы постарался разъяснить им, что это плохая привычка.
Ф.— Смотря какие. А вообще родителям надо оберегать детей от наркотиков.
— Ваши родители тоже, наверно, не советовали вам употреблять наркотики. Как же объяснить, что вы все-таки курите гашиш?
На это оба лишь неопределенно пожали плечами.
— Значит, всегда кто-то подталкивает молодого человека? Может быть, торговцы?
Молчание.
— Как же с этой точки зрения вы сами расцениваете свое участие в распространении наркотиков?
Опять молчание.

Из вопросов и из их порядка видно, что спрашивающий наивно старался внушить собеседникам простейшую, не требующую специальных обоснований мысль о пагубности наркомании и о неблаговидности того рода предпринимательства, которым они занялись. Из ответов и умолчаний собеседников и из самого факта их пребывания в следственном изоляторе легко понять, что эту хроническую болезнь человечества невозможно побороть одними лишь психотерапевтическими методами.

Ласснер огорчался тем, что дело получит огласку в печати. Сначала я хотел обойтись начальной буквой его фамилии. Менее осторожный и предусмотрительный Фюрст никакого беспокойства по этому поводу не выказывал. Подумав, я отказался от первоначального намерения. Во-первых, это было бы несправедливо по отношению к Фюрсту. Во-вторых, прятать Ласснера за инициалами — маскарад бессмысленный. Да это даже и не маска — прозрачная вуаль. Много ли в Цюрихском университете на этнологическом факультете студентов под фамилией на букву Л., совершающих дальние путешествия и курящих гашиш? К тому же в суде присутствовали сотрудники посольства Швейцарии. И сверх всего, надо полагать, история двух друзей станет известна в Швейцарии и помимо «Огонька» — в том случае, конечно, если средства массовой информации и упоминавшаяся «Тагес анцайгер» в их ряду, не потеряли интерес к жгучей для них теме: московские таможенники и контрабанда наркотиков. А с другой стороны, можно ведь рассудить и иначе. По западным меркам случай этот — сущая мелочь.

ПАЛИТРА

ЛИЦА́ НЕОБЩИМ ВЫРАЖЕНЬЕМ...

Стелла **ЯМОНТ**

О московском художнике Анатолии Кулиниче много говорят, спорят, пишут. Вот некоторые мнения.

«Пересказать картины Кулинича почти невозможно, разве можно передать словами музыку, лунный свет, улыбку ребенка...»

«Принцип его работы представляет собой единый сплав фантазии и реальности. Он идет от внутреннего удивления к осмыслению, от эмоции к умному и тонкому воспроизведению чувств».

«Художник любит создавать «изобразительные притчи». И тут как нельзя более подходит его творческая манера, основанная на метафоре и преувеличении».

«А иногда изображено как будто что-то смешное: кот в упряжке, а всмотришься, и становится страшно, какой мрачный смех. Вместе с тем в психологии автора есть что-то прочное, здоровое, уверенность в себе. Такая народная, пожалуй, даже крестьянская устойчивость».

«Есть художники, которые долго и мучительно ищут свой путь в искусстве, свое изобразительное решение, свой взгляд на вещи. А вот у Кулинича — впечатление, что все это пришло как-то сразу».

— Сразу?! Только ведь у художника древо жизни так: сначала корни, потом ростки, а уж потом ствол.

Не те ли корни, ростки в «Весне», программной работе молодого художника? Сюжет композиции прост: три мастеровых Природы с огромным саженцем на тележке деловито шествуют вершить извечное дело обновления жизни. Проще — копать, сажать, растить. Обычные вроде бы весенние хлопоты. Но в конкретном бытовом мотиве (телогрейка, лопата, сапоги — видели ли вы подобные облачения в свите Весны?) ясно выражается поэтическое содержание явления. Идея воскресения. Не идея даже, а живое ощущение его: везут деревце в новую колыбель. Дальнейшее «быть или не быть» всецело в рабочих, натруженных руках.

Рука художника, берущего кисть,— рука творца. Зеленый росток, пробившийся сквозь землю, то же, что и первый холст.

СКАЗ О ДОМЕ

— Все мы родом из детства, там корни, истоки...

Старый, заброшенный дом на краю деревни. Заколоченные окна, забитые двери. Художник остановился пред ним, как издревле на распутье: направо пойдешь — богатство найдешь, налево — коня потеряешь, прямо... Прямо. Сбил крестовину с окна и пристроился на ночлег на лавке. Но уснуть не смог. Старый дом жил. Своими стенами, тенями, шорохами. Своим теплом, согревающим душу. Защемило сердце, вспомнился родной, отчий...

Анатолий Кулинич родился на Украине, в Сумской области, в деревне Беево. Рос у матери один, без отца, сполна хлебнув все тяготы послевоенной жизни. С трех лет вел домашнее хозяйство (мать с раннего утра до полуночи в поле), пас коз, поливал огород, кормил себя и любимого рыжего кота Ваську. Нелегкое детство, но Анатолий вспоминает его без горечи. Кроме нужды и недетских забот, были еще речка, лес, были звездные украинские ночи и чудные зимние вечера. Собирались в избе деревенские рукодельницы, в центре мать, словно Марья-искусница. На всю округу она слыла лучшей вышивальщицей. Стежок за стежком, а глянешь — из-под рук дивный узор! Но чудеснее всего байки, бывальщины про леших и водяных, русалок да домовых. Слушаешь их, и рука сама тянется к карандашам, тетрадке...

— Что взял из детства? Кроме всего, крестьянскую ненависть к пустоте и любовь к своему дому.

Ненависть к пустоте — ненависть к безделью. Оттого еще в училище писал столько, что этюды с натуры на зачеты привозил... тачками. За пятнадцать лет — что другому на всю творческую жизнь: 6 персональных выставок и участие более чем в 70 крупнейших московских, всесоюзных, международных.

Любовь к дому — любовь к источнику жизни, ее хранилищу. Оттого его образ старого дома — всегда откровение. Даже в самых невероятных историях: геральдическая волчица Юность уносит в зубах деву из отчего дома, старики обстраивают мансардой проросшего сквозь крышу увальня-сына, старый дом огромной пилой перепиливают двое домовых.

Мнится мне, есть образ любимый. Тот, что из детства. Дом с руками. Самый живой среди отживших, самый памятный среди позабытых. Руки дома — руки все из себя дающего.

СОДЕРЖАНИЕ — ПУТЬ

— Как работаю? Езжу, смотрю, пишу. С весны до осени — «охота» (зарисовки: природа и жизнь на лету), с осени до весны — работа (в мастерской, по замыслу).

Первая поездка была по тюменскому Северу в 1970 году. Тотчас после выхода из стен «альма-матер»— Московского художественного училища памяти 1905 года. Первое сильное впечатление — сибирская деревня, с ее могучей и первозданной природой, с ее самобытным житьем, с ее крепкими (как природа) характерами. Первая поездка на многое открыла глаза. Чуял цвет, а тема диктовала форму. Писал натуру, а выходил высеченный из обыденного символ. Нутром осознал: это для графики. Так появилась серия литографий «Сибирская деревня».

Затем поездки по Уралу, Бурятии, на Байкал, в Арктику, Туркмению. Сколько исхожено, объезжено, увидено! По Кулиничу, первично лишь то, что самим добыто, прожито, прочувствовано. От каждой поездки — рождение листа, холста, цикла.

...Бредя в тумане по берегу Баргузинского залива, художник случайно натолкнулся на три древние ладьи. Долго стоял перед ними, потрясенный былинной мощью этих «богатырей». Откликом эмоционального всплеска — литография «Свидетели былого».

Многолик и сложен мир странствий художника, одержимого потребностью осмыслить в едином потоке Вселенной жизнь Природы и Человека. Потому нет у Кулинича «чистого пейзажа» или психологического портрета. Жанр его поэтических композиций сродни философской притче. Несокрушим мир материальный, но как хрупок живой, утверждает художник.

Очеловеченная природа, жизнь человеческая, исполненная труда, поиска, долготерпения и напряженности,— об этом серии картин «По Оби», «По Байкалу», «По Туркмении». Для меня самая звонкая метафора Кулинича в мотивах «Легенд забайкальских гор».

Легенда. Давным-давно бежали из буддистского монастыря монгольские монахи. Кто спасет от преследователей? Шли степями, лесами, добрались до байкальских гор. «Прими, Мать-гора, раскройся, защити от недругов!» И раздалась гора, приняла беглецов в свои недра...

На литографии художника: стоит гора. Гора — голова. В горе — свод: рот, в гору проход. Проход — свет: из мрака в жизнь.

Что важнее всего в работах, содержание которых — путь? Истинная фольклорность с ее меткостью характеристик, гиперболой и грубоватым юмором? Или глубина человеческого откровения? Для меня — последнее.

«КОШКА В ЛОДКЕ»

— Кто из художников может сказать заранее, что у него получится? Чтобы переплыть поток, надо в него броситься. А награда нырнувшему, если о художнике,— муки радости.

Таков ответ на мою попытку узнать, как формируется поэтический образ в сознании художника, как развивается фантастический мотив, каков путь движения к философской метафоре. Быть может, разгадка в одном из самых загадочных циклов Кулинича — «Размышления о жизни».

Странствуя по сибирским деревням, Анатолий наблюдал однажды сцену: двое парней лихо рубили сильное дерево. Зачем? Не хватало бревна для строящегося дома.

Житейски банальный сюжет, вернее отголосок эмоции, через несколько лет вышел из ссылки памяти, чтобы эксцентрично-гротесково воплотиться в «Мечтателях». Два мужика, сидя на высоких столбах — голых стволах,— ожесточенно пилят то, на чем сидят.

Притча. Иносказание. Через что-нибудь бытовое — вечное. И это не стремление, не манера — стиль Анатолия Кулинича. В «Размышлениях о жизни» есть притчи сатирические: «Благодать», «Всадники», философские: «Ловцы», «Потоп», «Осыпание златом».

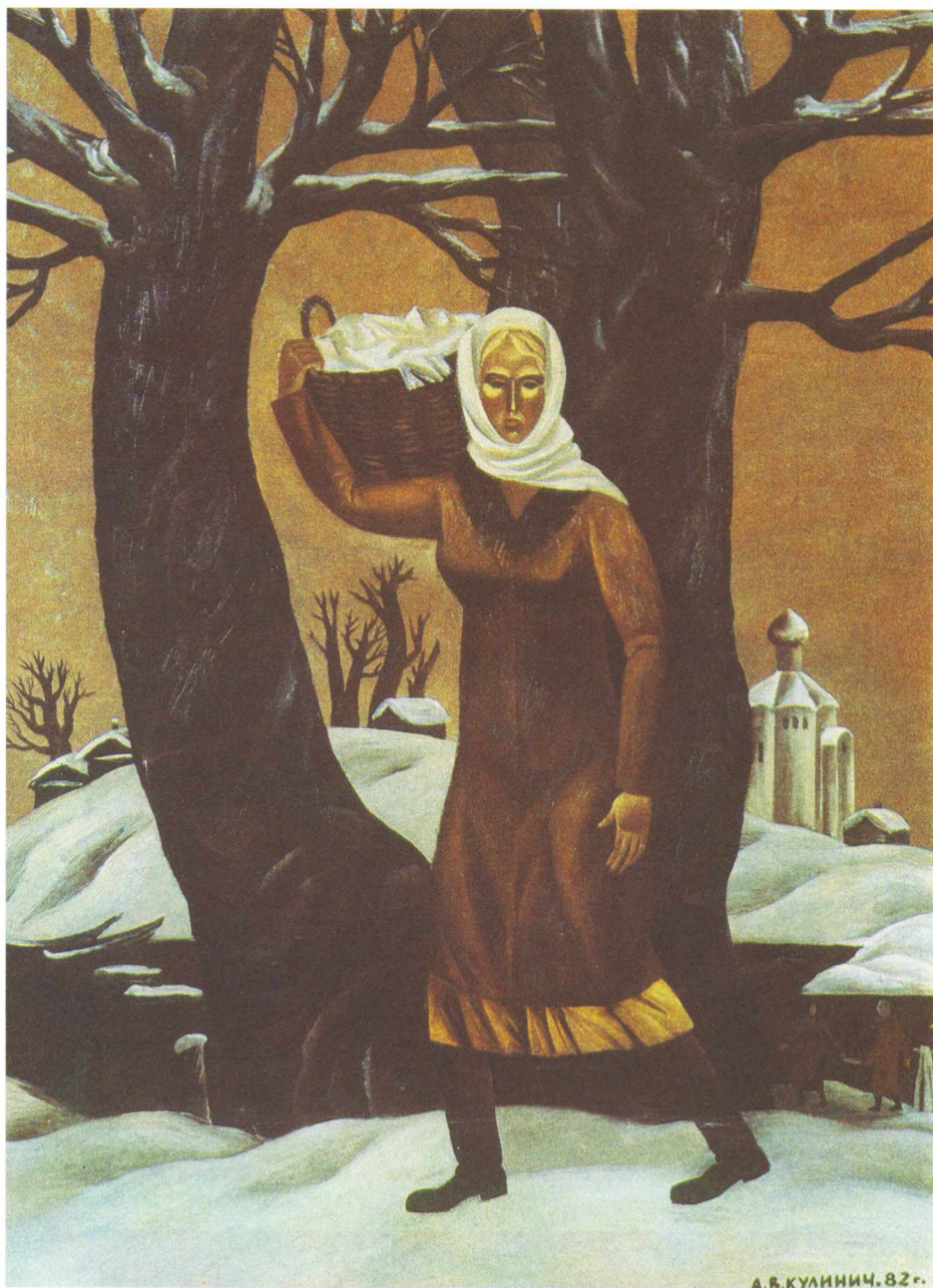
Будучи в творческой командировке от ЦК ВЛКСМ в Арктике, Анатолий подарил народному художественному музею несколько своих картин. Среди них—литография «Кошка в лодке».

«У этой работы,— рассказывал директор музея,— есть один постоянный зритель, капитан пароходства. Как приходит из плавания, обязательно к нам в музей. Берет стул и задумчиво сидит у литографии. Часами! Понимаете?»

ЧУДИТСЯ МНЕ...

— Что более всего ценю в людях? Искренность. В искусстве? Искренность. В себе? Тягу к ней.

Нынче стало модным обращение к старине. И пошла на обывательский спрос реставрация-фальсификация «русского стиля»: от иконы, от лубка, от народной игрушки... Кулинич идет не «от», а «в», то есть не реставрация, а традиция. В иконописи находит он высшее проявление цельности художественного образа. В народных примитивах — детскую непосредственность и экспрессию.

А. В. КУЛИНИЧ. Род. 1949.
ПРАЧКА. 1982.

ЖИЗНЬ СТАРОГО ДОМА. 1972.

ВЕЧЕР. (ЖЕНИХ). 1976.

ВЕСНА. 1975.

«Чудится мне...» — так говорит народ, веруя в какую-то чарующую сверхъестественную силу, которая ежеминутно, в житейском быту, может оказать необычайное действие. «Чудится мне...» — говорит художник в серии работ на тему «Народные суеверия».

— Любимые картины? Все. Даже те, что еще в замыслах. Задумал большую серию о Руси... А вам какая из моих вещей больше нравится?

Скажу. Та, с которой (как тот капитан) могу размышлять часами. «Ладья Счастья». Кому бы не хотелось по жизни — в ней? Но, увы, она уже переполнена кем-то. Счастливчики! Хотя как странны их позы, лица. Неужто банкроты ложного идола? «Я воткнул свои глаза в расписные образа...»

Я хотела сказать о Кулиниче слово свое. Ведь вместе с ним я сделала для себя пусть небольшое, но открытие: дать «новое» — это найти правду настоящего и тогда шагнуть в будущее.

Чудится мне, Анатолий Кулинич на том пути. Ибо в нем вера и способность творить чудеса.

В МАЛОЦЕННЫХ, ВЕТХИХ И АВАРИЙНЫХ ДОМАХ СЕГОДНЯ ЖИВЕТ БОЛЕЕ ТРЕТИ ДУШАНБИНЦЕВ, А ТОЧНЕЕ — 208 ТЫСЯЧ ЖИТЕЛЕЙ СТОЛИЦЫ ТАДЖИКИСТАНА. НЕУЖЕЛИ ЗДЕСЬ СОГЛАСНЫ И ДАЛЬШЕ УДЕРЖИВАТЬ ЭТУ ПОЗОРЯЩУЮ «ПАЛЬМУ ПЕРВЕНСТВА»!

ОТЧЕГО ТАК ТЕСНО В ДУШАНБЕ?

Эдмунд ИОДКОВСКИЙ, специальный корреспондент «Огонька»

ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС ПО-ТАДЖИКИСТАНСКИ

Прежде чем отвечать на вопросы, заглянем в прошлое: в 1924 году на этом месте стоял вовсе не город, а грязный и пыльный кишлак — 42 кибитки, триста жителей, базары по понедельникам («душанбе» по-таджикски — понедельник) — кишлак, ставший столицей молодой республики, ибо в отличие от древнего Ходжента с двухтысячелетней историей он находился в самом центре Таджикистана.

Я не знаю, найдется ли другой город в стране, который рос бы так быстро и с такими «перекосами». Невероятна динамика роста и всего населения республики, уже приближающегося к пятимиллионной отметке: 1924 г. — 595 тыс. человек, 1959 г. — 1 млн. 981 тыс.; 1970 г. — 2 млн. 900 тыс.; 1979 г. — 3 млн. 801 тыс.; 1987 г. — 4 млн. 805 тыс. человек. Естественно, это крайне обострило жилищную проблему как во всей республике, так и в самом Душанбе.

И вот с зампредом Душанбинского горсовета Виктором Константиновичем Черемушкиным мы отправляемся в самый центр города на улицу Назыма Хикмета, что рядом с ультрасовременной гостиницей «Таджикистан». Аварийные и ветхие дома, глинобитные кибитки зияют бельмом на лице Душанбе... Я захожу в дом 81, где живет медсестра 1-й городской больницы Т. И. Залманова. Мутное окошко почти не пропускает света в две смежные комнатки, где на 28 квадратных метрах ютятся девять человек. «Райисполком говорит: «Иди куда хочешь, пиши!» А куда я пойду, я уже двадцать два года стою в очереди!»

«В этом году снесем, не позже Октябрьских праздников...» — утешает Виктор Константинович плачущую женщину. «А мне это уже говорили, каждый год говорят!»

Недавно еще в кибитках на улице Назыма Хикмета жило 67 семей, осталось всего десять, а переселить их не удалось потому, что горсовет рассчитывал получить в прошлом году 245 тысяч квадратных метров жилья, но получил всего 195 тысяч. Каждый раз невыполнение годового плана ввода жилья больно бьет по человеческим судьбам. Из-за того, что в 1986 году жилья сдано меньше, чем в 1985-м, и план ввода не выполнен почти на треть, около девяти тысяч человек не справили новоселья, и среди них — семья медсестры Залмановой...

Необычайно быстро растет население таджикской столицы (за последние 16 лет — в полтора раза, с 388 до 583 тысяч человек), но еще быстрее выросла за последнее пятилетие жилищная очередь — в тринадцать с лишним раз! Внутри городского района оказался кишлак Казакон, накренились от подпочвенных вод пятиэтажки Бинокорона — не слишком давней новостройки, стали ставить на очередь всех, у кого меньше шести метров на человека,— все это тоже заставило расти очередь, хоть и появились на окраинах новые жилые районы — Испечак-1, Испечак-2, жилмассив имени Мукума Султанова.

«ПОДАТЬ КВАРТИРУ СЫНУ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ!..»

Но истинной причиной жилищных трудностей здесь явилось забвение принципа социальной справедливости; несмотря на самую высокую в стране рождаемость, жилья строилось преступно мало, и распределялось оно келейно, со множеством злоупотреблений. Начальство то и дело меняло квартиры, переезжая с чадами и домочадцами в дома улучшенной планировки, любуясь просторными лоджиями и коридорами, а «простые смертные» довольствовались тем, что останется. Вот несколько примеров того, как «решалась» жилищная проблема в недавние годы. Я начну со случая вполне фантастического.

Мирали Махмадалиев — весьма уважаемый в республике «раис», председатель колхоза имени Ленина в Кулябской области, отмеченный Звездой Героя Социалистического Труда. Ему показалось не с руки останавливаться в переполненных гостиницах во время визитов в Душанбе. Решил наш «раис» в обход жилищной очереди выбить квартиру — нет, не для себя, а для сына-душанбинца — и преуспел в этом деле! Выделили его отпрыску роскошную трехкомнатную квартиру улучшенной планировки в новом доме по улице Навои — так сказать, за заслуги отца, и небо над улицей Навои долго было безоблачным...

А гром все-таки грянул, когда в стране началась перестройка, когда стали «бывшими» первый и второй секретари ЦК Компартии Таджикистана Р. Набиев и Ю. Белов и ушли на пенсию их многочисленные угодники. Накануне нового, 1987 года состоялось заседание Бюро ЦК КПТ, на котором шла речь о том, что за последнее время широкое распространение получила порочная практика, когда некоторые партийные, советские и хозяйственные руководители, потеряв чувство скромности, а порой и злоупотребляя служебным положением, в нарушение жилищного законодательства домогались выделения квартир не только себе, но и своим детям и родственникам. Так, по согласованию с Р. Набиевым незаконно выделены квартиры С. Акрамову, А. Амоеву, поэту Лоику Шерали, сыну секретаря Таджиксовпрофа Р. Ахмедовой, сыну министра промышленности стройматериалов В. Медведева, дочери бывшего первого секретаря Ишкашимского райкома партии Н. Отамбекова... Квартиры незаконно раздавал и Ю. Белов: сыну первого секретаря Горно-Бадахшанского обкома партии М. Заирова, детям секретаря Душанбинского горкома К. Шариповой, бывшему зампреду Душанбинского горисполкома В. Тищенко... О выделении трехкомнатной квартиры сыну уважаемого «раиса» сказано: «Это стало возможным благодаря настойчивым просьбам М. Махмадалиева, который в этом деле использовал свой авторитет и высокое общественное положение члена ЦК Компартии республики и депутата Верховного Совета Таджикской ССР».

Р. Набиеву объявлен партийный выговор, бывшему управляющему делами ЦК К. М. Миралиеву — строгий выговор с занесением в учетную карточку за злоупотребление служебным положением при решении квартирных вопросов. До сведения парткома Госагропрома СССР, где ныне работает Ю. П. Белов, доведены данные о грубых нарушениях им Жилищного кодекса. (Между прочим, я беседовал с Беловым уже в Москве и поразился тому, что название его нынешней должности состоит из... 31 слова — «начальник отдела организации и разработки норм и нормативов управления по экономному и рациональному использованию материальных ресурсов и вовлечению в хозяйственный оборот вторичных материалов Главного управления по материально-техническому снабжению Госагропрома СССР» — вот ведь перл неэкономного бюрократического словотворчества!)

В постановлении Бюро ЦК Компартии Таджикистана приведены десятки фамилий ответственных работников, польстившихся на «легкие» квартиры.

Злоупотребления пресечены, справедливость отчасти восстановлена — три квартиры сдали по своей инициативе, четыре — под нажимом; кстати, ключи от квартиры сына «раиса» получил шофер Петр Петрович Филиппов с семьей из пяти человек, а однокомнатная квартира, в которой эта семья жила раньше, досталась уборщице Лидии Цыбе.

Однако такие же злоупотребления были выявлены и в Таджиксовпрофе — организации, которая призвана неуклонно стоять на страже интересов трудящихся. Если сын председателя кулябского колхоза добровольно сдал ключи от душанбинской квартиры, то работники Таджиксовпрофа Н. Сафронов и С. Даминова и не думают выселяться из незаконно полученных квартир в доме по 3-му проезду Гафурова. Весьма беззубо выглядит решение открытого партсобрания коллектива Таджиксовпрофа (от 30 января 1987 года), проведенного по требованию республиканской прокуратуры: «Члены КПСС тт. Речкин, Бабаджанов, Хасанов, Турсунов, Сафронов, Пулатова, Даминова, допустившие серьезные нарушения в вопросах учета нуждающихся лиц и распределении квартир при заселении дома по 3-му проезду Гафурова, заслуживают строгого партийного взыскания, но, учитывая, что действия этих лиц **не были направлены против интересов коллектива** (?!— Э. И.), открытое партийное собрание считает возможным ограничиться обсуждением».

Я понимаю: легче отечески «пожурить», чем восстановить справедливость там, где в одну кучу смешаны и действительно нуждающиеся в улучшении жилищных условий, и те, кто, забыв совесть и честь, «выбивал» квартиры для своих взрослых отпрысков. И если начнешь выселять наглеца в прежнюю квартиру, неминуемо заденешь интересы честного труженика, давно обосновавшегося в этой прежней квартире... Тем не менее необходимо, чтобы коллектив Таджиксовпрофа еще вернулся к этой некрасивой истории, воздал ее участникам по заслугам.

ВЫСОКАЯ РОЖДАЕМОСТЬ — БЕДА ИЛИ БЛАГО!

«Беда Таджикистана — в чрезвычайно высокой рождаемости!» Это, мягко говоря, сомнительное утверждение я слышал и в Душанбе, и в Москве. Едва ли с ним можно согласиться. Наоборот, высокая рождаемость говорит о динамизме народа, о наличии таких жизненных сил, которым предстоит ярко расцвести в будущем, но, естественно, обостряет сегодняшние трудности, особенно жилищные; хотя масштабы злоупотреблений в Душанбе были меньше, чем, например, в Алма-Ате, где лишь пятая часть жилой площади отводилась законным очередникам, а остальная распределялась по «спецканалам», но душанбинцам-то от этого не легче.

Уже в Москве я встретился с директором ЦНИИЭП жилища Станиславом Васильевичем Николаевым, знатоком жилищной проблемы в стране. Да, диспропорции, существующие ныне в региональной обеспеченности жильем, действительно велики...

— Лучше всего, по данным ЦСУ,— утверждает Станислав Васильевич,— обстоит дело в Эстонии (19,8 метра общей площади на человека) и Латвии (18,2). Они, эти республики, уже вышли на уровень обеспеченности жильем, которого вся страна достигнет только в конце века. Пожалуй, всего хуже в Средней Азии и Азербайджане, где наиболее велика рождаемость, но чрезвычайно слаба строительная индустрия, а замыкает таблицу Таджикистан — всего 8,75 метра общей площади на человека...

Учитывая все это, Совет Министров СССР еще 23 июня 1983 года принял постановление «О мерах по дальнейшему развитию в 1984—1990 годах городского хозяйства г. Душанбе».

Но жилищную проблему, оказавшуюся в столь запущенном состоянии, можно решить только поистине кардинальными, революционными методами. Объявить бы всенародный «хошар», привлечь средства населения к индивидуальному и кооперативному жилищному строительству, снять бюрократические препоны на пути тех, кто хочет сам, своими руками строить собственный дом!

Хорошо известно, что деньги у душанбинцев есть, но записаться в жилищно-строительный кооператив — дело безнадежное. «У нас очередь в ЖСК почти такая же, как за государственным жильем»,— говорит новый председатель Душанбинского горсовета М. Икрамов.

Я не поленился подняться в гору, в поселок Сурхоб, и увидел, как по склонам хребта лепятся вполне приличные домики так называемой «самовольной застройки».

— Он покупает развалюху и постепенно превращает ее во «дворец»,— говорит М. Икрамов о «самовольном застройщике».— Никакими инструкциями это не предусмотрено. Что, выселять прикажете? Если у человека семья, семь-восемь детей, поневоле закрываешь глаза...

МЖК БЕЗ ДЕНЕГ

Любопытно, что Таджикистан — самая «молодежная» республика: 80 процентов населения республики — это молодежь. Построена руками молодых уникальная Нурекская ГЭС. А неподалеку строится новая, Рогунская гидроэлектростанция. Завершается сооружение 14-километрового Дангаринского тоннеля в горах, сравнимого лишь с Северо-Муйским тоннелем на БАМе, но имеющего иные цели: он даст жизнь ста тысячам гектаров земли в Дангаринской степи. И еще в числе комсомольско-молодежных строек — Таджикский алюминиевый завод, Бешкентская долина, Аштская степь...

— Обеспечить к 2000 году каждую семью благоустроенной квартирой или жилым домом можно лишь в том случае,— говорит командир республиканского строительного отряда Владимир Бердник,— если привлечь к решению жилищной проблемы творчество и энтузиазм молодых. Ну вот, и решили мы у нас в Душанбе создать первый в Средней Азии молодежно-жилищный комплекс — МЖК. Тридцать душанбинских предприятий участвуют в стройке, под которую отведен квартал на улице Хафиза, по левой стороне реки Душанбинки, напротив строящегося университета; здесь будут выстроены 9-, 12- и 16-этажные жилые дома. А также ряд объектов соцкультбыта: детсад, школа, спортивный комплекс, бытовой комбинат, торговый центр, кафе, библиотека, кинозал... К сожалению, не все руководители и хозяйственники тридцати предприятий с должным пониманием отнеслись к проблемам МЖК. А забот немало. Лишь немногие предприятия перечислили деньги на строительство МЖК. Потому и замерла стройка на нулевом цикле, на стадии фундаментов. И нет никакой надежды, что к концу будущего года МЖК будет сдан «под ключ», как планировалось.

К строительству таджикской столицы привлечены силы двадцати четырех союзных министерств и ведомств. И если Минстрой, Минсельстрой, Минводхоз и Минэнерго в целом выполняют свои обязательства, то этого нельзя сказать о большинстве остальных. Например, подразделения Госагропрома палец о палец не ударили, чтобы построить обещанные городу жилые дома площадью 20 тысяч квадратных метров. Комитет партийного контроля при ЦК КПСС вынужден был рассмотреть вопрос «О безответственном отношении отдельных работников Таджикской ССР к выполнению планов жилищного и социально-культурного строительства». Люди наказаны, выговоры получены, а скрипучая колымага строительства почти не сдвинулась с места. Триста миллионов рублей — почти пятая часть капитальных вложений, щедро выделенных государством,— не освоены в прошлой пятилетке, и в нынешней постоянно растут объемы незавершенного строительства.

Отставание вызвано нехваткой... рабочих рук! Я-то видел, как у городского базара и в будние дни толпятся сотни бездельников, но городу нужны не просто рабочие руки, а квалифицированные строители: их-то и не хватает — четырех тысяч рук, двух тысяч строителей.

Городу не хватает и свободных площадей для жилой застройки,— часть из них можно получить за счет переноса аэропорта в другое место.

— О вынесении аэропорта за черту города шла речь еще в постановлении Совета Министров СССР от 23 июня 1983 года, где записано: «Министерству гражданской авиации начать в 1985 году проектирование Душанбинского аэропорта, имея в виду приступить к его строительству в 12-й пятилетке»,— вздыхает В. К. Черемушкин.— Уже два года прошло, и вот на днях получил долгожданное письмо от заместителя министра гражданской авиации Ю. А. Юркина,— и Виктор Константинович протягивает листок с живой отпиской: «Строительство аэропорта перечнем сверхлимитных строек, начинаемых строительством в XII пятилетке, не предусматривается».

Жизнь показывает: если и дальше «корректировать» планы с такой же легкостью, душанбинцы никогда не дождутся нового аэропорта и свободных площадей для строительства жилья.

ЧЕРЕМУШКИН ВЕДЕТ ПРИЕМ

Я просидел несколько вечеров на приемах населения, которые ведет Виктор Константинович Черемушкин — энергичный человек, избранный с должности управляющего трестом «Таджиксантехмонтаж» на беспокойный пост зампреда Душанбинского горсовета, отвечающего за жилье; сама фамилия «Черемушкин» напоминает о жилищной революции 50—60-х годов.

— Любопытный вывод напрашивается,— говорит он, молодо улыбаясь,— если о какой-то квартире я получаю телефонное напоминание, почти всегда за этим кроется то или иное нарушение! У тех, чья совесть чиста, кто получает квартиру на законных основаниях, нет причин лишний раз звонить зампреду.

...Очень разные люди идут к зампреду на прием. Герои войны, чья грудь украшена орденскими планками (811 участников Великой Отечественной еще томятся в жилищной очереди), и юные, порой легкомысленные матери-одиночки; дряхлые старухи, которых внуки поддерживают под руку, и выпившие «для храбрости» жалобщики...

Есть в списке записавшихся на сегодня Светлана Улько — «по вопросу оказания материальной помощи». (Широко ли известно, кстати, удивительное и прекрасное правило: каждый советский человек, не по своей воле оказавшийся без денег, может обратиться в свой — по месту прописки — исполком, и ему тут же выдадут 30 рублей?) А ситуация у двадцатилетней Светланы прямо безвыходная. Вернулась из Пскова от бывшего мужа с двумя детьми, а отец не дал согласия на повторную прописку. Тут-то и надоумили добрые люди обратиться к Черемушкину.

Он смотрит ее паспорт — штамп о прописке в общежитии по улице Нахимова, 64/3, комната 64... И со снайперской точностью психолога задает вопрос:

— Сколько денег взяли за прописку?

Какое-то время помешкав, Светлана признается, что паспортистка Шура потребовала 100 рублей — и получила их; но в общежитие посоветовала «не соваться», чтобы обман не вышел наружу. «А теперь пишите заявление об этом»,— жестко говорит Черемушкин, пододвигая лист бумаги и авторучку. Тут же вызывается следователь прокуратуры Мухамед Бадалов. Естественно, он объясняет Светлане, что в случае добровольного признания она, взяткодательница, освобождается от уголовной ответственности, а паспортистка-взяточница будет наказана по всей строгости закона. «С начальником паспортного стола делилась? Вот и его привлечем к ответу...»

И вместе со Светланой и Мухамедом я еду в городскую прокуратуру, где заместитель прокурора города Владимир Дмитриевич Дубровин выясняет малейшие подробности этой, увы, типичной для недавних времен истории.

Она появилась и на следующем приеме, эта Светлана. Лицо порозовело, прежней скованности нет. Работу уже нашла (она по специальности — повар) в детском саду. Общежитие обещают — настоящее, а не липовое! Главное, дети — двухлетняя девочка и трехлетний мальчик — будут рядом, под присмотром. Еще раз Черемушкин звонит директору предприятия, просит позаботиться о юной душанбинке. Остальное зависит от нее самой, от ее совести, воли, упорства.

* * *

Жилищная проблема — острейшая в стране. У нас долгое время существовало негласное «табу» на освещение в печати этих жизненных драм и трагедий. Можно вспомнить, как булгаковский Воланд глядел на собравшихся в театре «Варьете»: «Ну, легкомысленны... ну, что ж... и милосердие иногда стучится в их сердца... обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их...»

А последнее слово — все-таки не за Воландом, а за Мастером. Найдутся и в Душанбе мастера — строители, коммунальники, коммунисты, которые сделают таджикскую столицу достойной этого звания.

В КОНЦЕ ПРОШЛОГО ГОДА МОСКВИЧИ ЗАДОЛЖАЛИ ГОСУДАРСТВУ В ВИДЕ ПЛАТЫ ЗА ЖИЛЬЕ И КОММУНАЛЬНЫЕ УСЛУГИ БОЛЕЕ ТРЕХ МИЛЛИОНОВ РУБЛЕЙ. ЧЕТВЕРО ИЗ ПЯТИ МОСКВИЧЕЙ ЗАДЕРЖИВАЮТ КВАРТПЛАТУ ОТ ОДНОГО ДО ТРЕХ МЕСЯЦЕВ.

Гражданский кодекс РСФСР предусматривает, что наниматель обязан своевременно вносить квартирную плату за занимаемое им по договору жилое помещение ежемесячно, не позднее десятого числа следующего за оплачиваемым месяца.

Пеня начисляется в размере одной десятой процента за каждый просроченный день. Но что такое десятая процента? Если месячная квартплата десять рублей, то пеня составляет копейку в сутки за проживание в неоплаченной квартире и пользование коммунальными благами. Ну, а сберкассы, в свою очередь, довольно часто «забывают» начислить пеню.

В городе оформлено **83 тысячи** нотариальных надписей на злостных неплательщиков (сколько лишней бумажной работы!), почти половина которых не реализуется, потому что место работы жильца установить бывает очень трудно.

— Две комнаты в трехкомнатной квартире занимают Р. Гулиева с сыном,—рассказала мне главный бухгалтер Сокольнического производственного жилищно-ремонтного объединения столицы В. Андрианова.— Задолженность без малого 500 рублей. В третьей комнате прописан человек, который не может попасть в нее уже два года. Как так не может попасть? Не впускают. Минуточку, сейчас мы позвоним ей.

— Здравствуйте. Нельзя ли поговорить с Розалидой Махмудовной? Нет дома. А вы ей кто? Сестра. Как давно Розалида Махмудовна не работает? Неизвестно. А где сын? Тоже неизвестно...

Отбой.

— Думаю, со мной говорила сама хозяйка квартиры. Дверь она никому не открывает, милиция без решения суда в квартиру войти не имеет права, а суд решения вынести не может: ответчица на заседание не является.

М. Николаев занимает три комнаты в четырехкомнатной квартире, пятьдесят два с половиной квадратных метра. Аккуратно вносит деньги за электроэнергию и пользование телефоном, потому что электричество могут отключить, а телефонный номер снять. За квартиру не платил несколько лет. На место работы Николаева отправлен исполнительный лист — из зарплаты неплательщика ежемесячно удерживается около пятнадцати рублей, определенный законом процент от суммы заработка, больше нельзя. А квартплата — двадцать три рубля. Долг государству (он уже перевалил за полтысячи) каждый месяц возрастает еще на восемь рублей. Между тем в городе есть остро нуждающиеся семьи...

Можно по-человечески понять трудные обстоятельства, болезнь, но как объяснить слова главного контролера-ревизора Контрольно-ревизионного управления Минфина РСФСР по Москве В. Скотниковой:

— За последние годы заметно увеличилось число неплательщиков среди высокооплачиваемых работников. Вот акт декабрьской проверки. Задолженность от нескольких месяцев до года имеют: заведующий лабораторией Госкомитета по науке и технике Стариков, сотрудница аппарата Моссовета Дубинская, артист Москонцерта Чепурной, заведующий отделом НИИ гигиены детей и подростков Пахомов...

Передо мной список из тридцати фамилий москвичей-неплательщиков, живущих в отдельных квартирах, имеющих приличные оклады. Я звонил им домой, чтобы спросить, почему они все-таки не платят.

Некоторые мои оппоненты рассказывали о своих житейских коллизиях, которые, естественно, вызывали сочувствие. Все соглашались, что за квартиру следует платить вовремя, а неуплату объясняли непорядочным поведением домочадцев и претензиями к работникам дэзов.

Бывало, отвечали грубостью. Один вальяжный баритон заметил:

— Какое на ваших часах время? Что, без четверти пять? В какое время живем, спрашиваю. Живем мы в советское время! А поэтому уймитесь и не беспокойте людей по пустякам.

Так-то вот. И плевать ему на то, что бюджет жилищников, куда поступает квартплата, лихорадит, что запланированный текущий ремонт тысяч квартир, благоустройство, озеленение, санитарные работы, оборудование сотен детских и спортивных площадок — все откладывается: деньги не поступили.

Неплательщики множатся и наглеют. Почему? Видно, право на жилище, гарантированное каждому нашей Конституцией, они ловко приспособили под себя: платить за квартиру можно кое-как — ведь не выселят, нет, не выселят! Так не пора ли именем того же закона, что даровал право, строже спрашивать за невыполнение элементарных обязанностей?

Александр МИХАЙЛОВСКИЙ

ДЕБЮТ В «ОГОНЬКЕ»

Евгений КУРДАКОВ

Я СНОВА И СЧАСТЛИВ И ЖИВ

Евгений Васильевич Курдаков живет в четырех тысячах километрах от Москвы, в городе Усть-Каменогорске. Ему сорок шесть лет. Стихи его впервые публикуются в центральной печати. За плечами Евгения Курдакова большая трудовая жизнь. Был фрезеровщиком высшего разряда, затем овладел искусством резьбы по дереву. Издал серьезное и увлекательное исследование «Лес и мастерская» — о методах выбора и обработки древесных материалов. Стихи пишет давно, но не торопился печататься. Теперь он является перед читателями как всецело зрелый и глубоко самобытный поэт. Ему принадлежат также превосходные переводы на русский язык стихотворений классика казахской поэзии Абая. В творчестве Евгения Курдакова покоряет столь редкостное полное слияние естественности переживания и высокой художественной культуры. Нет сомнения, что книга поэта должна быть издана в Москве.

●

Ветер взовьется и птицы взлетят,
И потемнеет, на миг обессилев,
Воздух, промешанный сотнями крыльев,
Перетекающих в дальний закат...

Я ничего не хочу от тебя,
Жизнь, ты дана мне, и этого хватит,—
Этих взлетающих птиц на закате,
Этого ветра, чтоб жить не скорбя.

Этих отмеренных случаем дней
Хватит, чтоб ими сочесть свою участь,—
Лишь бы любимых своих не измучить
Неугомонною жизнью своей...

Вот и опять поднялись, поднялись
Темные тени без снов и пристанищ.
В этих взлетаниях разве не станешь
Сам полутенью, взметнувшейся ввысь?

Ветреной птицей, сквозя и трубя,
Перечеркнуть бы вечерние тучи!
Жизнь, золотой мой закат неминучий,
Я ничего не хочу от тебя.

РАВНОДЕНСТВИЕ

Бесшумно передвинулись светила
Высоких сфер и звездных поясов,
И солнце невзошедшее вступило
Из знака Девы в зыбкий знак Весов.

В дрожащем предрассветном занебесье,
Еще не в силах сумрак превозмочь,
Застыли два прозрачных равновесья,
Две равнополных чаши — день и ночь.

Еще мгновенье, и, ударив косо,
Холодный луч одну из чаш качнет,
И с этою зарей наступит осень,
Природе предъявляя вечный счет.

И в тишине расторгнутого мрака
Поймешь ли невозвышенной душой
Возвышенную точность Зодиака
Вон в той листве, почти еще живой?

Поймешь ли ты, как прочны сочетанья
Всего со всем, как неизбывна связь
Тебя и звезд, души и мирозданья,
И той листвы, что падает, кружась?

●

Катилася торба с высокого горба
По кочкам надежд, как по грудам камней,
И в латаной торбе бренчали недобро
Жестянки давно опорожненных дней.

Там звякали склянки минувших застолий
Сквозь дрязг коммунальный и кухонный звон,
И боем посуды и мусором соли,
Рассыпанной к ссорам, посверкивал склон.

В сквозные прорехи сумы обветшалой
Валилось наружу тряпье и хламье,—
И сорок четыре заплаты, пожалуй,
Уже не скрывали дырявость ее.

Поблажки, натяжки, бумажки, тетради,
Шнурки и ошкурки ползли, шелестя,
И шкурное радостно путалось сзади
В предметах досуга, еды и питья.

О писаной торбе мечтая вначале,
А после устало о том и о сем,
Какие-то вирши из хлама кричали
На весь окаянный глухой окоем.

И вот уж багаж сквозняком рассекречен,
И старенькой штопки потерян клубок,
И горькое что-то пробилось, и нечем
Латать этот вдруг опустевший мешок...

Убогая торба, бурдюк бестолковый,
Авоська, приблудный турсук без затей,—
Раздерган по нитке, промотан до слова,
Не ты ли, дырявый, был жизнью моей?

И стоило ль в гору тащить, чертыхаясь,
В знобящую эту, в сквозящую высь,
Чтоб — с плеч тебя, прочь тебя,
злясь и не каясь,—
Дырявая торба, пошла, так — катись...

●

«Топи котят, пока слепые...»
Народное

Пока я по-щенячьи тычу нос
В любую подвернувшуюся руку,
Пока я не прошел еще науку
Кровавых драк, пока я не всерьез,—

Топи, топи меня, наставник мой,
Еще ты можешь голыми руками
Приткнуть меня к любой помойной яме
И покачать печально головой.

Спеши, пока клюю на простоту,
Кидаюсь на фальшивую монету,
Наивно внемлю каждому совету,
И ложь твою, как откровенье чту.

Пока твой кабинет в моих глазах
Возвышенной поэзии обитель,
Пока твои стихи, о мой учитель,
Еще стихи, а не словесный прах,—

Топи меня, пока я не постиг
Судьбу твою — засаду и облаву,
Локтями отвоеванную славу,
Трусливую безликость твоих книг.

Топи, пока не высмотрел в твоей
Судьбе всех жалких знаков крохоборства,
Тяжелой злобы и противоборства
Всему, что было выше и светлей,—

Топи меня, топи, пока я слеп,
Пока наивен я, смешон и молод,
Пока меня обуревает голод
Тщеславия, пока я так нелеп...

Иначе, под тобою возмужав,
Тебя я утоплю. И буду прав.

●

Только спиннингом легким блесну золотую метну,
Только первой волною плеснет
мой забытый залив,
Сразу, словно б очнувшись, войду в этот мир,
как в волну,
И пойму до конца, что я снова и счастлив и жив.

Что—не просто прибой сокрушает обрывы, плеща,
Что — не ветра свистанье, не чаек
сорвавшийся крик,—
Это — жизнь золотою блесною летит, трепеща,
Золотою искрой, встрепенувшейся только на миг.

ФОТОГРАФ

Я к старости стихнув, фотографом стану,
И в парке раскинув треногу и зонт,
Душой осветленной жалеть не устану
Закаты, летящие за горизонт.

Любить не устану ту зыбкую вещность
Теней, мимолетностей, полутонов,
Что раньше не видел, надеясь на вечность,
Что, в общем, и видеть-то был не готов.

Что, доски пластая, что, вирши верстая,
Сквозь юность спеша, разглядеть не успел,
Быть может, к концу не спеша наверстаю,
Пока не останусь совсем не у дел.

Чтоб с этой убогой и ветхой обскурой,
Бесстрастно смотрящей сквозь жизнь и сквозь вас,
Стать в парке том старом такой же фигурой,
Как эти обычные ясень и вяз.

А к вечеру по отдаленной аллее,
На плечи закинув треногу и зонт,
Неспешно уйти, ни о чем не жалея,
Навстречу закату за свой горизонт.

КОРШУНЫ

Сосны на скалах, иззубрившись ввысь,
Крошево камня и пена прибоя,
Небо сухое от ветра и зноя,—
Здесь от начала навеки сплелись.

Здесь, без конца утишая прибой,
Страждут гранитов ущербные лики,
И воронья отрешенные клики
Скорбно витают над светлой водой.

Сосны скрипят и трепещут кусты,
Чайки вдали дребезжат в исступленье.
Только порой чье-то горнее пенье
Странно и горько слетит с высоты.

Словно бы флейты нечаянный вскрик...
Как же забылось, что коршуны — птицы,
Что не легко это — в птицы пробиться,
Сквозь воронье прокричавшись на миг.

В клекоте тонком, в свирели простой,
Гаснущей в шелесте ветреных сосен,
Близко и остро услышится осень,
Выпорх безмолвия, вздох ледяной.

Близко и остро почудится боль,
Станут, глухого предчувствия полны,
Сосны на скалах, слепящие волны,
Вечные камни, земная юдоль.

Станет печальней усталая стать
Светлых гранитов в вороньем приблудье...
Как же забылось, что выбиться в люди —
Это как птицей с небес прокричать?..

Волны привычную вечность зубрят,
Плещет прибой беспробудно и праздно,
В соснах вороны горланят о разном,
Коршуны плачут и сосны скрипят.

ЛЮБОВНИЦА ПРЕЗИДЕНТА

РОМАН

Патрик **АНДЕРСОН**

Рисунки Геннадия **НОВОЖИЛОВА**

1

Работу сейчас! Работу сейчас! Работу сейчас!

Требование множества мужчин и женщин, запрудивших Лафайет-сквер, неслось через Пенсильвания-авеню к окну на верхнем этаже Белого дома, у которого в одиночестве стоял президент Соединенных Штатов.

«Сейчас... Подавай им все непременно сейчас. Работу сейчас. Мир сейчас. Свободу сейчас. Сколько уж лет раздаются эти требования! Людям не понять, что со временем правительство США может сделать почти все, но почти ничего сейчас.

Сейчас я не могу даже перейти улицу»,— со злостью подумал Чарлз Уитмор.

Вздохнув, он надел очки, на публике он никогда не появлялся в них, потому что кичился своей грубоватой внешностью, и стал вглядываться, стремясь разглядеть лица в толпе, уловить ее настроение, увериться, что поступил правильно, разрешив демонстрацию на Лафайет-сквер. Секретная служба советовала остановить демонстрантов в нескольких кварталах от Белого дома, где-нибудь возле Молла, но Уитмор доверился своему политическому чутью, открыл им площадь и сделал несколько дружелюбных заявлений, надеясь таким образом предотвратить возможные беспорядки. Но поведение толпы предугадать невозможно. В прошлом Уитмор несколько раз воодушевлял толпу и знал, что страсти ее взрывчаты и непредсказуемы, как у женщины.

Как у женщины. Он повторил это про себя и невесело рассмеялся собственной шутке. В этот прекрасный апрельский день его волновали две проблемы, и люди на Лафайет-сквер, требующие работы, были не главной. К наступлению темноты они разойдутся по домам, может, спокойно, может, и нет, но в любом случае их скоро не будет. Другую проблему представляла женщина, и эта проблема, опасался Уитмор, так легко не решится. Вздохнув снова, он снял очки и отвернулся от окна.

На столе у Эда Мерфи раздался звонок — мимо его кабинета прошел президент. Мерфи оборвал телефонный разговор, выбежал и нагнал Уитмора у входа в Овальный кабинет.

— Эд, зайди,— пригласил Уитмор.

Оба сели на своих обычных местах, Уитмор — за большой, аляповатый стол, подарок королевы Виктории Рутерфорду Б. Хейсу, а Эд Мерфи — в простое черное кресло, придвинутое к столу сбоку.

Овальный кабинет редко выглядел более величественно. Едва Уитмор вступил в должность, его супруга, обладавшая на редкость хорошим вкусом, взяла отделку кабинета в свои руки. Теперь яркий отраженный свет лился с белого потолка на светло-желтый ковер и яркую мебель золотистого, зеленого и оранжево-розового цветов. Пиловский портрет Вашингтона по-прежнему висел над камином, но Клэр Уитмор заменила оставшуюся от прежнего владельца вульгарную золотистую драпировку на изысканную зеленую. Еще вдобавок к остальному она поставила там комод в стиле Хепплуайта, ломберный столик, изготовленный в Сейлеме, штат Массачусетс, примерно в 1810 году, и столь же старомодные изящные стоячие часы. Реставрационная деятельность миссис Уитмор снискала одобрение всевозможных исторических обществ, но владелец кабинета остался к ней равнодушен. Уступив настоянию добавить к обстановке личные штрихи, он распорядился установить в кабинете бюсты Франклина Рузвельта, Гарри Трумэна и Джона Кеннеди. Но, по правде говоря, Чарлз Уитмор с не меньшей охотой вершил бы свои дела и на чердаке Белого дома. Обстановки он не замечал. Он видел только людей и проблемы.

— Как дела на той стороне улицы?—спросил он.

— Могло быть и хуже,— ответил Мерфи. В его устах это было приятное сообщение.— Речи были неплохими. Вам ставят в заслугу законопроект о рабочих местах.

— Что там за публика?

— Разношерстная. Больше всего рабочих. Процентов двадцать негры. Кое-кто с женами и детьми, с едой в пакетах. И, как всегда, не без добрых дядюшек и психопатов.

— Беспорядки будут?

— Не исключено. В толпе есть какое-то подспудное недовольство. Слухи. Ропот. Поговаривают, что вы бросите на разгон войска.

Уитмор захлопал глазами.

— Черт возьми, Эд, я сделал все, разве что не пригласил их к обеду. Чего им еще надо?— Он выпрямился в кресле и стукнул кулаком по столу.— Черт, пойти бы туда. Поговорить с ними.

— Об этом не может быть и речи,— сказал Мерфи.— Там полно психопатов, а достаточно будет и одного.

Уитмор в досаде ударил кулаком по ладони. Их многочисленные споры на эту тему всегда кончались таким образом. В Америке полно психопатов, и ни один президент не может появляться там, где вздумается.

Оба помолчали. Умение молчать было единственным ключом Эда Мерфи к успеху. Все остальные старались убедить президента в том или другом, а Мерфи выжидал, чтобы президент обратился к нему.

— Знаешь, у меня есть еще одна проблема,— сказал наконец Уитмор.

Мерфи чуть нахмурился.

— Донна?

— Да.

— Вам нужно встретиться?

— Она так считает.

— А как считаете вы?

— Боюсь, это будет очень трудно. Перед окнами демонстрация, а тут еще Клэр заявила, что отказывается ехать на выступление.

— Повидайте Донну завтра или послезавтра.

— Она говорит, что дожидаться не станет.— Уитмор поднялся и стал расхаживать по кабинету, гибкий и яростный, словно тигр, только что загнанный в клетку.— Знаешь, кто я такой?— требовательно спросил он.— Я заключенный в этом проклятом доме.

— Сами хотели этого.

— Хотел, как же. Я что, уже не человек? Разве у меня нет никаких прав?

Эд Мерфи не ответил. Ответ знали они оба. Уитмор был уже не человек. В глазах как врагов, так и друзей он был богом. Он мог бы уничтожить земной шар или послать исследователей на другие планеты. Но определенно не мог — в отличие от богов древней мифологии, располагавших в подобных делах большей свободой,— встретиться с молодой женщиной, не связанной с ним узами брака.

Уитмор перестал ходить и прислонился к столу.

— Я подумывал жениться на ней. Не говорил я тебе?

Эд Мерфи, не отвечая, смотрел на своего босса.

— Иной раз думаю — к чертовой матери! Эта должность еще не все. Может быть, лучше провести здесь четыре года, а не восемь. Уйти непобежденным. К концу одного срока мне будет всего пятьдесят шесть. Купить бы где-нибудь ферму. У нас с Донной мог бы родиться ребенок. И я зажил бы в свое удовольствие.

— Вы были б несчастны,— сказал Эд Мерфи.— Впряглись бы в работу на своей ферме, этот кабинет занял бы какой-нибудь идиот, и через месяц вы стали бы никем и ничем.

— Хорошо, хорошо, был бы несчастен,— согласился Уитмор.— Но есть другой вариант. Я мог бы жениться на ней и быть избранным на второй срок.

— И коровы могли бы летать,— сказал Эд Мерфи.

— Это возможно,— настаивал Уитмор.

— Нет,— упрямо возразил Мерфи.— Либо Донна, либо эта должность.

Уитмор сверкнул глазами на своего помощника.

— Черт возьми, ты всегда бываешь прав?

— Стараюсь,— ответил без улыбки Мерфи и поднялся.— Пойду проведаю, как там наши друзья на той стороне улицы.

— Отлично, Эд, иди. Спасибо.

Уитмор смотрел в спину невысокому толстому ирландцу, шедшему к двери. Эд Мерфи, журналист-неудачник, стал сотрудником Уитмора более десяти лет назад, и, как ни странно, Уитмор за все это время почти ничего не узнал о нем. Он не знал его побуждений, стремлений и даже политических взглядов, если таковые имелись. Знал только, что Эд Мерфи — единственный человек на свете, которому он доверял полностью.

Позвонила секретарша, он поднял трубку.

— Сэр, миссис Уитмор желает вас видеть.

Он тяжело вздохнул. День выдался скверный, и вряд ли Клэр его улучшит.

— Попроси ее через пять минут спуститься сюда.

Президент встал, выглянул в розовый сад, потом снова поднялся к окну, выходящему на Лафайет-сквер. Демонстранты все еще требовали работы, многие напирали на полицейские барьеры, не дающие пересечь Пенсильвания-авеню и пройти по тротуару перед Белым домом. Уитмор подумал, что людей побуждает к этому лишь национальный миф, внушивший, что радуга кончается на Пенсильвания-авеню, 1600, что все их проблемы могут быть решены в этом большом белом особняке. Чарлз Уитмор понимал; он и сам долго верил в это. Теперь он находился здесь и знал истинное положение дел.

«Бедняги,— подумал он.— Вы не можете войти, а я выйти».

Кварталов за десять от Белого дома Бен Нортон только что поднялся с постели в своем джорджтаунском домике. Он выпил кофе, съел тарелку овсяной каши, долго стоял под горячим душем, потом надел широкие брюки, спортивную куртку и вышел на предвечернюю М-стрит. Внезапно опьяненный сознанием, что он снова дома, постоял несколько минут на углу. Джордж-

Американский писатель Патрик Андерсон родился в 1936 году. Был газетным репортером и обозревателем. В 1962—1964 годах работал в Белом доме при администрациях Кеннеди и Джонсона.

Автор документальной книги «Президентская рать» (1968), романов «Подход к королю» (1970), «Поступки и страсти» (1974).

Роман «Любовница президента» написан в 1976 году.

таун празднично простирался перед ним. Незнакомая симпатичная девушка улыбнулась ему, он ответил ей улыбкой, потом зашагал по М-стрит мимо баров и модных лавок, минуя студентов и негров, наркоманов и гомосексуалистов, туристов и чиновников, престарелых дам и дипломатов, секретарш, журналистов и всевозможных воришек, и наконец протиснулся через узкие двери в бар Натана.

— А, мистер Нортон, с возвращением,— приветствовал его из-за стойки Пит. Этот рыжебородый парень уже несколько лет учился в юридическом колледже и добывал средства к жизни работой в баре и торговлей наркотиками.— Когда прилетели?

— Сегодня чуть свет,— ответил Нортон.— Весь день проспал, собрался было к себе в контору, потом передумал, и вот я здесь. Как бы промочить горло?

Пит усмехнулся и налил ему пива.

— Вы пропадали целую вечность. Где? В Лондоне?

— В Париже.

— Как там жизнь?

Нортон был крупным, рассудительным с виду человеком. На минуту он задумался.

— Как жизнь в Париже? Пит, что касается еды и вина, это город номер один. Нумеро уно. В отношении женщин примерно номер три, смотря на чей вкус. Водопровод и отопление вовсе никуда не годятся. В общем, город неплохой, но я предпочитаю Вашингтон.

— Слушайте, вы же были сотрудником Уитмора, так ведь? Теперь станете большой шишкой в Белом доме?

— Нет, приятель. Я занимаюсь частной практикой, и мне это по душе.

— Вот как?— недоверчиво ответил Пит.— На днях тут был один тип, расспрашивал о вас. Кто ваши друзья и все такое. Я решил, что он из ФБР, наводит справки перед вашим назначением на солидный пост.

— Как он выглядел?

— В общем-то странно. Одет с шиком, но во взгляде что-то сумасшедшее. После его ухода я подумал: «Вряд ли этот тип из ФБР, слишком он чудной».

— Их такими воспитывают,— заметил Нортон.— Что ты сказал ему?

— О, что вы крупный торговец наркотиками, содержатель публичных домов и все такое.

— Молодчина,— сказал Нортон.— С такой характеристикой место госсекретаря мне обеспечено.

Пит криво, как наркоман, усмехнулся и отошел к другим клиентам. Нортон подумал, не проверяет ли его в самом деле Белый дом перед тем, как предложить должность. Это было вполне возможно. Он пожал плечами и взял вашингтонскую газету «Стар», оставленную кем-то на стойке. На первой странице были заметка «Митинг безработных» и большая статья «Сто дней Уитмора», из которой следовало, что за первые три месяца на своем посту новый президент проявил себя противником группировок. Нортона это не удивило. Он три года сотрудничал с Уитмором в сенате и высоко ценил политические способности своего бывшего босса. Правда, он и ненавидел этого сукина сына, но это, как сказал по другому поводу Джей Гэтсби, было только личным чувством.

Отложив газету, Нортон ощутил, что радость возвращения проходит. Никого из знакомых в баре не было, танцевать здесь не хотелось, и, похоже, вечер предстояло провести в одиночестве. Перебрал в уме девушек, которым мог бы позвонить, потом понял, что звонить им не хочется. Он стал потягивать пиво и вскоре, хотя зарекался не делать этого, начал думать о прошлом, о Донне.

Когда Клэр Уитмор вошла в кабинет мужа, он не встал, а она не села. С этим правилом этикета они уже покончили. Как и со всем прочим. Иногда Уитмор удивлялся, как его угораздило жениться на единственной в мире женщине, совершенно неподвластной его знаменитому обаянию.

— Тебе не пора?— спросил Уитмор.

— Я не поеду, Чарлз.

— О господи, Клэр,— устало сказал он.— Мы стараемся умиротворить демонстрантов. Обычное дело. Если ты отменишь свою речь, сложится впечатление, что мы реагируем слишком сильно.

Клэр была рослой женщиной с резкими чертами лица, которые в одних случаях именуют аристократичными, в других — лошадиными. Светские хроникеры называли ее «статная» или «величественная». Муж считал ее стервозной, неуступчивой и очень редко признавался себе, что в ее стервозности повинен главным образом он сам.

— Чарлз, я просто не могу уезжать, когда у дверей тысячная толпа. Могут подумать, будто я спасаюсь бегством.

Уитмор внезапно подумал, что больше никто в мире не называет его Чарлзом. Донна звала его Чак, все остальные — мистер президент, по крайней мере в лицо. Он решил сделать последнюю попытку.

— Клэр,— мягко начал он,— я прошу тебя, пожалуйста, поезжай, выступи. Это принесет пользу. Ослабит впечатление от демонстрации. В речь можно вставить, что ты очень беспокоишься о тех, кто лишен работы. Выступление представит тебя в выгодном свете.

Она почувствовала, что поддается, что ослеплена им, как тридцать лет назад, когда он был президентом студенческого общества, а она самой богатой студенткой колледжа. Говорил он очень убедительно — даже когда она, как и сейчас, не верила ни единому его слову. Он не нуждался в том, чтобы она выступала с речью, и никогда не собирался представлять ее филантропкой. Она чуть усмехнулась, разглядывая его гордое, умное, непроницаемое лицо. И подумала, что никогда не встречала более интересного мужчины. Он казался ей способным на все, буквально на все.

— На этот вечер у меня четкие планы, Чарлз,— сказала она.— Может, лучше поговорим о твоих планах?

— О моих? — ответил он.— Мои планы — выдержать эту демонстрацию, а потом, возможно, встретиться с экономистами. Тебя это устраивает?

Но говорил он неуверенно. Клэр не имела привычки брать на пушку. Она выжидала удобной минуты, а потом наносила точный удар.

— Чарлз,— жестко сказала она,— у меня есть сведения, что в Вашингтоне находится одна молодая особа...

— Черт побери, Клэр!

— ...которая якобы покинула Вашингтон навсегда...

— Неужели ты и вправду думаешь...

— ...и если ты увидишься с ней, если ты будешь говорить с ней, если ты хотя бы произнесешь ее имя в моем присутствии...

Уитмор плюхнулся в кресло и закурил сигару. Этим мужским жестом он пытался сохранить в поражении хоть немного достоинства.

— ...я соберу вещи и уеду!

Уитмор откинулся на спинку кресла и уставился в потолок, затем выпустил вверх три дымовых колечка. Ему было показалось, что тишину нарушил выкрик: «Работу сейчас!», но он догадался, что это его воображение, потому что кабинет был непроницаемым для звуков. Но не для жены.

— Не грози мне, Клэр,— спокойно сказал он, снова входя в свой излюбленный образ пароходного шулера.

— Это не угроза, это факт.

— Уехать будет безумием. Тебе пришлось немало вынести, чтобы попасть сюда.

— Может, именно это и было безумием. Дело в том, что, если я уеду, моя жизнь улучшится во всех отношениях, а твоя, поскольку для тебя жизнь есть и будет политика, значительно осложнится. Подумай об этом, Чарлз, и, может, составишь на этот вечер более разумные планы.

Она улыбнулась и вышла. Уитмор сидел за столом и, закусив сигару, обдумывал следующий ход. Клэр схватила его за горло — это было ясно им обоим. Ей ничего не стоило уничтожить его, уехав и возбудив дело о разводе, а что она способна на это, он нисколько не сомневался. Однако он улыбнулся и стал смаковать этот вызов. Он думал, что можно как-то выйти из положения, добиться желаемого, как добивался всегда. Главная проблема не Клэр, думал он, она уже сказала свое слово, а Донна, ждущая возможности сказать свое. Всегда давай высказаться людям: и врагам, и друзьям. Уитмор выпустил последнее четкое колечко дыма, усмехнулся безумию всего происходящего и потянулся к телефону.

— Бен, старый мошенник, когда вернулся?

Нортон обернулся и увидел Фила Росса, журналиста, несколько лет жившего в Джорджтауне по соседству.

— Только сегодня,— ответил он.— Выпьем?

— Давай, только по-быстрому,— ответил журналист и потребовал мартини с водкой. Филу Россу, нервному, худощавому человеку, было за сорок. Когда Нортон только познакомился с ним, это был веселый, бесшабашный репортер, но, получив рубрику в агентстве печати, он поугрюмел.

— Ты работаешь в юридической фирме Уита Стоуна, так ведь, Бен?— спросил Росс.— И летал в Париж по какому-то международному делу?

— Да,— сказал Нортон.— Дело оказалось не из простых. В нем участвуют пять правительств и семь нефтяных компаний, речь шла о супертанкерах и глубоководных портах. Ты даже не поверишь, Фил, насколько все осложнилось с привлечением этих чертовых арабов.

Журналист механически кивал, однако Нортон заметил, что взгляд его стал скучающим. Он напомнил себе, что вернулся в Вашингтон, а здесь никому нет дела, что происходит в Париже или где бы то ни было, исключение представляют лишь Белый дом, Капитолий, ЦРУ, Пентагон и госдепартамент. И решил переменить тему.

— Расскажи об Уитморе, Фил,— попросил он.— Меня ведь не было почти целый год. Когда я уезжал, он был еще темной лошадкой. Теперь — президент. Как он в этой роли?

Журналист уставился в свою рюмку водки, словно это был магический кристалл с заключенными внутри тайнами мироздания.

— Трудно ответить, Бен,— сказал он наконец.— Я убежден, что Уитмор мог бы стать одним из великих. Стране нужно руководство, а способности у него, бесспорно, есть. И он мог бы хорошо начать.

— Что же ему мешает?

— Человеческий фактор,— ответил с легкой усмешкой Росс.— Гордость. Неприступность. Высокомерие. Я постоянно слышу о его сумасбродствах. Недавно он безо всякой причины наорал на лидера большинства в конгрессе. Ходят слухи, что он пьет и дурно обращается со служащими.

Как ни странно, Нортону захотелось вступиться за своего бывшего босса.

— У него большая нагрузка, Фил. Вспыльчивость — это выпускной клапан.

— Выходит, ему можно бить людей?

— Кого он бил?

— Забудь, что я сказал об этом. Пусть останется между нами. Но мне неспокойно, Бен. Я содействовал избранию этого человека и теперь жалею. Иногда мне кажется, что власть опьянила его.

Нортон рассеянно кивнул. Десять минут политических сплетен — и ему захотелось снова вернуться в игру. Это было у него в крови. Он чувствовал себя мальчишкой, прижавшимся носом к витрине кондитерской.

— Мне нужно идти,— сказал журналист.— Давай как-нибудь пообедаем вместе. Звони.— Он пошел к двери, потом обернулся.— Да, забыл сказать, на днях видел одну из твоих подружек.

— Какую? — спросил Нортон с деланным равнодушием.

— Она работала в пресс-центре Уитмора в Капитолии. Маленькая девочка с прелестными карими глазками. Как ее зовут?

— Донну? Донну Хендрикс?

— Вот-вот. Я думал, она уехала из Вашингтона.

— Я тоже так думал,— сказал Нортон.— Где ты видел ее?

— В нескольких кварталах отсюда. Переходил Висконсин-авеню возле Французского рынка, и проезжавший лимузин чуть меня не сшиб. Я глянул в заднее стекло и увидел ее, она свернулась калачиком на сиденье, будто ребенок. И знаешь, кто ехал с ней?

Нортон равнодушно глядел на него.

— Твой старый приятель Эд Мерфи.

Нортон стиснул обеими руками пивную кружку.

— Ты не обознался?

Журналист улыбнулся.

— Разве его или ее с кем-то спутаешь?

— Верно,— пробормотал Нортон, когда журналист помахал рукой и ушел. Потом уставился в пустую кружку. На душе у него было тоскливо.

Донна ответила, едва зазвонил телефон.

— Это я,— сказал Уитмор.— Извини, что заставил ждать. День сегодня выдался скверный.

Говоря, он улыбнулся. Когда он последний раз произносил это слово? Президенту не положено извиняться.

— Очень скверный?— спросила она.

— Хуже быть не может,— ответил Уитмор.— И в довершение всего Клэр не поехала на выступление. Как удрать от нее, не представляю. Почти невозможно.

— Вот это скверно,— мягко сказала Донна.

Уитмору было б легче, если б она кричала или ругалась, только бы не говорила так спокойно. Он чувствовал, что она от него отдаляется. И в довершение всего беспокоился, что их разговор подслушивают. Секретная служба уверяла, что это самый надежный телефон на свете — каждый день проверяют, нет ли подслушивающих устройств, каждую неделю меняют провода. Но можно ли верить секретной службе? Можно ли верить хоть кому-то? Даже Донне?

— Если бы ты могла подождать денек-другой.

— Нет, Чак. Ты просил меня приехать, я приехала, но ждать не буду. Не хочу сидеть в этом доме одна. Завтра я улетаю. Сегодня или никогда.

Ее решительный тон испугал Уитмора.

— Может, еще как-то удастся удрать,— сказал он.— Постараюсь найти выход.

Донна почувствовала, что вот-вот расплачется.

— Чак, Чак, может, расстанемся с этой иллюзией? Все кончено, и если мы не признаем этого, то будем мучиться. Смотри — мы всего в миле друг от друга, но ни ты не можешь приехать ко мне, ни я к тебе. Это нелепо, это сводит меня с ума, и я просто не могу продолжать так дальше.

Уитмор понял, что ей больно, и на миг возненавидел себя за это.

— Донна, я хочу видеть тебя, обнять, поговорить, как в прошлый раз. Хочу больше всего на свете. И что-нибудь придумаю. Я понимаю, тебе тяжело, но подожди немного, я найду какой-нибудь выход. Мы встретимся, и все будет хорошо. Прошу тебя.

Донна зажмурилась, чтобы сдержать слезы. У него был такой прекрасный голос. Он мог бы говорить перед десятитысячной аудиторией и дать каждому почувствовать, что обращается именно к нему. А когда он обращался к ней одной, это было почти невыносимо; появлялось ощущение, что она парит в небе, что вся вселенная принадлежит им двоим. Донна вспомнила ночь, когда они лежали в постели до зари, он рассказывал о своей юности, о работе на нефтепромыслах, о том, как объездил на попутных машинах весь Запад, о драках, женщинах и свихнувшихся типах, и, когда наконец умолк, она заплакала.

— Какой у тебя голос,— сказала она тогда.— Жаль, что ты не актер.

— Я актер,— ответил он и сочно рассмеялся собственному признанию.

Но теперь Донна совладала с собой и решила, как поступить.

— Позвоню, как только смогу,— пообещал Уитмор.

— Чак, сидеть и ждать, когда зазвонит телефон, мне надоело,— сказала она.— Меня может не оказаться. Я, наверно, пойду пройдусь.

— Пройдешься? Куда?

— Просто погулять. Как нормальные люди в хорошую погоду, понимаешь? Теперь я нормальная женщина, Чак. Чего и добивалась все эти месяцы.

— Ты всегда была нормальной,— сказал он.— Потому я тебя и любил.

«Любил»... Прошедшее время потрясло их обоих.

— Возможно, дойду до Лафайет-сквер и устрою демонстрацию против тебя,— сказала она.— С большим плакатом, как у тех, кто предвещает близкий конец света. «Уитмор несправедлив к трудящейся женщине. Он обидел меня. Соблазнил и бросил».

— Донна, это не смешно.

— Я и не собиралась тебя смешить.

Снова наступило молчание. Уитмор почувствовал, что теряет инициативу, а это его страшило больше всего на свете.

— Донна, привезла ты свой... свою рукопись?— спросил он наконец.— Свою книгу? Как ты ее озаглавила?

— Да-да, привезла. Господи, ты придаешь ей такое значение! Я жалею, что упомянула о ней.

Тут Уитмор стал сдержанным, покровительственным, многоопытным.

— Донна, нельзя выкладывать на бумагу все, что вздумается. Нужно быть осторожной.

Ей захотелось закричать. Она прекрасно знала, как он обрабатывает людей, льстит, подшучивает, запугивает, идет на все, лишь бы добиться своего.

— Чак, я веду тихую жизнь в калифорнийском городке, иногда записываю несколько мыслишек и тешу себя надеждой, что пишу роман. Это моя единственная иллюзия, и будь добр, не касайся ее.

Уитмор остался непреклонен. Его пугала мысль, что Донна пишет книгу, роман или что бы там ни было. О чем она могла писать? Только о нем. Сейчас книги строчит всякая шушера — помощники президента, парикмахеры президента, дворецкие президента,— и вряд ли он будет первым, о ком пишет любовница.

— Донна, нужно тщательно думать, о чем пишешь.

— Я пишу только о своей жизни. О своей сумасшедшей беспорядочной жизни.

— Да, но я часть твоей жизни. Те письма, что я писал тебе...

— Забудь о письмах!— выкрикнула она.— Забудь обо всем. Я не хочу больше говорить. Этот разговор ни к чему хорошему не ведет.

— Я еще позвоню,— сказал он.— Будешь ты дома в восемь?

— Постараюсь,— ответила она. Ей не хотелось идти у него на поводу. Она могла позволить себе эту маленькую победу.

Уитмор попрощался и положил трубку, словно это была бомба, готовая взорваться. Донна с минуту посидела, глядя в окно. Кизил был в пол-

ном цвету. Она злобно выругалась по адресу Чарлза Уитмора. И отправилась на прогулку.

Положив трубку, Уитмор выругался тоже и, поскольку ничего больше не пришло ему в голову, вызвал звонком Эда Мерфи. Вскоре Мерфи вошел в кабинет, за ним Ник Гальяно — невысокий мускулистый человек сорока с лишним лет с маленькими блестящими глазами, сломанным носом и короткой прической, какую в Америке уже почти никто не носил. На нем был мятый костюм из синтетики и расстегнутая у горла клетчатая спортивная рубашка. Вошел он с усмешкой, но едва увидел лицо президента, усмешка исчезла. О них говорили: «Порежь Уитмора, и Гальяно обольется кровью».

— Тяжелый день, босс?— спросил он.

— Ужасный, Ник. Смешай себе коктейль и садись.

Настроение Уитмора немного улучшилось, когда Гальяно подмигнул и вперевалку зашагал к бару. Джон Кеннеди сказал когда-то, что Белый дом — неподходящее место, чтобы заводить новых друзей, поэтому нужно держаться старых. Уитмор считал так же, а Гальяно был очень старым другом.

— И тебе, босс?

Уитмор немного поколебался.

— Да, только некрепкий.— И повернулся к Эду Мерфи, занявшему свое обычное место сбоку стола.— Что делается на той стороне улицы?

— Я только что оттуда,— ответил Мерфи.— Атмосфера напряженная. Может начаться возмущение.

— Во что оно выльется?

— Смутьянов схватят, едва они сделают первый шаг. Наши люди там. Им хотелось бы арестовать подстрекателей заранее.

Уитмор покачал головой.

— Повременим.

Гальяно подал Уитмору сильно разбавленное виски.

— Это не крепко, босс?

— Спасибо, Ник.

Гальяно отошел, сел на диван возле камина и, мрачно глядя на стену, стал потягивать коктейль.

— Эд, я разговаривал с Донной,— сказал Уитмор.

Мерфи промолчал.

— Она заявила: сегодня или никогда. Дела складываются так, что, видимо, никогда.

Уитмор встал и снова принялся расхаживать по кабинету. Эд Мерфи выжидал. Ник Гальяно на диване свесил голову, словно собирался вздремнуть.

— Я спросил Донну о ее треклятой рукописи,— сказал Уитмор.— Она говорит, что рукопись у нее при себе, что это ее рукопись и что мне не может быть до нее дела. Черт возьми, Эд, я не знаю, что у Донны на уме. Может, она собралась написать обо мне бестселлер. От женщин можно ждать чего угодно. Они недовольны, когда ты приходишь, недовольны, когда уходишь, и недовольны, когда не двигаешься с места. Черт возьми, как мне быть? Перед крыльцом у меня толпа, экономика на грани развала, готовы разразиться шестнадцать войн, где-то до сих пор ходит по рукам досье Гувера, а тут еще Донна пишет книгу! Это уж слишком!

Он перестал ходить и допил коктейль. Гальяно подскочил, взял пустой бокал и стал наполнять его снова.

— Я ей доверял, а теперь она готова подвести меня, и мы должны что-то предпринять,— продолжал Уитмор.— Не знаю что, но должны! Эта сумасбродка может меня погубить!

Лицо Эда Мерфи было суровым. Ник Гальяно подал президенту второй коктейль, чуть покрепче первого, и Уитмор сел снова. Руки его дрожали. Через минуту Эд Мерфи поднялся и вышел.

Донна шла куда глаза глядят, радуясь солнцу, цветам, воспоминаниям. И только миновав театр «Биограф», осознала, что идет к Лафайет-сквер. Раньше, когда она работала в корпусе мира, там был ее парк. Туда выходили окна ее отдела, и в погожие дни она спускалась съесть ленч на своей скамейке, накормить своих белок, посмотреть на своих стариков, играющих в шашки. Но то было в далеком прошлом, и теперь парк стал уже чужим. Люди, столпясь там, выкрикивали: «Работу сейчас!», как она с подругами выкрикивала: «Мир сейчас!», но теперь атмосфера была иной, какой-то зловещей, это испугало ее, и через несколько минут она пошла обратно. Близился вечер, тянуло холодком, и путь в Джорджтаун показался ей более долгим.

На углу Тридцать первой и М-стрит она зашла в винную лавку. В глубине ее на пыльной полке она нашла то, что искала,— бутылку сливовицы. Чак любил этот напиток, бутылка будет ему сюрпризом, если он приедет. Гнев Донны уже утих. При виде демонстрации в парке ей стало жаль Уитмора — у него столько забот, а тут еще она со своими.

Продавцом в лавке был нескладный прыщеватый парень с липким взглядом; отсчитывая сдачу, он краснел и заикался.

— Вы дали мне слишком много денег,— сказала ему Донна.

— Что?— Парень побледнел, руки его задрожали, словно она обвинила его в каком-то ужасном преступлении.— Хорошо, леди, я пересчитаю еще раз. У меня и в мыслях не было ничего дурного.

— Нельзя быть таким щедрым,— сказала она и, чтобы унять страх, мелькнувший во взгляде у парня, коснулась его руки и улыбнулась.

— Славная вы,— сказал парень.— И красивая.

Донна улыбнулась снова, чуть печально, взяла сдачу и торопливо вышла. Этот разговор почему-то причинил ей боль. Она устала от того, что мужчины в нее влюбляются, устала отдавать, отдавать, отдавать и так мало получать взамен. Она твердила себе, что, если хочешь выжить в этом мире, нужно быть эгоистичной, твердой, как железо. И все равно продолжала отдавать.

Пройдя шагов десять, она глянула на другую сторону М-стрит и увидела человека, которого меньше всего хотела видеть.

Из бара Натана вышел Бен Нортон. Все такой же, каким она его помнила,— рослый, крепко сбитый, с торчащими во все стороны светлыми волосами, он неторопливо шел с загадочной улыбкой на лице, держа руки в карманах. «У него все сразу же бросается в глаза,— подумала Донна,— любезность, юмор, порядочность — все, кроме ума и твердости, которые обнаруживаются не сразу». Он казался ей очень одиноким, и ей захотелось, чтобы с ним была девушка, какая-нибудь птичка, как он называл их, но птички редко ценили Бена. «Правда, я и сама не ценила»,— с горечью подумала Донна. У нее возникло желание перебежать улицу, обнять его, перенестись на два года в прошлое, когда в ее жизни еще не было всех этих невероятных осложнений. Но пути назад не существовало. Они прошли через слезы, ссоры, извинения и теперь могли идти только каждый своим путем. Бен и она были самыми близкими друг другу людьми, но теперь уже не перейти улицу, не заговорить с ним. Поздно. Донна со слезами на глазах провожала его взглядом, пока он не скрылся из виду, а потом торопливо пошла к дому на Вольта-плейс ждать звонка от Чака Уитмора.

По американским понятиям это был вовсе не мятеж; волнение, очевидно, более уместное слово. С обеих сторон раздавались гневные выкрики, вспыхивали стычки, мелькали полицейские дубинки, несколько голов было окровавлено, несколько человек арестовано, демонстранты, отступая, разбили несколько окон — и только. Почти в любой другой части мира эти события прошли бы незамеченными. Но напротив Белого дома они имели политическое значение. Наутро, читая за завтраком газетные отчеты, люди возмущенно затрясут головами. Окровавленные полицейские крупным планом на экранах телевизоров будут выглядеть зловеще, как сотня раненых. Чарлз Уитмор вел игру и проиграл, сам он сознавал это лучше всех остальных.

— Мятеж был не стихийным!— кричал он Эду Мерфи.— Кто-то подстрекал демонстрантов. Это заговор, и мы должны узнать, кто его направлял.

— Вряд ли заговор,— возразил Эд Мерфи.— Секретная служба и ФБР устроили организаторам проверку, у них все чисто. Они хотели провести мирную демонстрацию. Взрыв мог произойти и сам собой.

— Какой там черт сам собой!— выкрикнул Уитмор.— Кто-то спровоцировал мятеж, и мы должны узнать, кто. Если секретная служба и ФБР не смогут докопаться, найди того, кто сможет.

— Докопаемся,— пообещал Мерфи.

Уитмор налил себе еще виски. Он, как выразился бы сам, расслаблялся после демонстрации. Эд Мерфи не пил и, насколько всем было известно, никогда не расслаблялся.

— Черт возьми, дело не так уж скверно,— сказал, помолчав, Уитмор.— Если б даже знать заранее, я все равно допустил бы их в парк. Что такое несколько разбитых голов? Я видел драки в барах, где пострадавших было больше, чем сегодня. Все хорошо, Эд. Безупречным быть нельзя. Если ты безупречен, тебя все ненавидят. Поэтому время от времени мы спотыкаемся. Даем работу профессиональным критиканам. Теперь «Пост», «Таймс», Крафт, Ивенс, Новак и прочие гении от политики примутся строчить статейки о том, как Большой Чак проиграл битву на Лафайет-сквер. Одни писаки найдут, что я был слишком мягок, что не нужно было допускать в парк эту толпу, возглавляемую красными. Другие — что я был слишком неуступчив, что мне нужно было пойти туда, обнять и расцеловать своих безработных братьев и сестер. Конечно, мне могли бы снести там голову, но зато все эти гении много месяцев писали бы о том, как был прекрасен мой труп и каким многообещающим был новый президент.

Уитмор откинулся на спинку кресла и громко захохотал.

— Эд, нагородил же я вздору, а?— сказал он.— Слышал ты когда-нибудь подобную ахинею?

Эд Мерфи улыбнулся, и оба немного успокоились. Уитмор обладал талантом, создав напряженную атмосферу, разрядить ее смехом или шуткой. Почти все политические деятели могли только создавать напряжение, а помощники их отличались лишь распутством и пьянством, но Уитмор умел посмеяться, и в этом крылась одна из причин того, что он был окружен людьми, готовыми за него умереть.

— Вы примете экономистов?— спросил Мерфи.

— О господи,— застонал Уитмор.— Они до сих пор здесь?

— Да, сэр.

— Пусть едут по домам. Сегодня я не могу слушать их болтовню.

Эд Мерфи поднял трубку телефона, и несколько минут спустя пять ведущих экономистов страны, несколько часов игравших в кункен[1], понуро вышли в сумерки.

Когда Мерфи положил трубку, настроение у президента упало снова. Он мрачно смотрел в окно на тени в розовом саду.

— Я звонил ей, Эд,— сказал он минуту спустя.— Но ее не оказалось. Никто не ответил.

— Может, это и к лучшему.

— Нет, не к лучшему. Нам нужно уладить много дел, не только вопрос с книгой. Нужно решить, как быть дальше, либо так, либо иначе. А мне и без того нет покоя.

— Позвоните еще.

— По телефону ничего не решишь. Я должен видеть ее. Это единственный выход. Слушай, Эд, ведь можно как-то вырваться. Скажем, поехать туда в твоей машине.

— Слишком рискованно,— сказал Мерфи.— Клэр у себя, а город после мятежа кишит репортерами и полицией. Кто-нибудь может увидеть вас, а мы не сможем объяснить, куда вы направляетесь.

— Черт возьми, осточертело выслушивать, что можно и чего нельзя!— загремел Уитмор.— Раз мне нужно увидеть ее, я ее увижу!

Но остался в своем большом кожаном кресле, удерживаемый нерешительностью, словно Гулливер нитями, злобно размышляя о том, что можно и чего нельзя могущественнейшему человеку на свете, а Эд Мерфи молча смотрел на него и выжидал.

2

— Она мертва, сержант, не сомневайтесь,— взволнованно сказал молодой полицейский в неглаженых брюках.— Я это увидел сразу же, как только вошел.

Кравиц не ответил. Он стоял на коленях возле трупа женщины, пытаясь разглядеть все сразу: синяки на лице, положение тела, украшения, одежду, ногти, под которыми могли оказаться волосы или лоскутки содранной кожи, тысячу и одну деталь, на которые научился обращать внимание.

— Может, ее изнасиловали?— сказал молодой полицейский.— Девочка симпатичная.

Кравиц обернулся и поглядел на него. Полицейский был невысоким — опять понизили требования к росту, скоро начнут брать в полицию карликов,— невзрачный, говорил с западновиргинским акцентом. На его опознавательной табличке было написано «Уотсон».

— Сомневаюсь, Уотсон,— сказал Кравиц.— Она полностью одета, так что вряд ли. Может, выйдешь, поговоришь с мальчишкой? Только, ради бога, ни к чему не притрагивайся.

— Слушаюсь, сержант,— ответил полицейский и, глубоко запустив руки в карманы неглаженых брюк, вышел через застекленную дверь на веранду, где оцепенело сидел на стуле разносчик газет.

Кравиц снова повернулся к трупу. Еще несколько минут, пока не приедут дактилоскопист, врач и прочие эксперты, дело будет полностью в его руках. Сознавать это было приятно. Мертвая не вызывала у него особых эмоций. Он повидал немало убитых женщин. Смерть Кравиц не воспринимал как трагедию. Для него покойница представляла собой задачу, требующую решения, и еще возможность продвижения по службе. Он встал, закурил сигарету и стал осматривать дом.

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

[1] Карточная игра.

Лидия ЛИБЕДИНСКАЯ

Исполняется 175 лет со дня рождения выдающегося русского мыслителя А. И. Герцена — революционера, писателя, философа.

УРОКИ ГЕРЦЕНА

Трудно найти в России другого исторического деятеля, чья судьба исполнена была бы событий столь ярких и необычайных, как судьба Александра Герцена. Началось все еще до его рождения...

Луиза Генриетта Гааг, дочь мелкого штутгартского чиновника, влюбившись в русского гвардии капитана в отставке Ивана Яковлева, переодевшись в мужское платье, перебралась вместе с ним через границу из Германии в Россию. Чем не начало для традиционного приключенческого романа? Было это осенью 1811 года, а когда сыну ее не минуло еще и полугода, Наполеон вступил в Москву, пожары добрались до дома, где жил Яковлев со своим семейством, и пришлось им перебраться на площадь к Страстному монастырю и прожить некоторое время под открытым небом, пока не удалось покинуть Москву вместе с многочисленной родней и дворней,— ибо именно Яковлеву, едва ли не единственному из московской знати не успевшему выехать из города, доверил Наполеон отвезти письмо императору Александру I. Рассказы о пожаре Москвы и наполеоновском нашествии назовет Герцен колыбельной песней своего детства.

Рано осознал мальчик «ложное» положение, не сына — воспитанника, хоть и рос в довольстве и баловстве. Уязвленное детское самолюбие брюзгливое самодурство отца сыграли немаловажную роль в становлении независимого характера, заставив остро сопереживать несправедливость по отношению к людям зависимым, а отсюда вырастало и крепло инстинктивное стремление к свободе, поначалу личной, а потом и всех тех, кого можно продавать и покупать, сечь и унижать.

Роковой и святой день 14 декабря 1825 года довершил его развитие. Мальчиком четырнадцати лет, затерянный в толпе, присутствовал Герцен в Кремле при «благодарственном» и «очистительном» молебствии за избавление царской фамилии от врагов Отечества и поклялся вступить в непримиримый бой с этими пушками, с этим троном, с кровавыми этими молитвами...

И не символично ли, что именно в дни, когда тон российского общества, потрясенного залпами на Петровской (ныне Сенатской) площади, менялся наглядно и от тех, кого вчера за честь почитали именовать друзьями, отрекались и предавали их имена анафеме, именно в эти дни, трагические для России, зарождается дружба Герцена и Огарева, которой суждено было стать символом содружества идейного, выдержавшего самые тяжелейшие житейские испытания и пронесенного через всю жизнь: последнее имя, которое произнесет Герцен умирая, будет имя Огарева, а когда через семь лет пробьет последний час Огарева, он позовет Герцена!

Но как быстро наступила расплата за это горенье свободы в юношеских сердцах! Еще студентами попали Герцен и Огарев под всевидящее око российской полиции, а едва окончив университет, подверглись аресту, суду и ссылке.

Ссылка в Вятку не сломит его, именно там, соприкоснувшись с народной жизнью, обретет он отношение к народу, о котором позже напишет: «сильное, безотчетное, физиологическое, страстное чувство... безграничной, охватывающей все существование любви к русскому народу, русскому быту, к русскому складу ума».

В ссылке начинается переписка Герцена с Натальей Александровной Захарьиной, которой суждено было впоследствии стать его женой. Эта переписка — поэма высочайшей любви — к сожалению, мало знакома широкому читателю. А жаль, письма эти не только шедевр литературный, но и важнейший нравственный документ, могущий служить воспитанию чувств молодых людей всех времен.

А потом короткие месяцы в Москве по возвращении из ссылки и столь же краткая служба в Петербурге, где в одно далеко не прекрасное утро явятся на квартиру Герцена жандармы и уведут его к Цепному мосту, в III отделение, только лишь за то, что посмел он в письме к отцу сообщить слух, распространившийся по Петербургу, об убийстве купца будочником, то есть полицейским солдатом. Наталья Александровна, ожидавшая ребенка, тяжело заболела, так и не оправившись от болезни до конца дней своих.

И снова ссылка, на этот раз в Новгород. Там встретит Герцен свое тридцатилетие: «Тридцать лет! Половина жизни. Двенадцать лет ребячества, четыре школьничества, шесть юности и восемь лет гонений, преследований, ссылок. И хорошо и грустно смотреть назад».

А через полгода, возвращенный в Москву (под надзор полиции!) 11 сентября 1842-го, он с горечью напишет в дневнике: «Поймут ли, оценят ли грядущие люди весь ужас, всю трагическую сторону нашего существования,— а между тем наши страдания — почка, из которой разовьется их счастие...»

Вернувшись из ссылки, Герцен сразу становится деятельным участником кружка, во главе которого еще недавно стоял Николай Станкевич, скончавшийся в 1840 году от туберкулеза на 27-м году жизни. Теперь кружок этот группировался вокруг историка Тимофея Грановского. Кроме Герцена и Грановского, в него входили ближайший друг Белинского В. П. Боткин, автор знаменитых «Писем об Испании», переводчик Шекспира Н. Х. Кетчер, товарищ Грановского по петербургскому университету Е. Корш, И. С. Тургенев. Кружок этот вошел в историю русской мысли под названием западников.

В те годы жил в Москве П. Я. Чаадаев. Человек крупного и независимого ума, хоть и ославленный царским правительством сумасшедшим за его сочинения, он пользовался в передовом московском обществе почтительным уважением. «Моя школа!»— не без гордости говорил Чаадаев о Герцене и Грановском.

А рядом кружок славянофилов, тоже людей блестящих, талантливых и своеобычных: Константин Аксаков, братья Киреевские, Юрий Самарин, Хомяков.

«В лице Грановского,— напишет Герцен,— московское общество приветствовало рвущуюся к свободе мысль Запада, мысль умственной независимости и борьбы за нее. В лице славянофилов оно протестовало против оскорбленного чувства народности».

Страстная борьба славянофилов и западников послужила темой многих литературных исследований, написанных как сторонниками первых, так и последователями их противников. Но, пожалуй, самое точное определение дал сам Герцен: «Киреевские, Хомяков, Аксаков **сделали свое дело**; долго ли, коротко ли они жили, но, закрывая глаза, они могли сказать себе с полным сознанием, что они сделали то, что хотели сделать... С них начинается **перелом русской мысли**. И когда **мы** это говорим, кажется, нас нельзя заподозрить в пристрастии.

Да, мы были противниками их, но очень странными. У нас была **одна** любовь, но **не одинакая**... И мы, как Янус или как двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время, как **сердце билось одно**».

Окончание на стр. 18

* * *

<...> Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

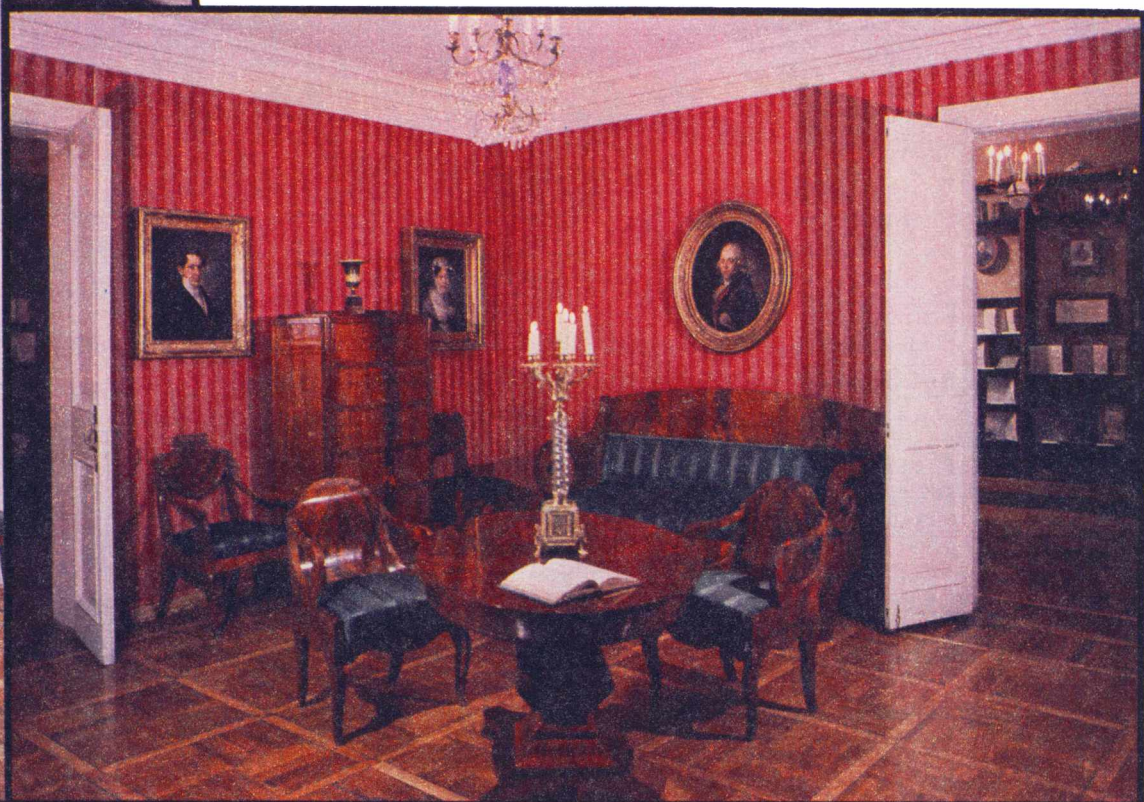
Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 году. Следующий начинает расти на наших глазах.

Чествуя Герцена, пролетариат учится на его примере великому значению революционной теории; — учится понимать, что беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы; — учится определению роли разных классов в русской и международной революции. Обогащенный этими уроками, пролетариат пробьет себе дорогу к свободному союзу с социалистическими рабочими всех стран, раздавив ту гадину, царскую монархию, против которой Герцен первый поднял великое знамя борьбы путем обращения к массам с вольным русским словом.

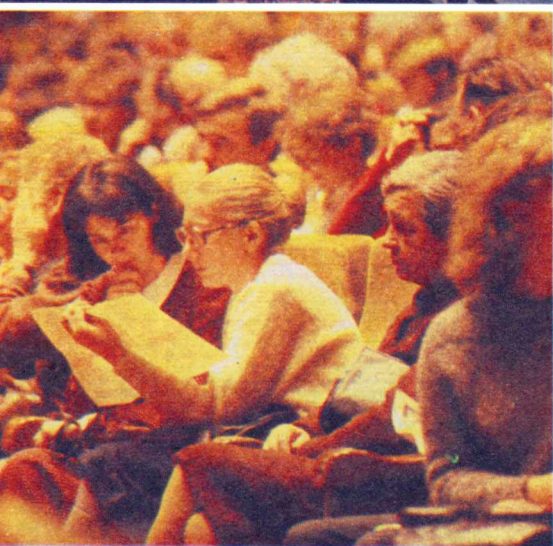
В. И. ЛЕНИН из статьи «Памяти Герцена»

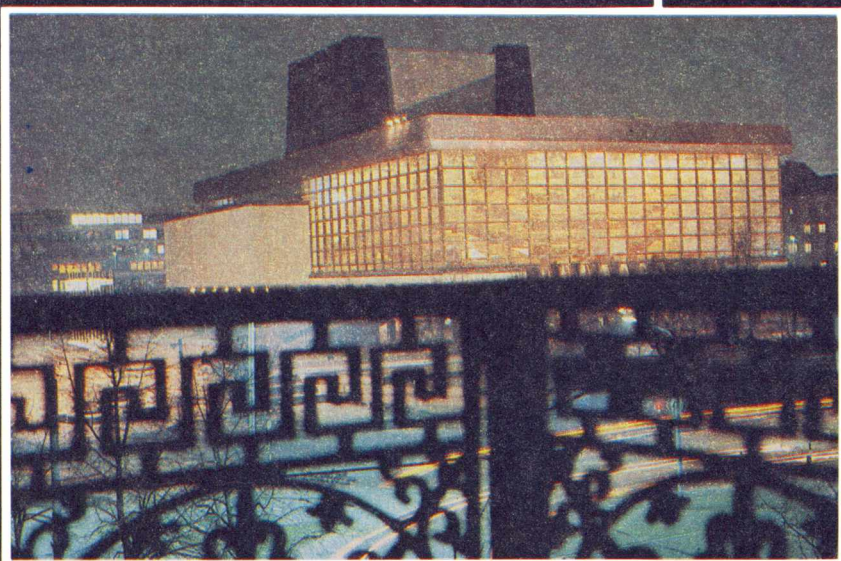
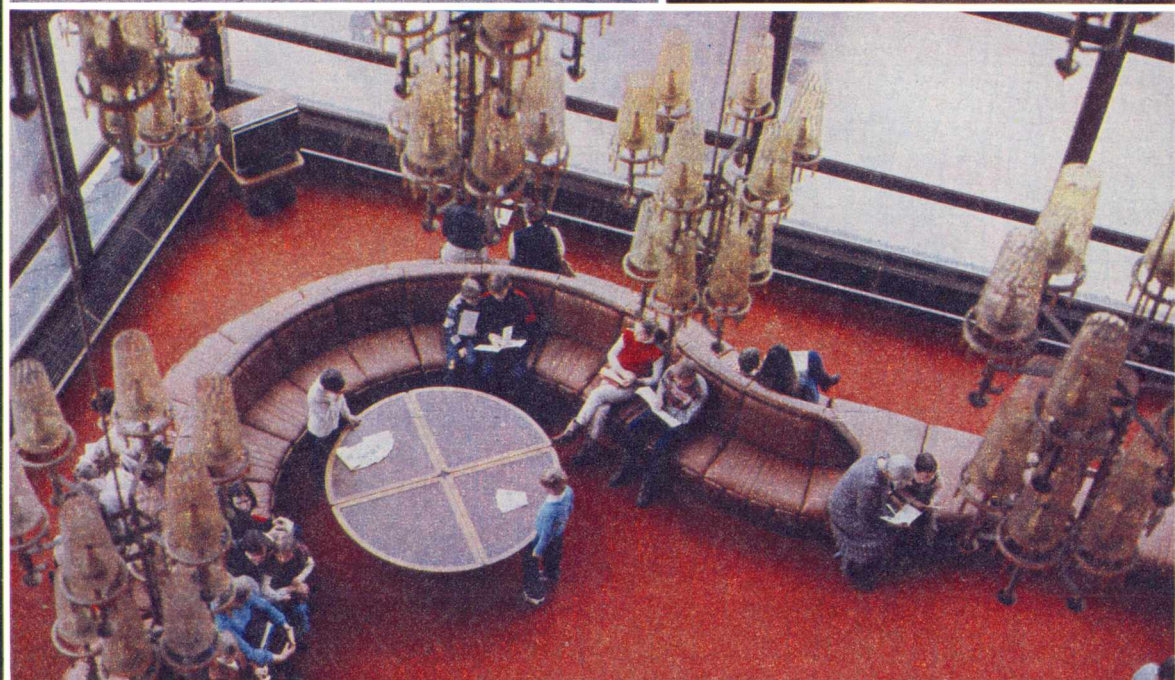
- ДОМ-МУЗЕЙ А. И. ГЕРЦЕНА В МОСКВЕ НА СИВЦЕВОМ ВРАЖКЕ.
- ФОТОГРАФИЯ А. ГЕРЦЕНА И Н. ОГАРЕВА С АВТОГРАФОМ ГЕРЦЕНА.
- БЮСТ А. ГЕРЦЕНА (1858 г.), ПОДАРЕННЫЙ МУЗЕЮ ЕГО ПРАВНУКОМ СЕРЖЕМ ГЕРЦЕНОМ.
- В ДОМЕ НА СИВЦЕВОМ ВРАЖКЕ.

Фото Сергея **ПЕТРУХИНА**

ВСЕГДА

● НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР В. НОРЕЙКА ИСПОЛНЯЕТ ПАРТИЮ ОТЕЛЛО.

● ЗАСЛУЖЕННЫЕ АРТИСТЫ ЛИТОВСКОЙ ССР Л. БАРТУСЯВИЧЮТЕ И Й. КАТАКИНАС В БАЛЕТЕ «СИЛЬФИДА».

АНШЛАГ!

Александра ЧИЖОВА,
заслуженный деятель искусств РСФСР
Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

НА ОДНОЙ ВСТРЕЧЕ С ЖУРНАЛИСТАМИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО РУКОВОДИТЕЛЯ — ДИРЕКТОРА ТЕАТРА ОПЕРЫ И БАЛЕТА ЛИТОВСКОЙ ССР ВИРГИЛИЮСА НОРЕЙКУ СПРОСИЛИ: «А КАК У ВАС В ВИЛЬНЮСЕ ПОСЕЩАЮТСЯ СПЕКТАКЛИ!» РУКОВОДИТЕЛИ МНОГИХ ТЕАТРОВ ОБЫЧНО ОБХОДЯТ ЭТОТ ВОПРОС МОЛЧАНИЕМ ИЛИ БЫСТРО ПЕРЕСКАКИВАЮТ НА ДРУГУЮ ТЕМУ, ЛИШЬ БЫ НЕ ДАТЬ ПРЯМОГО ОТВЕТА. НОРЕЙКА СПОКОЙНО СКАЗАЛ: «НАШ ТЕАТР ПО ПОСЕЩАЕМОСТИ СТОИТ НА ПЕРВОМ МЕСТЕ В СТРАНЕ».

ДИРИЖИРУЕТ ЗАСЛУЖЕННЫЙ АРТИСТ ЛИТОВСКОЙ ССР В. ВИРЖОНИС.

Издавна известно, что успех любого дела зависит от личности человека, коему оно доверено, от его умения, таланта и радения. Новая, рожденная велением времени формула «человеческий фактор» нацеливает всех нас зорко вглядываться в человека, видеть не только то, как он проявляет себя сиюминутно, но предугадывать его потенциальные возможности, раскрытие личности в перспективе.

...Мне навстречу поднялся из-за стола высокий, могучего сложения, красивый человек, ну впрямь витязь-богатырь. Приветливая улыбка, непринужденность, простота и естественность народного артиста СССР Виргилиюса Леоновича Норейки както сразу расположили к свободному разговору.

— Вот вы говорите—«человеческий фактор»,— сказал он.— Если его рассматривать применительно к театру, то, на мой взгляд, он состоит как бы из двух частей или двух сторон. К примеру, хороший голос, актерские способности, соответствующая фактура, словом, одаренность человека сама по себе — это объективная данность, то есть потенциальная часть «человеческого фактора». А для того, чтобы достичь желаемого «конечного результата» (я беру в расчет и художественную, и организационную стороны), необходимо вызвать к жизни вторую часть фактора — активную, направленную, целеустремленную творческую инициативу, причем не только у людей творческих профессий, но у всех без исключения сотрудников театра. В связи с этим коротко расскажу о некоторых перипетиях, возникших однажды в жизни нашего коллектива.

В 1974 году мы получили новое прекрасное здание, оборудованное и оснащенное по последнему слову техники того времени. Получить такое помещение — несказанная радость. Однако спектакли, шедшие в старом помещении, перенести в новое оказалось невозможно — они не соответствовали ни габаритам, ни технике его сцены. Возникла проблема— начинать все с нуля, иначе говоря, заново осуществить постановки и сценографию всего нашего репертуара, да еще буквально на ходу. Нелегко, но есть магическое слово: надо! И сработал здесь чудодейственный «человеческий фактор» — именно в своем двуединстве.

Наш новый театр своим внешним обликом и интерьером сразу стал достопримечательностью, центром внимания жителей не только Вильнюса — всей республики и ее многочисленных гостей. Люди спешили попасть в этот замечательный храм искусства, побывать в нем считалось в ту пору даже престижным. В театр шли тогда не столько на спектакли, сколько на «архитектуру». А мы между тем с тревогой думали о нашем недалеком будущем — пойдет ли к нам зритель, когда кончится это паломничество? Перед нами стал вопрос — быть или не быть? — вопрос жизни и смерти театра. А для того, чтобы зритель пошел уже на наши спектакли, мы все и каждый в отдельности член нашего коллектива — от солиста до гардеробщика — обязаны были глубоко осознать: в театре все делается ради зрителя, все мы служим зрителю. Нет зрителя — нет театра. Следовательно, театр должен обрести такую притягательную силу, которая способна сделать его необходимым людям, центром духовной жизни. И как бы призывным лозунгом для всех сотрудников театра стал: «Все для зрителя, все во имя зрителя!» В первую очередь, конечно, это касалось художественной полноценности наших спектаклей. Поэтому ставить, дирижировать, оформлять, петь, танцевать надлежит таким талантливым творческим индивидуальностям, которым по плечу обеспечить эту полноценность. А определяет и утверждает конкретных исполнителей художественный совет. Его мнению и оценкам доверяют, ибо в его составе самые компетентные, заслужившие всеобщее признание творческие работники театра.

— Бывают ли на худсоветах разногласия, споры?

— Конечно, да еще какие горячие! Но все наши дискуссии направлены на поиски наиболее высокой меры нашего искусства, это единственные соображения, всегда лежащие в основе наших дебатов. Какими бы жаркими ни были эти споры, они никогда не разрушают личных контактов между спорящими сторонами, не бывает такого, чтобы люди перестали здороваться, разговаривать друг с другом. Ведь в главном мы все единомышленники. Общая, единственная у всех цель создала такой психологический климат в театре, который исключает личные, эгоистические амбиции, зависть, враждебность, неприязнь, ибо основным мерилом справедливости служит степень вклада каждого в успех спектакля.

Однако наши творения обретают смысл в восприятии зрителей. А это восприятие, чтобы оно было непосредственным и открытым, необходимо определенным образом подготовить, целенаправить. Не случайно «театр начинается с вешалки». Переступив его порог, зритель сразу должен почувствовать себя желанным гостем, попавшим в атмосферу доброжелательности, радушия. Такую атмосферу обязаны создавать все сотрудники: гардеробщики, билетеры, капельдинеры, буфетчики и, конечно, администраторы. К слову сказать, у нас постоянно функционируют девять буфетов, дабы зрители не томились в очереди за чашкой кофе или чая. Если кто-либо из обслуживающего персонала посмеет допустить по отношению к зрителю неприветливость, невнимательность, тот работать у нас не будет. И это знают и помнят все. Здесь, на подступах к зрительному залу, должны царить высокая культура, безупречный такт в обслуживании и общении со зрителями. Тогда и у них, у зрителей, в ответ на доброту душа как бы оттаивает, открывается, обретает духовную чуткость, возвышенность чувств, готовность к восприятию великого таинства театра.

Мы стремимся сделать все, чтобы зрители в наших стенах, кроме искренней радости, получили еще большой, плодотворный нравственный и эстетический заряд, чтобы ощущение праздничной приподнятости, возникшее здесь, долго не покидало их и влекло к нам еще и еще...

— В любом городе, очевидно, есть определенная категория людей, так называемых меломанов и балетоманов. Они-то, видимо, и составляют основной контингент зрителей вашего театра. Но вы только что говорили о стремлении приобщить к искусству оперы и балета широкие массы народа. Удается ли осуществить это на деле?

— Да, удается. Постоянно ищем новые формы работы со зрителем. Ну, например, мы установили тесную связь с производственными коллективами республики: завода топливной аппаратуры имени 50-летия СССР, плавучей базы «Рыбацкая слава», совхоза «Мяркине» Варенского района, а в Тельшяйском районе открыли филиал театра, и, кроме того, у нас еще три подшефных завода. По инициативе заместителя директора театра Людвикаса Стяповича Ашкиниса уже стали хорошей традицией проведение в наших стенах дней районов, спектакли для выпускников школ, учащихся высших и специальных учебных заведений. А на субботние дни в первую очередь продаем билеты труженикам сельского хозяйства. Кстати, замечу, мы даем возможность студентам консерватории петь у нас, что интересно любителям оперы.

Большие «Икарусы» привозят сюда людей, проживающих на расстоянии даже трехсот километров от Вильнюса, а из более близких районов у нас постоянные гости. Сельские жители — в несезонное для деревенских забот время — составляют шестьдесят процентов наших зрителей. Как видите, не только меломаны и балетоманы приходят к нам, а действительно народ, в самом точном понимании этого слова, ежевечерне заполняет зрительный зал театра.

У нас существует правило — стараться никому не отказывать в желании посмотреть спектакль. Если нет мест, находим какой-либо выход, но не отправляем человека с порога прочь.

— Как известно, репертуар — основа основ жизни театра. В мире несть числа хорошим оперным и балетным произведениям. Какой критерий помогает вам выбрать из огромной массы то лучшее, необходимое вашей труппе?

— Наш театр прежде всего национальный. Создание национального репертуара — его первейшая задача. Притом предпочтение мы отдаем современной теме и, если получаем такое произведение, ему открываем внеочередную, внеплановую зеленую улицу на сцену. У нас есть талантливые композиторы, они хотят писать, ищут темы, порой мы подсказываем им нужные нам, к примеру, молодежные...

Кроме того, как вы знаете, наша афиша всегда содержит лучшие образцы мировой классики. Для нас понятие «лучшие» означает их идейно-художественную ценность. Это одна сторона наших соображений. Другая, равнозначная,— наличие в труппе исполнителей, способных в полной мере раскрыть его художественную неповторимость. Тут мы не позволяем никаких компромиссов. Если у нас нет достойного исполнителя (не только вокалиста, но и артиста), скажем, на партию Мефистофеля, мы «Фауста» ставить не будем.

С особой тщательностью мы ищем сочинения, которые вызывали бы живой отклик в молодых сердцах, истинное волнение, благородные порывы, влияли бы на нравственное и гражданственное становление личности...

Статистика подтверждает, что посещаемость литовского театра в среднем равна без малого ста процентам!.. Так как же ему удалось добиться такого сенсационного успеха? В чем кроется его магнетизм? Очевидно, театр располагает какой-то суммой действенных предпосылок, делающих невозможное возможным. Одна из них — это древняя, богатая музыкальная культура литовского народа. Кстати сказать, первый оперный спектакль был поставлен в замке Гедимина в 1636 году... Вторая — главная, определяющая возможность подобных достижений — это «человеческий фактор». Судите сами: в составе оперной труппы Государственного академического театра оперы и балета Литовской ССР есть выдающиеся певцы — артисты мирового класса, обладающие уникальными голосами. Это в первую очередь В. Норейка и И. Милькявичюте, В. Даунорас, Г. Григорян, В. Прудников и Э. Канява. Благодаря красоте тембра, мощи звучания, богатству палитры вокальных красок артисты создают в сложнейших спектаклях классического репертуара, таких, как «Дон Карлос» и «Отелло», «Мадам Баттерфляй», «Борис Годунов», в национальной опере «Пиленай» В. Кловы незабываемые вокальные и сценические образы.

Вильнюсский театр располагает талантливыми дирижерами: В. Виржонис, Р. Генюшас, А. Шульчис — их небольшую группу возглавляет многоопытный музыкант И. Алекса. Примечательно, что среди дирижеров нет деления на оперных и балетных, как это практикуется во многих театрах, главенствующее значение придается музыке, и оперным, и балетным артистам надлежит воплощать ее согласно воле автора, а не подчинять возможностям и прихотям исполнителей.

Режиссуру спектаклей театр доверяет одаренным мастерам. Это Э. Домаркас, Н. Кроткуте, Р. Сипарис (главный режиссер театра), В. Микштайте и другие. У каждого из них свой стиль, свой творческий почерк, однако принцип подхода к оперному спектаклю един — признание диктата музыки в сценическом действии.

Осуществлять сценографию постановок театр приглашает художников, чьи особенности творчества, индивидуальные склонности наиболее соответствуют характеру оперного или балетного произведения: Я. Малинаускайте, Л. Труйкис, Э. Рентер, И. Бируля, В. Левенталь, С. Пастух, Е. Пожелайте... И опять-таки объединяющим началом столь несхожих художников явилось отношение к сценографии как к зримой музыке.

Наличие всех этих качеств дало право включить в репертуар такие шедевры классического балета, как «Спящая красавица» П. Чайковского, «Коппелия» Л. Делиба, а также современный спектакль «Вечно живые» А. Рекашюса, снискавшие признание и успех не только в республике. Руководит балетной труппой главный балетмейстер В. Браздилис — талантливый, обладающий ярким пластическим мышлением хореограф.

В составе балетной труппы также есть мастера высокого класса, свободно владеющие всеми тонкостями и сложностями школы классического танца. Это Л. Бартусявичюте и Н. Берединa, С. Масанева и Й. Валейкайте. А среди мужчин Й. Катакинас и П. Скирмантас...

Итак, общий, единый принцип, положенный театром в основу решения всех компонентов и опер, и балетов дал столь плодотворный результат, когда каждый спектакль — целостное, законченное художественное произведение, созданное с большим вкусом и тактом, а романтическая направленность театра и неповторимая национальная интонация придают ему особое обаяние. Таков «конечный результат» проявления в театре «человеческого фактора», обеспечившего его достижения и успех.

УРОКИ ГЕРЦЕНА

Начало на стр. 16

В сороковые годы имя Герцена-писателя становится широко известным среди мыслящих людей России. Прочитав новые главы романа «Кто виноват?», Белинский написал Герцену поистине пророческие строки:

«Если ты лет в десять напишешь три-четыре томика, поплотнее и порядочного размера,— ты — большое имя в нашей литературе и попадешь не только в историю русской литературы, но и в историю Карамзина (то есть в историю государства российского! — **Л. Л.**) Ты можешь оказать сильное и благодетельное влияние на современность».

Литературное признание, дружеский круг, феерический успех лекций любимого Грановского, яростная полемика со славянофилами,— казалось бы, жизнь, что называется, бьет ключом. Но еще в январе 1844 года читаем мы в дневнике Герцена трагические строки:

«Движенье умственное, беспокойное, ищущее разрешений, говорящее в Москве, усиливается очевидно. Страшно думать, что, когда эту деятельность хорошенько разглядят, развеют опять по лицу России всех порядочных людей. Террор. Какая-то страшная туча собирается над головами людей, вышедших из толпы. Страшно подумать; люди совершенно невинные, не имеющие ни практической прямой цели, не принадлежащие ни к какой ассоциации, могут быть уничтожены, раздавлены, казнены за какой-то образ мысли...»

Николаевский гнет чувствовался буквально на каждом шагу. Это было невыносимо для деятельной натуры Герцена: «Действительного деяния, на которое мы бы были призваны, нет; выдыхаться в вечном плаче, в сосредоточенной скорби не есть дело...»

В мае 1846 года скончался Иван Алексеевич Яковлев, оставив Герцену довольно большое наследство. Получив материальную независимость, Герцен подает прошение о разрешении на поездку за границу для поправления здоровья жены. Но для этого нужно прежде всего добиться снятия полицейского надзора, и начинаются длительные и унизительные сношения с III отделением... Но он не помышляет о том, чтобы покинуть родину навсегда.

19 января 1847 года на нескольких тройках провожали Герцена друзья до первой почтовой станции Черная Грязь.

«...возок двинулся; я смотрел назад, шлагбаум опустился, ветер мел снег из России на дорогу, поднимая как-то вкось хвост и гриву казацкой лошади... Вот столб и на нем обсыпанный снегом одноглавый и худой орел с растопыренными крыльями.

Прощайте!»

Но и под крылом одноглавого орла ждали его испытания, разочарования и гонения, может быть, куда более жестокие, чем под сенью орла двуглавого...

Читая страницу за страницей сочинения и письма Герцена, написанные им в первые месяцы пребывания в Европе, отчетливо видишь, как первые восторги сменяются поначалу недоумением, потом раздражением и наконец негодованием. Он посылает в «Современник» несколько писем, которые называет «Письма из «Avenue Marignye», впоследствии вошедшие в книгу «Письма из Франции и Италии». И если в первых из них еще присутствует оттенок восхищения не только французским искусством, но и внешними формами жизни, то в последующих Герцен не скрывает того, как поражен он изнанкой этой жизни, узостью духовных интересов. На глазах у читателя словно бы блекнут яркие на первый взгляд краски и все отчетливее вырисовывается господство над всем самой мелкой буржуазности, мещанства. «Смерть в литературе, смерть в театре, смерть в политике, смерть на трибуне...»— таков итог его первого пребывания в Париже.

Осенью 1847 года Герцен уезжает в Италию, но уже весной 1848-го он снова во Франции: Париж «много изменился с октября месяца... В воздухе носилось что-то резкое и возбужденное, со всех сторон веяло девяностыми годами...»

Он попадает в самую гущу разворачивающихся событий: арестован на улице, но отпущен за неимением улик, в квартире произведен обыск, отобраны бумаги. Герцен становится свидетелем поражения французской революции 1848 года.

«Вечером 26 июня мы услышали, после победы «Насионаля» над Парижем, правильные залпы, с большими расстановками... «Ведь это расстреливают»,— сказали мы в один голос и отвернулись друг от друга... **Горе тем, кто прощает такие минуты!»**

Рухнули надежды и упования на то, что Запад разрешит радикальные вопросы современности!

«И во всем разгроме и падении сурово и мрачно вырезывается Россия, каменистое поле будущего. Судьба России колоссальна».

Но известия из России приходят одно тревожнее другого.

В июне 1849-го — письмо от Грановского: «Положение наше становится нестерпимее день ото дня. Всякое движение на Западе отзывается у нас стеснительною мерою. Доносы идут тысячами... Деспотизм громко говорит, что он не может ужиться с просвещением... Благо Белинскому, умершему вовремя».

В муках рождается решение о невозвращении в Россию...

«Месяцы целые взвешивал я, колебался и, наконец, принес все на жертву: ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ ДОСТОИНСТВУ, СВОБОДНОЙ РЕЧИ...

Свобода лица — величайшее дело; на ней и **только на ней** может вырасти действительная воля народа. В себе самом человек должен уважать свою свободу и чтить ее не менее, как в ближнем, как в целом народе... Я остаюсь здесь не только потому, что мне противно, переезжая через границу, снова надеть колодки, но для того, чтоб работать. Жить сложа руки можно везде; здесь мне нет другого дела кроме **нашего** дела».

Надежда на возвращение в Россию не покинет его до последних дней...

Думая о судьбе Герцена, я часто спрашиваю себя: какие же скрытые силы таятся в человеческой натуре, если она способна выдержать столько жесточайших ударов судьбы, сколько пришлось их пережить Герцену в первое пятилетие его пребывания на чужбине?

Поражение революции, а следовательно, рухнувшие надежды, изгнание с родины и потеря состояния, конфискованного царем, тяжелейшая семейная драма, гибель матери и младшего сына Коли, утонувших на его глазах вместе с пароходом, возвращавшимся в Ниццу, где жил тогда с семьей Герцен, смерть Натальи Александровны и новорожденного младенца, которого только и успели наречь Владимиром в честь их венчального города и схоронили вместе с матерью... Кому под силу пережить такое?

Потерявший все — и личное и общественное, в августе 1852 года приезжает Герцен в Лондон. И здесь он начинает трудиться над главной книгой своей «Былое и думы», где личная судьба автора переплетается с событиями общественными, горькая ирония чередуется с забавным анекдотом, насмешка сменяется гневным обличением. «Былое и думы» принадлежат к тем немногим книгам в истории мировой литературы, которые можно и нужно перечитывать всю жизнь, и каждый раз открывается в ней нечто дотоле неведомое, и снова и снова дивишься современному ее звучанию.

В беде есть одно утешение, утверждает Герцен: труд и деятельность. Не это ли урок мужества?

22 июня 1853 года заработали станки Вольной русской типографии. Первым был отпечатан листок «Юрьев день! Юрьев день! Русскому дворянству». Ставился самый острый для России вопрос — отмена крепостного права.

Герцен задумывает издавать периодическое обозрение.

«Полярная звезда» — так назывался альманах, издаваемый декабристами Александром Бестужевым и Кондратием Рылеевым. Через тридцать лет подхватит Герцен эстафету первенцев свободы. Первый номер герценовской «Полярной звезды» вышел 20 августа 1855 года. На обложке портреты пяти повешенных: Пестель, Рылеев, Каховский, Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин. Так воплотилась в жизнь клятва мальчика, затерянного в толпе на кремлевской площади во время «очистительного» молебна!

Лондонский дом Герцена становится местом собраний революционной эмиграции — единомышленников, посвятивших жизнь борьбе за свободу своих народов.

Посетителей было множество, и потому, когда однажды утром, услышав в кабинете, расположенном на втором этаже, как слуга-итальянец на ломаном русском языке говорит кому-то, что господина Герцена нет дома, он не удивился — порой приходилось прибегать к невинной лжи, чтобы не лишиться возможности работать. Но на этот раз посетители оказались настойчивы: снизу доносился шум, говор, похоже, что вносили вещи.

— А где же его дети?

Ошибки быть не могло, этот голос он узнал бы из тысячи других. Легко, как в юности, сбежал Герцен по ступенькам и бросился в объятия друга — ОГАРЕВ!

Оживало прошлое, рождались планы на будущее. Возникла идея «Колокола». Он печатался на тонкой бумаге, небольшого, так называемого «альбомного» формата, чтобы его можно было легко переправлять тайным образом в Россию.

Первый номер «Колокола» вышел 1 июля 1857 года. Программа газеты:

Освобождение слова от цензуры!

Освобождение крестьян от помещиков!

Освобождение податного сословия от побоев!

Десять лет звучал «Колокол» Герцена и Огарева над просторами России. Газета проникала в самые глухие углы империи, ее читал сам государь, и царские чиновники, которых безжалостно обличал «Колокол», тряслись при мысли, что могут попасть на его страницы. В газете печатались секретные материалы царского следствия над революционерами, тайные донесения царю.

Заговорила Россия...

Последние годы Герцен ведет скитальческую жизнь. Множество названий европейских городов — и больших, и маленьких — упоминаются в его письмах и в названиях последних глав книги «Былое и думы». Тяжелая болезнь (диабет) делала свое разрушительное дело. Герцен заметно похудел, постарел, цвет лица принял болезненный желтый оттенок. Лечил его знаменитый доктор Боткин, он находил положение очень серьезным, однако говорил: «Еще поживем-с!» Ум Герцена сохранял былую ясность, наблюдательность, в разговоре он был по-прежнему темпераментен, остроумен, очаровывая всех, кто имел счастье встречаться с ним.

О смерти он думает без страха: «Я все принимаю как фатум — и желал бы спокойно провести немного времени, записать еще кое-что людям на память и потухнуть без особой боли» (Огареву. 31. VII. 1869 г.).

Его мысль обращена не к смерти, а к жизни: человечество и пути его развития занимают Герцена больше, чем личность, смысл личного существования он видит в слиянии с общим движением человечества, в которое он стремится вглядеться как можно глубже. Он пытается предостеречь людей от возможных ошибок, излагая свои мысли в письмах «К старому товарищу», о которых В. И. Ленин сказал, что они являются доказательством того, что в идейной эволюции Герцена скептицизм был «формой перехода от иллюзий «надклассового» буржуазного демократизма к суровой, непреклонной, непобедимой классовой борьбе пролетариата».

«Я не только жалею людей, но жалею и вещи и **иные вещи** больше **иных людей...** Разгулявшаяся сила истребления уничтожит вместе с межевыми знаками и те **пределы** сил человеческих, до которых люди достигали во всех направлениях... с начала цивилизации. Довольно христианство и исламизм наломали древнего мира. Довольно Французская революция наказнила статуй, картин, памятников,— нам не приходится играть в иконоборцев. Я это так живо чувствовал, стоя с тупою грустью и чуть не со стыдом... перед какимнибудь кустодом, указывающим на пустую стену, на разбитое изваяние, на выброшенный гроб, повторяя: «Все это истреблено во время революции...»

В. И. Ленин точно понял в этих словах Герцена не призыв к компромиссам и постепеновщине, упреки в которых так и сыпались на него, не вульгарное откладывание надлежащего решения в долгий ящик, а сознание моральной ответственности за свое слово и дело, не допускающее сколько-нибудь легкого отношения к человеческой жизни, крови, культуре, созданной им.

Полутора лет не дожил Герцен до Парижской коммуны. Видевшие его в эту последнюю осень в Париже единодушно свидетельствуют о том, что он был необычайно оживлен, энергичен. Он появляется на уличных демонстрациях, посещает публичные лекции и сходки. За неделю до смерти Герцен пишет Огареву: «14 января 1870 года. Пятница. Что будет — не знаю, я не пророк, но что история совершает свой **акт** здесь — и будет ли решение по + или по —, но оно будет здесь, это ясно до очевидности».

В Париже, взволнованном убийством журналиста Нуара, совершенным принцем Пьером Бонапартом, проходили бурные митинги протеста. Присутствуя на одном из них, Герцен простудился, началось воспаление легких. Развязка наступила стремительно — 21 января 1870 года Александра Ивановича Герцена не стало.

По настоянию близких (таково было желание самого Герцена) речей над гробом не произносилось. Лишь Вырубов выступил с коротким словом.

Через некоторое время прах Герцена был перевезен в Ниццу и похоронен рядом с Натальей Александровной и детьми. Могила Герцена вдали от родины на долгие годы стала для русских людей тем же, чем была в свое время для людей Запада одинокая могила Жан-Жака Руссо на острове Ив, которую юный Шиллер назвал монументом вечного позора гонителям свободной мысли.

17 января 1920 года, в холодной и голодной Москве, пережившей разруху и гражданскую войну, под председательством Владимира Ильича Ленина состоялось заседание Совнаркома и было принято постановление:

«21 января настоящего года исполняется 50-летие со дня смерти великого русского писателя-социалиста Александра Ивановича Герцена. В ознаменование этого события Совет Народных Комиссаров постановляет:

1. Поставить в Москве памятник Герцену перед старым зданием Московского университета...»

Свободная Россия благодарно склоняла голову перед памятью своего великого сына!

«Я побывал в Абиссинии три раза, и в общей сложности я провел в этой стране почти два года. Я прожил три месяца в Хараре, где я бывал у раса (дэджача) Тафари, некогда губернатора этого города. Я жил также четыре месяца в столице Абиссинии, Аддис-Абебе, где познакомился со многими министрами и вождями и был представлен ко двору бывшего императора российским поверенным в делах в Абиссинии. Свое последнее путешествие я совершил в качестве руководителя экспедиции, посланной Российской Академией наук»,— писал в «Записях об Абиссинии» Николай Степанович Гумилев. Судьба дневника Гумилева, в котором он описал свое третье путешествие в Африку, загадочна и интересна. Этнографические коллекции, привезенные Гумилевым в Россию в 1913 году, давно и подробно описаны, известны и письма его из путешествия, в государственных архивах и частных собраниях хранится немало материалов, связанных с африканскими приключениями, опубликованы стихи и рассказ «Африканская охота». Что же касается дневника, то он, казалось, исчез бесследно в бурях войн и революций.

Но недавно известный советский ученый-историк Лев Николаевич Гумилев сообщил нам, что «Африканский дневник» его отца хранится у О. Н. Высотского, младшего сына поэта. По просьбе редакции Орест Николаевич передал дневник для публикации «Огоньку».

«Африканский дневник» Гумилева находился ранее у его матери в усадьбе Слепнево, при переезде семьи в город Бежецк, как предполагает О. Н. Высотский, часть листов была потеряна. Сохранилась тетрадь объемом в 28 страниц, исписанная очень мелким почерком. Это, видимо, первая часть большой рукописи, посвященная путешествию по Абиссинии (так тогда именовалась Эфиопия), своеобразный «Абиссинский дневник». Возможно, будет найдена и другая часть дневника, которая несколько десятилетий назад была в поле зрения исследователей и о которой упоминает Анна Андреевна Ахматова. К современному владельцу дневник попал в 1951 году от сводной сестры Н. С. Гумилева А. С. Сверчковой. В дневнике есть эпизод «Ловля акулы», опубликованный самим Гумилевым в журнале «Нива» и вошедший в рассказ «Африканская охота». Об этом фрагменте Гумилев писал Ахматовой из Джибути: «Мой дневник идет успешно, и я пишу его так, чтобы прямо можно было печатать. В Джидде с парохода поймали акулу: это было действительно зрелище. Оно заняло две страницы дневника». Так как в сохранившейся тетради есть именно эти две страницы, мы можем с уверенностью утверждать, что публикуем часть того самого «Африканского дневника» Гумилева, который он не успел напечатать, вернувшись из экспедиции 1913 года.

Свое путешествие в Абиссинию Гумилев описал в одном из лучших стихотворений — «Пятистопные ямбы», вошедшем в сборник «Колчан»:

> Я помню ночь, как черную наяду,
> В морях под знаком Южного Креста.
> Я плыл на юг; могучих волн громаду
> Взрывали мощно лопасти винта,
> И встречные суда, очей отраду,
> Брала почти мгновенно темнота.
> . . . .
>
> Но проходили месяцы, обратно
> Я плыл и увозил клыки слонов,
> Картины абиссинских мастеров,
> Меха пантер — мне нравились их пятна —
> И то, что прежде было непонятно,
> Презренье к миру и усталость снов.

Можно только восхищаться любовью русского поэта, путешественника к великому континенту, его людям и культуре. Он трижды приходил в Африку как настоящий друг, исследователь-этнограф, а не как конквистадор-завоеватель. До сих пор, как недавно рассказала газета «Московские новости», в Эфиопии сохраняется добрая память о Н. Гумилеве. Африканские стихи Гумилева, вошедшие в подготовленный им сборник «Шатер», и сухая точная проза дневника — дань его любви Африке. На первом издании сборника стихотворений «Шатер» было авторское посвящение: «Памяти моего товарища в африканских странствиях Николая Леонидовича Сверчкова».

Н. Л. Сверчков, племянник Гумилева, после возвращения подготовил свои путевые дневники для публикации в издательстве З. Гржебина. Но во время революции рукопись исчезла.

В архиве О. Н. Высотского сохранилась уникальная запись сестры Н. Гумилева А. С. Сверчковой об экспедиции, основанная на рассказах Н. Сверчкова: «Это путешествие оба они описали в своих дневниках, которые, к сожалению, сохранились не полностью. Особенно жаль трудов Коли Маленького (так в семье звали Н. Л. Сверчкова.— В. Е.), который, будучи смертельно больным, все-таки описал очень подробно все приключения, случавшиеся с ними в стране Галла. Эту рукопись купил у него издатель, но во время революции и издатель, и рукопись с многочисленными снимками пропали.

Н. С. (Гумилев.— В. Е.) и в дикой Африке никогда не терял присутствия духа. Так, рассказывал Коля Маленький, понадобилось им найти человека — проводника, знающего французский язык. Отцы-иезуиты прислали несколько молодых людей, но никто из них не пожелал идти в неизведанные места к дикарям. Нашелся один — Фасика, который даже знал несколько слов по-русски. Но вот беда: его не пускала тетка, и в то время, когда надо было выступать каравану, прислала людей, чтобы его увести. Начался спор, Фасику тянули вправо, тянули влево, и неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы вдруг не появился какой-то абиссинец, размахивавший палочкой над головой. Н. С., долго не думая, вырвал у него из рук палочку и замахнулся на него. „Что вы, что вы,— закричал Фасика,— ведь это же судья!"Все кончилось вполне благополучно, судья, рассмотрев бумаги, разрешил взять переводчика и даже подарил Н. С. свою палочку, знак своего могущества, после чего все отправились к тетке Фасики, где засиделись до заката солнца. Как везде в тропических странах, сразу же спустилась страшная темнота. Возвращались в лагерь при свете факелов, и Коля М. вдруг обнаружил, что Н. С. где-то отстал. Как найти его в непроницаемой тьме среди зарослей, когда кругом слышно рычание зверей и хохот гиен? Оказалось, что он устал, сел отдохнуть и нечаянно заснул.

В другой раз подошли к реке Уэби. Вместо моста была устроена переправа таким образом: на одном берегу и на противоположном были 2 дерева, между ними был протянут канат, на котором висела корзина. В нее могли поместиться 3 человека и, перебирая канат руками, двигать корзину к берегу. Н. С. очень понравилось такое оригинальное устройство. Заметив, что деревья подгнили или корни расшатались, он начал раскачивать корзину, рискуя ежеминутно упасть в реку, кишащую крокодилами. Действительно, едва они вылезли из корзины, как одно дерево упало и канат оборвался.

В пути караван Н. С. встретился с двумя абиссинцами, которые шли к Гусейну, чтобы он помог им отыскать пропавшего мула. Н.С. заинтересовался и повел караван к жилищу пророка. По дороге туземцы рассказали ему много чудесного: как святой превратил неприятельское войско в камни, как гора перешла вслед за святым со старого места на новое и т. д. Гусейн принял европейцев с почетом, остался доволен поднесенными подарками, позволил им все осмотреть, но приказал зорко следить, чтобы они ничего не взяли, ни одного камушка, ни одной тряпочки. Для испытания греховности человека служили два больших камня, между которыми был узкий проход. Надо было раздеться догола и пролезть между камнями. Если кто застревал, он умирал в страшных мучениях, и никто не смел протянуть ему руки, никто не смел подать ему кусок хлеба или чашку воды. В этом месте валялось немало черепов и костей. Как ни отговаривал дядю Коля Маленький, он все-таки рискнул сделать опыт — пролезть между камнями. Коля Маленький говорил, что он боялся за дядю, как никогда в жизни. Это уже не смелость, а какое-то безрассудство! Все кончилось благополучно, и Коля Маленький поспешил увести караван подальше, пока дядюшка не выдумает еще какой-нибудь опыт».

В будущем издании сочинений Н. С. Гумилева, несомненно, займут свое место и его проза, и «Африканский дневник», печатающийся в «Огоньке» впервые.

В. ЕНИШЕРЛОВ

АФРИКАНСКИЙ ДНЕВНИК

Николай ГУМИЛЕВ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Однажды в декабре 1912 г. я находился в одном из тех прелестных, заставленных книгами уголков Петербургского университета, где студенты, магистранты, а иногда и профессора пьют чай, слегка подтрунивая над специальностью друг друга. Я ждал известного египтолога, которому принес в подарок вывезенный мной из предыдущей поездки абиссинский складень: деву Марию с младенцем на одной половине и святого с отрубленной ногой на другой. В этом маленьком собраньи мой складень имел посредственный успех: классик говорил о его антихудожественности, исследователь Ренессанса о европейском влияньи, обесценивающем его, этнограф о преимуществе искусства сибирских инородцев. Гораздо больше интересовались моим путешествием, задавая обычные в таких случаях вопросы: много ли там львов, очень ли опасны гиены, как поступают путешественники в случае нападения абиссинцев. И как я ни уверял, что львов надо искать неделями, что гиены трусливее зайцев, что абиссинцы страшные законники и никогда ни на кого не нападают, я видел, что мне почти не верят. Разрушать легенды оказалось труднее, чем их создавать.

В конце разговора профессор Ж. спросил, был ли уже с рассказом о моем путешествии в Академии наук. Я сразу представил себе это громадное белое здание с внутренними дворами, лестницами, переулками, целую крепость, охраняющую официальную науку от внешнего мира; служителей с галунами, допытывающихся, кого именно я хочу видеть; и, наконец, холодное лицо дежурного секретаря, объявляющего мне, что Академия не интересуется частными работами, что у Академии есть свои исследователи, и тому подобные обескураживающие фразы. Кроме того, как литератор я привык смотреть на академиков, как на своих исконных врагов. Часть этих соображений, конечно, в смягченной форме я и высказал профессору Ж. Однако не прошло и получаса, как с рекомендательным письмом в руках я оказался на витой каменной лестнице перед дверью в приемную одного из вершителей академических судеб.

С тех пор прошло пять месяцев. За это время я много бывал и на внутренних лестницах, и в просторных, заставленных еще не разобранными коллекциями кабинетах, на чердаках и в подвалах музеев этого большого белого здания над Невой. Я встречал ученых, точно только что соскочивших со страниц романа Жюль Верна, и таких, что с восторженным блеском глаз говорят о тлях и кокцидах, и таких, чья мечта добыть шкуру красной дикой собаки, водящейся в центральной Африке, и таких, что, подобно Бодлеру, готовы поверить в подлинную божественность маленьких идолов из дерева и слоновой кости. И почти везде прием, оказанный мне, поражал своей простотой и сердечностью. Принцы официальной науки оказались, как настоящие принцы, доброжелательными и благосклонными.

У меня есть мечта, живучая при всей трудности ее выполнения. Пройти с юга на север Данакильскую пустыню, лежащую между Абиссинией и Красным морем, исследовать нижнее течение реки Гаваша, узнать рассеянные там неизвестные загадочные племена. Номинально они находятся под властью абиссинского правительства, фактически свободны. И так как все они принадлежат к одному племени данакилей, довольно способному, хотя очень свирепому, их можно объединить и, найдя выход к морю, цивилизовать или, по крайней мере, арабизировать. В семье народов прибавится еще один сочлен. А выход к морю есть. Это — Рагейта, маленький независимый султанат, к северу от Обока. Один русский искатель приключений — в России их не меньше, чем где бы то ни было — совсем было приобрел его для русского правительства. Но наше министерство иностранных дел ему отказало.

Этот мой маршрут не был принят Академией. Он стоил слишком дорого. Я примирился с отказом и представил другой маршрут, принятый после некоторых обсуждений Музеем антропологии и этнографии при императорской Академии наук.

Я должен был отправиться в порт Джибути в Баб-эль-Мандебском проливе, оттуда по железной дороге к Харару, потом, составив караван, на юг в область, лежащую между Сомалийским полуостровом и озерами Рудольфа, Маргариты, Звай; захватить возможно больший район исследования; делать снимки, собирать этнографические коллекции, записывать песни и легенды. Кроме того, мне предоставлялось право собирать зоологические коллекции. Я просил о разрешении взять с собой помощника, и мой выбор остановился на моем родственнике Н. Л. Сверчкове, молодом человеке, любящем охоту и естественные науки. Он отличался настолько покладистым характером, что уже из-за одного желания сохранить мир пошел бы на всевозможные лишения и опасности.

Приготовления к путешествию заняли месяц упорного труда. Надо было достать палатку, ружья, седла, вьюки, удостоверения, рекомендательные письма и пр. и пр.

Я так измучился, что накануне отъезда весь день лежал в жару. Право, приготовления к путешествию труднее самого путешествия.

7-го апреля мы выехали из Петербурга, 9-го утром были в Одессе.

Странное впечатление производит на северянина Одесса. Словно какой-нибудь заграничный город, русифицированный усердным администратором. Огромные кафе, наполненные подозрительно-изящными коммивояжерами. Вечернее гуляние по Дерибасовской, напоминающей в это время парижский бульвар Сен-Мишель. И говор, специфически-одесский говор, с измененными ударениями, с неверным употребленьем падежей, с какими-то новыми и противными словечками. Кажется, что в этом говоре яснее всего сказывается психология Одессы, ее детски-наивная вера во всемогущество хитрости, ее экстатическая жажда успеха. В типографии, где я печатал визитные карточки, мне попался на глаза свежий номер печатающейся там же вечерней одесской газеты. Развернув его, я увидел стихотворение Сергея Городецкого с измененной лишь одной строкой и напечатанное без подписи. Заведующий типографией сказал мне, что это стихотворение принесено одним начинающим поэтом и выдано им за свое.

Несомненно, в Одессе много безукоризненно-порядочных, даже в северном смысле слова, людей. Но не они задают общий тон. На разлагающемся трупе Востока завелись маленькие юркие червячки, за которыми будущее. Их имена — Порт-Саид, Смирна, Одесса.

10-го апреля на пароходе Добровольного флота «Тамбов» мы вышли в море. Какие-нибудь две недели тому назад бушующее и опасное Черное море было спокойно, как какое-нибудь озеро. Волны мягко раздавались под напором парохода, где рылся, пульсируя, как сердце работающего человека, невидимый винт. Не было видно пены, и только убегала бледно-зеленая малахитовая полоса потревоженной воды. Дельфины дружными стаями мчались за пароходом, то обгоняя его, то отставая, и по временам, как бы в безудержном припадке веселья, подскакивали, показывая лоснящиеся мокрые спины. Наступила ночь, первая на море, священная. Горели давно не виденные звезды, вода бурлила слышнее. Неужели есть люди, которые никогда не видели моря?

12-го утром — Константинополь. Опять эта никогда не приедающаяся, хотя откровенно-декоративная красота Босфора, заливы, лодки с белыми латинскими парусами, с которых веселые турки скалят зубы, дома, лепящиеся по прибрежным склонам, окруженные кипарисами и цветущей сиренью, зубцы и башни старинных крепостей, и солнце, особенное солнце Константинополя, светлое и не жгучее.

Мы прошли мимо эскадры европейских держав, введенной в Босфор на случай беспорядков. Неподвижная и серая, она тупо угрожала шумному и красочному городу. Было восемь часов, время играть национальные гимны. Мы слышали, как спокойно-гордо прозвучал английский, набожно — русский, а испанский так празднично и блестяще, как будто вся эта нация состояла из двадцатилетних юношей и девушек, собравшихся потанцевать.

Как только бросили якорь, мы сели в турецкую лодчонку и отправились на берег, не пренебрегая обычным в Босфоре удовольствием попасть в волну, оставляемую проходящим пароходом, и бешено покачаться в течение нескольких секунд. В Галате, греческой части города, куда мы пристали, царило обычное оживление. Но как только мы перешли широкий деревянный мост, переброшенный через Золотой Рог, и очутились в Стамбуле, нас поразила необычная тишина и запустение. Многие магазины были заперты, кафе пусты, на улицах встречались почти исключительно старики и дети. Мужчины были на Четалдже. Только что пришло известие о падении Скутари. Турция приняла его с тем же спокойствием, с каким затравленный и израненный зверь принимает новый удар.

По узким и пыльным улицам среди молчаливых домов, в каждом из которых подозреваешь фонтаны, розы и красивых женщин как в «Тысяче и одной ночи», мы прошли в Айя-Софию. На окружающем ее тенистом дворе играли полуголые дети, несколько дервишей, сидя у стены, были погружены в созерцание.

Против обыкновения не было видно ни одного европейца.

Мы откинули повешенную в дверях циновку и вошли в прохладный, полутемный коридор, окружающий храм. Мрачный сторож надел на нас кожаные туфли, чтобы наши ноги не осквернили святыни этого места. Еще одна дверь, и перед нами сердце Византии. Ни колонн, ни лестниц или ниш, этой легко доступной радости готических храмов, только пространство и его стройность. Чудится, что архитектор задался целью вылепить воздух. Сорок окон под куполом кажутся серебряными от проникающего через них света. Узкие простенки поддерживают купол, давая впечатление, что он легок необыкновенно. Мягкие ковры заглушают шаг. На стенах еще видны тени замазанных турками ангелов. Какой-то маленький седой турок в зеленой чалме долго и упорно бродил вокруг нас. Должно быть, он следил, чтобы с нас не соскочили туфли. Он показал нам зарубку на стене, сделанную мечом султана Магомета; след от его же руки омочен в крови; стену, куда, по преданию, вошел патриарх со святыми дарами при появлении турок. От его объяснений стало скучно, и мы вышли. Заплатили за туфли, заплатили непрошеному гиду, и я настоял, чтобы отправиться на пароход.

Я не турист. К чему мне после Айя-Софии гудящий базар с его шелковыми и бисерными искушениями, кокетливые пери, даже несравненные кипарисы кладбища Сулемания. Я еду в Африку и прочел «Отче наш» в священнейшем из храмов. Несколько лет тому назад, тоже на пути в Абиссинию, я бросил луидор в расщелину храма Афины Паллады в Акрополе и верил, что богиня незримо будет мне сопутствовать. Теперь я стал старше.

В Константинополе к нам присоединился еще пассажир, турецкий консул, только что назначенный в Харар. Мы подолгу с ним беседовали о турецкой литературе, об абиссинских обычаях, но чаще всего о внешней политике. Он был очень неопытный дипломат и большой мечтатель. Мы с ним уговорились предложить турецкому правительству послать инструкторов на Сомалийский полуостров, чтобы устроить иррегулярное войско из тамошних мусульман. Оно могло бы служить для усмирения вечно бунтующих арабов Йемена, тем более что турки почти не переносят аравийской жары.

Два, три других плана в том же роде, и мы в Порт-Саиде. Там нас ждало разочарование. Оказалось, что в Константинополе была холера, и нам запрещено было иметь сношение с городом. Арабы привезли нам провизии, которую передали, не поднимаясь на борт, и мы вошли в Суэцкий канал.

Не всякий может полюбить Суэцкий канал, но тот, кто полюбит его, полюбит надолго. Эта узкая полоска неподвижной воды имеет совсем особенную грустную прелесть.

На африканском берегу, где разбросаны домики европейцев, заросли искривленных мимоз с подозрительно темной, словно после пожара, зеленью, низкорослые толстые банановые пальмы; на азиатском берегу волны песка пепельно-рыжего, раскаленного. Медленно проходит цепь верблюдов, позванивая колокольчиками. Изредка показывается какой-нибудь зверь, собака, может быть, гиена или шакал, смотрит с сомненьем и убегает. Большие белые птицы кружат над водой или садятся отдыхать на камни. Кое-где полуголые арабы, дервиши или так бедняки, которым не нашлось места в городах, сидят у самой воды и смотрят в нее, не отрываясь, будто колдуя. Впереди и позади нас движутся другие пароходы. Ночью, когда загораются прожекторы, это имеет вид похоронной процессии. Часто приходится останавливаться, чтобы пропустить встречное судно, проходящее медленно и молчаливо, словно озабоченный человек. Эти тихие часы на Суэцком канале усмиряют и убаюкивают душу, чтобы потом ее застала врасплох буйная прелесть Красного моря.

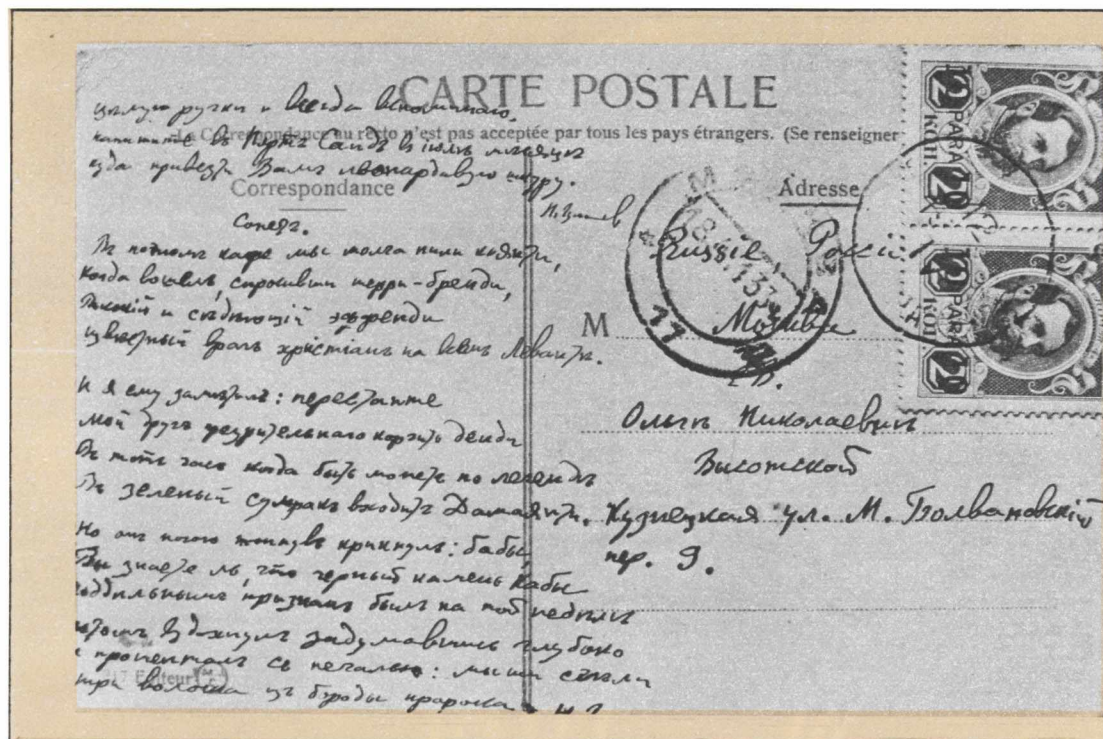
Самое жаркое из всех морей, оно представляет картину грозную и прекрасную. Вода как зеркало отражает почти отвесные лучи солнца, точно сверху и снизу расплавленное серебро. Рябит в глазах, и кружится голова. Здесь часты миражи, и я видел у берега несколько обманутых ими и разбившихся кораблей. Острова, крутые голые утесы, разбросанные там и сям, похожи на еще неведомых африканских чудовищ. Особенно один совсем лев, приготовившийся к прыжку, кажется, что видишь гриву и вытянутую морду. Эти острова необитаемы из-за отсутствия источников для питья. Подойдя к борту, можно видеть и воду, бледно-синюю, как глаза убийцы. Оттуда временами выскакивают, пугая неожиданностью, странные летучие рыбы. Ночь еще более чудесна и зловеща. Южный Крест как-то боком висит на небе, которое, словно пораженное дивной болезнью, покрыто золотистой сыпью других бесчисленных звезд. На западе вспыхивают зарницы: это далеко в Африке тропические грозы сжигают леса и уничтожают целые деревни. В пене, оставляемой пароходом, мелькают беловатые искры — это морское свеченье. Дневная жара спала, но в воздухе осталась неприятная сырая духота. Можно выйти на палубу и забыться беспокойным, полным причудливых кошмаров сном.

Мы бросили якорь перед Джиддой, куда нас не пустили, так как там была чума. Я не знаю ничего красивее ярко-зеленых мелей Джидды, окаймляемых чуть розовой пеной. Не в честь ли их и хаджи, мусульмане, бывавшие в Мекке, носят зеленые чалмы.

Пока агент компании приготовлял разные бумаги, старший помощник капитана решил заняться ловлей акулы. Громадный крюк с десятью фунтами гнилого мяса, привязанный к крепкому канату, служил удочкой, поплавок изображало бревно. Три с лишком часа длилось напряженное ожиданье.

То акул совсем не было видно, то они проплы-

Употребление в тексте современной транскрипции собственных имен и географических названий специально не оговаривается.

CARTE POSTALE
La Correspondance au recto n'est pas acceptée par tous les pays étrangers. (Se renseigner
Correspondance
Adresse
Сонет.
M
Ольге Николаевне
Высотской

Открытка, посланная Н. Гумилевым О. Н. Высотской из Порт-Саида, с сонетом Гумилева.

Н. Л. Сверчков, спутник Н. Гумилева в экспедиции.

вали так далеко, что их лоцманы не могли заметить приманки.

Акула крайне близорука, и ее всегда сопровождают две хорошенькие небольшие рыбки, которые и наводят ее на добычу. Наконец в воде появилась темная тень сажени в полторы длиною, и поплавок, завертевшись несколько раз, нырнул в воду. Мы дернули за веревку, но вытащили лишь крючок. Акула только кусала приманку, но не проглотила ее. Теперь, видимо, огорченная исчезновеньем аппетитно-пахнущего мяса, она плавала кругами почти на поверхности и всплескивала хвостом по воде. Сконфуженные лоцманы носились туда и сюда. Мы поспешили забросить крючок обратно. Акула бросилась к нему, уже не стесняясь. Канат сразу натянулся, угрожая лопнуть, потом ослаб, и над водой показалась круглая лоснящаяся голова с маленькими злыми глазами. Десять матросов с усильями тащили канат. Акула бешено вертелась, и слышно было, как она ударяла хвостом о борт корабля. Помощник капитана, перегнувшись через борт, разом выпустил в нее пять пуль из револьвера. Она вздрогнула и немного стихла. Пять черных дыр показались на ее голове и беловатых губах. Еще усилье, и ее подтянули к самому борту. Кто-то тронул ее за голову, и она щелкнула зубами. Видно было, что она еще совсем свежа и собирается с силами для решительной битвы. Тогда, привязав нож к длинной палке, помощник капитана сильным и ловким ударом вонзил его ей в грудь и, натужившись, довел разрез до хвоста. Полилась вода, смешанная с кровью, розовая селезенка аршина в два величиною, губчатая печень и кишки вывалились и закачались в воде, как странной формы медузы. Акула сразу сделалась легче, и ее без труда вытащили на палубу. Корабельный кок, вооружившись топором, стал рубить ей голову. Кто-то вытащил сердце и бросил его на пол. Оно пульсировало, двигаясь то туда, то сюда лягушечьими прыжками. В воздухе стоял запах крови.

А в воде у самого борта суетился осиротелый лоцман. Его товарищ исчез, очевидно, мечтая скрыть где-нибудь в отдаленных бухтах позор невольного предательства. А этот верный до конца подскакивал из воды, как бы желая взглянуть, что там делают с его госпожой, кружился вокруг плавающих внутренностей, к которым уже приближались другие акулы с весьма недвусмысленными намерениями, и всячески высказывал свое безутешное отчаянье.

Акуле отрубили челюсти, чтобы выварить зубы, остальное бросили в море. Закат в этот вечер над зелеными мелями Джидды был широкий и яркожелтый с алым пятном солнца посредине. Потом он стал нежно-пепельным, потом зеленоватым, точно море отразилось в небе. Мы подняли якорь и пошли прямо на Южный Крест. Вечером мне принесли доставшиеся на мою долю три белых и зубчатых зуба акулы. Через четыре дня, миновав неприветливый Баб-эль-Мандеб, мы остановились у Джибути.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Джибути лежит на африканском берегу Аденского залива к югу от Обока, на краю Таджуракской бухты. На большинстве географических карт обозначен только Обок, но он потерял теперь всякое значенье, в нем живет лишь один упрямый европеец, и моряки не без основанья говорят, что его «съела» Джибути. За Джибути — будущее. Ее торговля все возрастает, число живущих в ней европейцев тоже. Года четыре тому назад, когда я приехал в нее впервые, их было триста, теперь их четыреста. Но окончательно она созреет, когда будет достроена железная дорога, соединяющая ее со столицей Абиссинии Аддис-Абебой. Тогда она победит даже Массову, потому что на юге Абиссинии гораздо больше обычных здесь предметов вывоза; воловьих шкур, кофе, золота и слоновой кости. Жаль только, что ею владеют французы, которые обыкновенно очень небрежно относятся к своим колониям и думают, что исполнили свой долг, если послали туда несколько чиновников, совершенно чуждых стране и не любящих ее. Железная дорога даже не субсидирована.

Мы съехали с парохода на берег в моторной лодке. Это нововведение. Прежде для этого служили весельные ялики, на которых гребли голые сомалийцы, ссорясь, дурачась и по временам прыгая в воду, как лягушки. На плоском берегу белели разбросанные там и сям дома. На скале возвышался губернаторский дворец посреди сада кокосовых и банановых пальм. Мы оставили вещи в таможне и пешком дошли до отеля. Там мы узнали, что поезд, с которым мы должны были отправиться в глубь страны, отходит по вторникам и субботам. Нам предстояло пробыть в Джибути три дня.

Я не очень огорчился подобной проволочке, так как люблю этот городок, его мирную и ясную жизнь. От двенадцати до четырех часов пополудни улицы кажутся вымершими; все двери закрыты, изредка, как сонная муха, проплетется какой-нибудь сомалиец. В эти часы принято спать так же, как у нас ночью. Но затем неведомо откуда появляются экипажи, даже автомобили, управляемые арабами в пестрых чалмах, белые шлемы европейцев, даже светлые костюмы спешащих с визитами дам. Террасы обоих кафе полны народом. Между стволов ходит карлик, двадцатилетний араб, аршин ростом, с детским личиком и с громадной приплюснутой головой. Он ничего не просит, но если ему дают кусок сахару или мелкую монету, он благодарит серьезно и вежливо, с совсем особенной, выработанной тысячелетьями восточной грацией. Потом все идут на прогулку. Улицы полны мягким предвечерним сумраком, в котором четко вырисовываются дома, построенные в арабском стиле, с плоскими крышами и зубцами, с круглыми бойницами и дверьми в форме замочных скважин, с террасами, аркадами и прочими затеями — все в ослепительно-белой извести. В один из подобных вечеров мы совершили очаровательную поездку в загородный сад в обществе m-ге Галеба, греческого коммерсанта и русского вице-консула, его жены и Мозар-бея, турецкого консула, о котором я говорил выше. Там узкие тропки между платанами и банановыми широколистными пальмами, жужжанье больших жуков и полный ароматами теплый, как в оранжерее, воздух. На дне глубоких каменных колодцев чуть блестит вода. То там, то сям виден привязанный мул или кроткий горбатый зебу. Когда мы выходили, старик араб принес нам букет цветов и гранат, увы, неспелых.

Быстро прошли эти три дня в Джибути. Вечером прогулки, днем валянье на берегу моря с тщетными попытками поймать хоть одного краба, они бегают удивительно быстро, боком, и при малейшей тревоге забиваются в норы, утром работа. По утрам ко мне в гостиницу приходили сомалийцы племени Исса, и я записывал их песни. От них же я узнал, что это племя имеет своего короля... Гуссейна, который живет в деревне Хараура, в трехстах километрах к юго-западу от Джибути; что оно находится в постоянной вражде с живущими на север от них данакилями и, увы, всегда побеждаемо последними; что Джибути (по-сомалийски Хамаду) построено на месте ненаселенного прежде оазиса и что в нескольких днях пути от него есть еще люди, поклоняющиеся черным камням; большинство все же правоверные мусульмане. Европейцы, хорошо знающие страну, рассказали мне еще, что это племя считается одним из самых свирепых и лукавых во всей восточной Африке. Они нападают обыкновенно ночью и вырезают всех без исключенья. Проводникам из этого племени довериться нельзя.

Сомалийцы обнаруживают известный вкус в выборе орнаментов для своих щитов и кувшинов, в выделке ожерелий и браслетов, они даже являются творцами моды среди окружающих племен, но в поэтическом вдохновении им отказано. Их песни, нескладные по замыслу, бедные образами, ничто по сравнению с величавой простотой абиссинских песен и нежным лиризмом галласских. Я приведу для примера одну, любовную, текст которой в русской транскрипции приведен в приложении.

ПЕСНЯ

«Беррига, где живет племя Исса, Гурти, где живет племя Гургура, Харар, который выше земли данакилей, люди Гальбет, которые не покидают своей родины, низкорослые люди, страна, где царит Исаак, страна по ту сторону реки Селлель, где царит Самаррон, страна, где вождю Дароту Галласы носят воду из колодцев с той стороны реки Уэба,— весь мир я обошел, но прекраснее всего этого, Мариан Магана, будь благословенна, Рераудаль, где ты скромнее, красивее и приятнее цветом кожи, чем все арабские женщины».

Правда, все первобытные народы любят в поэзии перечисленье знакомых названий, вспомним хотя бы гомеровский перечень кораблей, но у сомалийцев эти перечисления холодны и не разнообразны.

Три дня прошли. На четвертый, когда было еще темно, слуга-араб со свечой обошел комнаты отеля, будя уезжающих в Дире-Дауа. Еще сонные, но довольные утренним холодком, таким приятным после слепящей жары полудней, мы отправились на вокзал. Наши вещи заранее свезли туда в ручной тележке. Проезд во втором классе, где обыкновенно ездят все европейцы, третий класс предназначен исключительно для туземцев, а в первом, который вдвое дороже и нисколько не лучше второго, обыкновенно ездят только члены

дипломатических миссий и немногие немецкие снобы, стоил 62 франка с человека, несколько дорого за десять часов пути, но таковы все колониальные железные дороги. Паровозы носят громкие, но далеко не оправдываемые названия: Слон, Буйвол, Сильный и т. д. Уже в нескольких километрах от Джибути, когда начался подъем, мы двигались с быстротой одного метра в минуту, и два негра шли впереди, посыпая песком мокрые от дождя рельсы.

Вид из окна был унылый, но не лишенный величественности. Пустыня коричневая и грубая, выветрившиеся, все в трещинах и провалах горы и, так как был сезон дождей, мутные потоки и целые озера грязной воды. Из куста выбегает дигдиг, маленькая абиссинская газель, пара шакалов, они всегда ходят парами, смотрят с любопытством. Сомалийцы и данакили с громадной всклокоченной шевелюрой стоят, опираясь на копья. Европейцами исследована лишь небольшая часть страны, именно та, по которой проходит железная дорога, что справа и слева от нее — тайна. На маленьких станциях голые черные ребятишки протягивали к нам ручонки и заунывно, как какую-нибудь песню, тянули самое популярное на всем Востоке слово: бакшиш (подарок).

В два часа дня мы прибыли на станцию Айша в 160 километрах от Джибути, то есть на половине дороги. Там буфетчик-грек приготовляет очень недурные завтраки для проезжающих. Этот грек оказался патриотом и нас, как русских, принял с распростертыми объятьями, отвел нам лучшие места, сам прислуживал, но, увы, из того же патриотизма отнесся крайне неласково к нашему другу турецкому консулу. Мне пришлось отвести его в сторону и сделать надлежащее внушение, что было очень трудно, так как он, кроме греческого, говорил только немного по-абиссински.

После завтрака нам было объявлено, что поезд дальше не пойдет, так как дождями размыло путь, и рельсы висят на воздухе. Кто-то вздумал сердиться, но разве это могло помочь. Остаток дня прошел в томительном ожидании, только грек не скрывал своей радости: у него не только завтракали, у него и обедали. Ночью всяк разместился, как мог. Мой спутник остался спать в вагоне, я неосторожно принял предложение кондукторов-французов лечь в их помещении, где была свободная кровать, и до полночи должен был выслушивать их казарменно-нелепую болтовню. Утром выяснилось, что путь не только не исправлен, но что надо по меньшей мере 8 дней, чтобы иметь возможность двинуться дальше, и что желающие могут вернуться в Джибути. Пожелали все, за исключением турецкого консула и нас двух. Мы остались, потому что на станции Айша жизнь стоила много дешевле, чем в городе. Турецкий консул, я думаю, только из чувства товарищества; кроме того, у нас троих была смутная надежда каким-нибудь образом добраться до Дире-Дауа раньше, чем в 8 дней. Днем мы пошли на прогулку; перешли невысокий холм, покрытый мелкими острыми камнями, навсегда погубившими нашу обувь, погнались за большой колючей ящерицей, которую, наконец, поймали, и незаметно отдалились километра на 3 от станции. Солнце клонилось к закату; мы уже повернули назад, как вдруг увидели двух станционных солдат-абиссинцев, которые бежали к нам, размахивая оружием. «Мындерну» (в чем дело?), спросил я, увидев их встревоженные лица. Они объяснили, что сомалийцы в этой местности очень опасны, бросают из засады копья в проходящих, частью из озорства, частью потому, что по их обычаю жениться может только убивший человека. Но на вооруженного они никогда не нападают. После мне подтвердили справедливость этих рассказов, и я сам видел в Дире-Дауа детей, которые подбрасывали на воздух браслет и пронзали его на лету ловко брошенным копьем. Мы вернулись на станцию, конвоируемые абиссинцами, подозрительно оглядывающими каждый куст, каждую кучу камней.

На другой день из Джибути прибыл поезд с инженерами и чернорабочими для починки пути. С ними же приехал и курьер, везущий почту для Абиссинии.

К этому времени уже выяснилось, что путь испорчен на протяжении восьмидесяти километров, но что можно попробовать проехать их на дрезине. После долгих препирательств с главным инженером мы достали две дрезины: одну для нас, другую для багажа. С нами поместились ашкеры (абиссинские солдаты), предназначенные нас охранять, и курьер. Пятнадцать рослых сомалийцев, ритмически выкрикивая «ейдехе, ейдехе» — род русской «дубинушки», не политической, а рабочей, — взялись за ручки дрезин, и мы отправились.

Публикация О. Н. ВЫСОТСКОГО.

Окончание следует.

В ТУ ЛЕТНЮЮ НОЧЬ ОН ЛЕТЕЛ ВО СНЕ — ОТТОЛКНУЛСЯ ТОЧНО, НЕ ЗАСТУПИВ, И ПОЛЕТЕЛ НАД ПРИГЛАЖЕННЫМ ПЕСКОМ В ПРЫЖКОВОЙ ЯМЕ И ОТМЕТКАМИ РЕКОРДОВ ДАЛЬШЕ И ВЫШЕ, НАД СТАДИОНОМ, НАД ОГРОМНЫМ ГОРОДОМ. ЕМУ И РАНЬШЕ СНИЛОСЬ, ЧТО ОН ЛЕТАЕТ, НО НИКОГДА ПОЛЕТ НЕ БЫЛ ТАКИМ ЛЕГКИМ, СВОБОДНЫМ. ПОТОМ МАМА СКАЗАЛА: «БУДЬ УМНИЦЕЙ, СЫНОК», — И ОН ПРОСНУЛСЯ.

ПОЛЕТ

Сергей МАРКОВ,
Александр НАГРАЛЬЯН (фото),
специальные корреспонденты
«Огонька»

Это был голос не мамин, а какой-то женщины то ли за дверью в коридоре, то ли под окнами на улице. Еще можно было подремать минут пятнадцать, Роберт закрыл глаза. Шевелились серо-голубые занавески на окнах, по стенам и потолку скользили солнечные зайчики, напомнившие почему-то один из давних детских дней рождения, когда каждая минута что-то значит, несет с собой новое, неведомое. Несколько дней уже Роберт жил в Москве, и не оставляло ощущение праздника. И вот теперь наступил главный для него день Игр доброй воли. А он лежит, стараясь обмануть себя, не думать о том, что ждет его вечером.

Прислушиваясь к утреннему московскому гулу, запаху лип, тополей, подстриженной травы, он вспоминает родной Ленинакан, детство, которое вроде бы кончилось только что, вчера. Но когда, где оно кончилось? Когда окончил школу и поступил в Ин-

●

Рекорд Европы.

●

Земляки-ленинаканцы
Роберт Эммиян
и семикратный чемпион мира
и Европы штангист
Юрий Варданян.

●

Улица, где живет Роберт.

ститут физкультуры? Или когда выполнил норму мастера спорта? Или, может быть, в Австралии, где был Кубок мира по легкой атлетике и где Роберт Эммиян выступал с очень болезненной травмой — незадолго до этого, соревнуясь с самим Карлом Льюисом в Японии, неудачно попав на толчковую планку, Роберт отбил пятку, и в Австралии пришлось преодолевать себя, собрав всю волю. Или на Спартакиаде народов СССР 1983 года, когда впервые выступал со взрослыми спортсменами и улетел за восемь метров, хотя не ожидал этого никто?

С той Спартакиады началась всесоюзная и всемирная слава Эммияна, рекордсмена Европы по прыжкам в длину.

Девять лет было Роберту, когда он пришел в секцию легкой атлетики. Мкртыч Карапетян, который и по сей день тренирует Роберта, рассказывал мне, что еще до этого обратил внимание на маленького худенького паренька, гонявшего по школьному двору мяч, беспрерывно во что-то игравшего, самого резвого. Начал Роберт с десятиборья — бегал на 100, 110, 400 и 1500 метров, толкал ядро, прыгал в длину, в высоту, с шестом... И через три года на Спартакиаде школьников Армении занял первое место. А в том, что выбрал именно прыжки, сыграл роль Виктор Санеев, который вместе с Валерием Борзовым, Людмилой Кондратьевой и другими выдающимися мастерами приехал в Артек, где Роберт великолепно выиграл тогда Старты надежд. Санеев рассказывал в Артеке о тяжелейшем труде, постоянном преодолении, воспитании воли, обо всем том, без чего немыслима победа, но рассказывал Санеев и о чувстве полета, ни с чем не сравнимом...

Вернулся в Ленинакан Роберт, уже зная, что главное в спорте для него отныне прыжки. Начал тренироваться, ясно видя перед собой цель, вершину. И тут едва не пришлось насовсем проститься со спортом... С тех пор минуло много лет, и Роберт позволил мне написать о том, что скрывал от мамы до сих пор: врачи тогда, после усиленных тренировок, сказали, что стопы его практически мертвы, во всяком случае, не годятся уже для спорта, тем более для прыжков. Дело в том, что бегал и прыгал Роберт на асфальте. Когда-то дорожка ленинаканского стадиона считалась лучшей в стране, легкоатлеты сборной готовились там к Олимпиаде в Мексике. Но прошла Олимпиада, прошло несколько лет, и стадион, единственный в Ленинакане, пришел в плачевное, в угрожающее состояние, в котором пребывает и по сей день, несмотря на то, что город прославился такими громкими в спортивном мире именами, как чемпионы мира, Европы, страны Левон Жулфалакян, Миша Манукян, Оганес Степанян, Юрик Варданян, наконец... «Где все ваши чемпионы тренируются?» — поинтересовалось как-то приехавшее в Ленинакан высокое начальство. Им показали. Они, естественно, не поверили. Уехали чуть ли не с обидой, думая, что над ними подшутили.

Ужасен стадион в Ленинакане. Роберт тренировался, а я сидел на скамейке между сейфом и грудой одежды (никаких раздевалок, как и элементарного душа с горячей водой, нет) и с восхищением наблюдал, с какой ловкостью он уворачивается от баскетбольных мячей и гирь, лавирует между проломами в полу, мальчишками-борцами и девочками-гимнастками, и это все происходило в зале, длина которого меньше двадцати метров, тогда как разбег для прыжка у Роберта — сорок четыре метра, да и прыжок почти девять метров. Потом мы с ним вышли на улицу, на беговые дорожки — они были под снегом, но кое-где выглядывал растрескавшийся, в колдобинах асфальт.

— Вот, смотри,— улыбнулся Роберт.— Сказал бы я своим соперникам: американцам, немцам, японцам, что здесь тренируюсь, показал бы,— как думаешь, поверили бы они мне?

— Думаю, что не поверили бы.

— И я так думаю. Много лет уже обещают нам стадион, да все только обещания... Выхожу я на стадион в Лужниках или в Токио, в Мадриде — чего, думаю, бояться, переживать, пускай они все боятся меня, который на ленинаканском стадионе воспитывался! У меня-то теперь ладно, есть возможность на сборы уехать потренироваться, а мальчишки и девчонки ленинаканские, которые в последние годы пришли в легкую атлетику,— ведь по асфальту бегают, ведь калечатся!..

...Роберт не послушался врачей, спорт не оставил. Он приходил с тренировок и, наполнив таз очень горячей водой, почти кипятком, стиснув зубы, вставал в него, боль постепенно стихала. «Что с тобой, сыночек?» — беспокоилась мама.— Ты прямо как старый старик...» А он отвечал, выдавливая улыбку, что все прыгуны парят ноги, от этого якобы прыгучесть улучшается. Он укреплял стопы, тренировал ноги, какие только для этого упражнения не придумывал!

— Роберт — мужественный парень,— говорил тренер Мкртыч Карапетян.— Другой бы бросил все, музыкой бы, как советовали, или еще чем занялся, а Роберт выдержал. Да и недавно вот у него было ущемление позвоночного нерва, говорили, что весь сезон не сможет выступать, а он за двадцать дней поправился, привел себя в норму почти. Преодоление — в его характере. И соревнование, не столько даже с другими, что для него естественно — во всем быть первым, сколько с самим собою. Вы обращали внимание: на стадионе перед прыжком он ни на кого из соперников не смотрит, будто не замечает. У него и стиль прыжка отличается: большинство спортсменов прыгают с «ножницами», то есть перебирая в воздухе ногами, а Роберт — «прогнувшись», без лишних, как мы с ним считаем, движений.

Видели бы, как азартно он форель ловит, камни бросает высоко в горах, на высоте три с половиной тысячи метров, куда мы поднимаемся с ним после соревнований отдыхать! И тренировка для него не только прыжки, но и баскетбол, метание, плавание,— не угрюмая однообразная работа, как для некоторых, а праздник.

...Шли Игры доброй воли.

Погуляв в парке, Роберт вернулся в гостиницу. Теперь нужно было настраиваться, постепенно отбрасывая, забывая все постороннее. Настраиваться не на рекорд, не на победу, а на то, чтобы собраться в нужный момент и показать все, на что способен. Он знает по опыту: для удачи необходимо внутреннее спокойствие. А настрой, с которым идут врукопашную, на штурм: «Ну, я вам покажу сейчас, вы у меня узнаете!» — в спорте бесплоден. И потому перед соревнованиями Эммиян слушает классическую музыку: Моцарта, Шопена, Бетховена. Всюду возит с собой в спортивной сумке маленький магнитофончик с записями.

В тот день на Играх доброй воли он слушал Бетховена.

Подростком он казался по сравнению с высоченными немцами и чернокожими американскими атлетами. Рост Эммияна — 178, тогда как все почти его соперники — чуть ли не двухметровые гиганты. Но и походка у Роберта не такая, как у других, и это хорошо было видно с трибун в серебристом свете прожекторов: казалось, в самом деле где-то в подошвах у него сильные пружины, каждый его шаг устремлен вперед и вверх, словно земное притяжение для него гораздо слабее, чем для остальных.

А Роберт, отмеривая шаги разбега, никого вокруг не замечал, ничего не видел и не слышал. Лишь звучала вдали музыка. Исчезли задумчивые интонации главной темы в глубоких басах, свободно, непринужденно, но и настойчиво льются прозрачные каприччиозные синкопы, и казалось Роберту, они переливаются, как волны на рассвете, и он один — нет ни американца Ларри Мирикса, никого вокруг, он один...

Он очень любит Айвазовского. Вообще любит живопись, вместо намеченных полутора часов провел в Дрезденской галерее много часов; куда бы ни приезжал, идет в картинную галерею. Особенно Роберт Эммиян любит «Девятый вал» Айвазовского. «Может быть, это смешно,— говорил он мне в Ленинакане,— но она почти физически помогает мне, эта картина, иногда я закрываю глаза и... У каждого посвоему, наверно. Игорь Тер-Ованесян, главный тренер нашей сборной, считает, что разбег похож на бикфордов шнур. Бежит по нему огонек, достигает заряда — и мощный взрыв, отталкивание! А мне почему-то видится волна,— как за горизонтом она нарождается, идет к берегу, набирая силу...»

...В феврале 1986 года на зимнем чемпионате СССР Роберт Эммиян побил рекорд Европы для залов, продержавшийся двадцать лет,— принадлежал рекорд Тер-Ованесяну, 8.23. Когда судьи объявили: 8.34, Роберт подошел к тренеру и сказал, подняв плечи, разведя руками: «Игорь Арамович...» И больше ничего не нашелся сказать от смущения, но губы сами будто бы договорили: «Я не хотел, так получилось, Игорь Арамович...» Тер-Ованесян обнял Роберта, расцеловал.

...Но вот и замер Эммиян в начальной точке разбега. Пошел, побежал трусцой, чуть наклонившись вперед, сперва легко, свободно, все шире и свободней, как волна катит к берегу, народившись где-то у горизонта. Десять метров подбежки, и дальше уже разбег — быстрей, быстрей, быстрей...

Биомеханический анализ одного из прыжков Роберта показал, что наивысшую скорость он показывает на третьем шаге до отталкивания — 10,65 метра в секунду, но потом скорость снижается — иначе он мог бы улететь и за девять метров. У американских прыгунов скорость разбега выше, но у Роберта феноменальная прыгучесть, необыкновенной силы толчок. Над скоростью же предстоит работать.

— Я уже метров за десять до отталкивания,— вспоминал Роберт свой прыжок на Играх доброй воли,— чувствовал, что получится. И сам прыжок вышел свободным, очень свободным — никогда не был в безвоздушном пространстве, но что-то в этом роде. Почти как во сне, словно продолжение утреннего сна было в Лужниках. Знаешь, я очень люблю Лужники. Там всегда так хорошо себя чувствуешь — как нигде. И американцы об этом говорили. Мы с американцами на сборах в Токио были и очень там подружились. Прекрасные ребята.

...Прыжок был таким высоким, крутым, что показалось тем, кто стоял возле ямы, что Роберт откуда-то сверху спрыгнул.

Нет, голубой фанерный щиток, воткнутый за валиком прыжковой ямы,— отметка рекорда Боба Бимона, 8.90 — остался все же впереди, хоть и совсем рядом. Красного флажка не видно, значит, не заступил. Выкрикивает что-то судья. Результат появляется на табло, его видят зрители, но не видит пока Роберт, он слышит восторженные крики, аплодисменты зрителей.

Восемь метров шестьдесят один сантиметр.

Рекорд Европы. Третий результат в истории прыжков в длину. Равнозначный, как считают специалисты, восьми метрам восьмидесяти сантиметрам в условиях высокогорья, где прыгал Бимон.

— Роберт,— спросили журналисты на пресс-конференции после победы,— а как насчет мирового рекорда? Когда он переедет в СССР?

— Если вы рассчитываете на меня,— ответил Роберт Эммиян,— то о мировом рекорде мне говорить пока рано. Надо еще тренироваться и тренироваться.

В ЭТОМ ГОДУ В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ С ПЕРСОНАЛЬНОЙ ВЫСТАВКОЙ ПРИЕЗЖАЕТ ИЗВЕСТНЫЙ ХУДОЖНИК ЭНДРЮ УАЙЕС; В НЕСКОЛЬКИХ ГОРОДАХ ПРОЙДЕТ БОЛЬШОЙ ВЕРНИСАЖ «АМЕРИКАНСКАЯ ЖИВОПИСЬ КОНЦА XIX ВЕКА». ДЕЛУ СБЛИЖЕНИЯ КУЛЬТУРЫ НАШИХ НАРОДОВ СЛУЖИТ И ВЫШЕДШАЯ В 1986 ГОДУ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ИСКУССТВО» КНИГА Е. М. МАТУСОВСКОЙ «АМЕРИКАНСКАЯ РЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ЖИВОПИСЬ».

ЖИВОПИСЬ СБЛИЖАЕТ

Олег ТУРКОВ

«Он живет очень замкнуто,— сказал проходящий фермер, — не надейтесь к нему попасть. Он вас не примет. Он не принимает людей...

— А мы не люди,— улыбнулась Мики Леви, театровед из Нью-Йорка.— Нас он примет.

Художник Эндрю Уайес действительно ведет замкнутый образ жизни. Критиков и газетчиков он не жалует. А уж просто охочих до автографов обывателей не подпускает за версту. Но этих гостей в доме художника ждали.

Мики стала читать статью Лены Матусовской, опубликованную в Советском Союзе. Уайес держался настороженно. Но вдруг оживился. Его заинтересовала фраза: «...негромкие разговорные интонации его живописи...» Художника удивило, что девушка из России так точно и тонко почувствовала его работы.

...Еще учась в Московском университете, Лена Матусовская увлеклась изучением современной американской живописи. Ее работой над диссертацией руководил Андрей Дмитриевич Чегодаев — автор первой в нашей стране да и в Европе монографии «Искусство Соединенных Штатов Америки от войны за независимость до наших дней».

Круг интересов молодого искусствоведа был широк: она занималась работами американских народных художников-примитивистов, серьезно изучала Уистлера и его связи с французскими импрессионистами, написала исследование о так называемой «Школе мусорных ведер» — группе художников, возглавляемой живописцем и педагогом Робертом

Генри. Хорошо зная американскую литературу, она органично сближала живопись со словом — с книгами Твена, Уитмена, Драйзера, Вулфа, Фолкнера.

Зимой 1978 года Матусовская в качестве стажера едет в США... «Эта поездка для меня очень важна,— читаем мы в дневнике,— она как бы дала мне возможность на нашу жизнь и на себя взглянуть со стороны, с дистанции. Сравнить. Полюбить сознательно то, что люблю. Понять, что особенно не люблю. А главное, когда поднимаешься вверх, видишь, как мала и обозрима в конечном счете наша Земля».

Мы перелистываем странички записей, сделанных в Америке, и перед нами возникает образ тонкого, наблюдательного и умного человека, стремящегося понять американский образ жизни, американцев на улицах, дома, в метро, в праздники и будни:

«Я слишком мало в жизни ездила и видела, и вот результат, наблюдать жизнь мне интереснее, чем искусство...»

«Туристический Нью-Йорк можно осмотреть за два-три дня. В этом смысле поездки достаточно. Потом открывается другой Нью-Йорк... Сабвей... Это абсолютно особый мир. Здесь реально можно ощущать разницу между раем и преисподней. Прямо с улицы по цокающим и лязгающим, как правило, металлическим лестницам вы круто сходите вниз... темно, мрачные и низкие туннели».

«Цвет в Америке совершенно иной. Нет нашей влажности воздуха, придающей всему легкость, порождающей полутона. Здесь все очерчено резко и определенно, высвечено ярким солнцем, но не обесцвечивающим, а как бы покрывающим все для яркости глазурью...»

«Позавчера я была в Бруклинском музее, и они мне в запасниках показали ящик с акварелями Хомера. Они лежали в черном футляре, такие свежие, как будто вода все еще не высохла. Когда я кончила их смотреть, хранительница закрыла черный ящик, застегнула замки, заперла три дверцы хранилища, и я чуть не заплакала, как при разлуке с близким человеком, от огорчения, что я их больше никогда не увижу».

«...Профессионализм доведен в этой стране до высокого уровня совершенства. Непрофессиональному здесь нечего делать. Работают четко, точно. Времени не теряют ни своего, ни твоего... Общение очень регламентировано».

Кстати, об общении. Сама Лена блестяще владела английским. Американцы попросту не верили, что она из России.

«...Вот сегодня задремала и сквозь сон слышу знакомую песню о войне. Сначала я себе не поверила: откуда здесь может быть эта песня? Потом оказалось, что ее вместе с кадрами старой военной хроники передавало нью-йоркское телевидение. Это радость — услышать свою родную песню:

Я осознала это вдалеке:
Что мы не только говорим
и пишем,—
Нет, мы творим, мы думаем,
мы дышим,
Нет, мы живем на русском языке».

...Перед своим возвращением из США Лена исполнила обещание и снова побывала у Эндрю Уайеса, который проникся глубокой благодарностью к «замечательной молодой женщине» из далекой России. Вот что писал он в апреле 1979 года Лене в Москву:

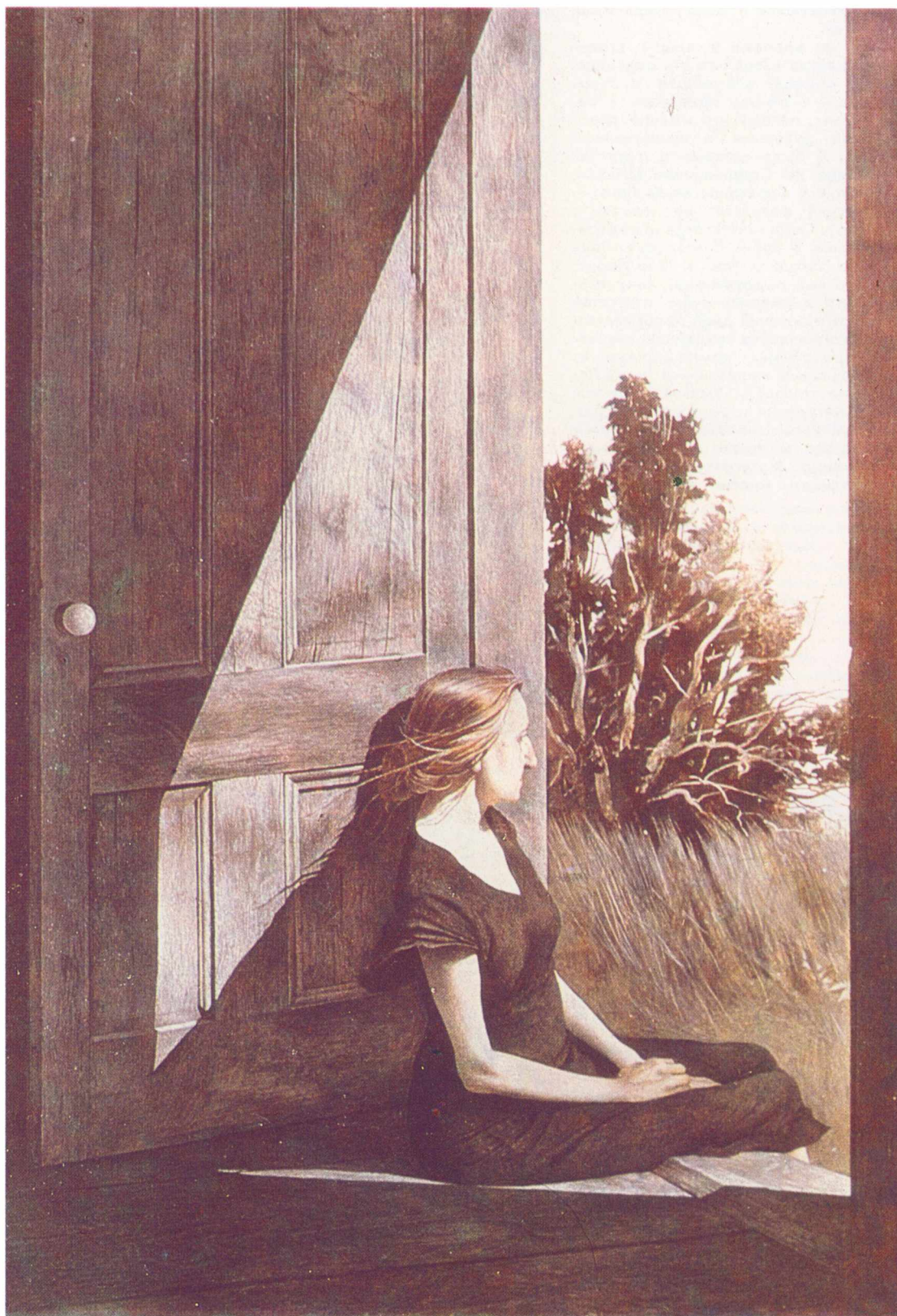
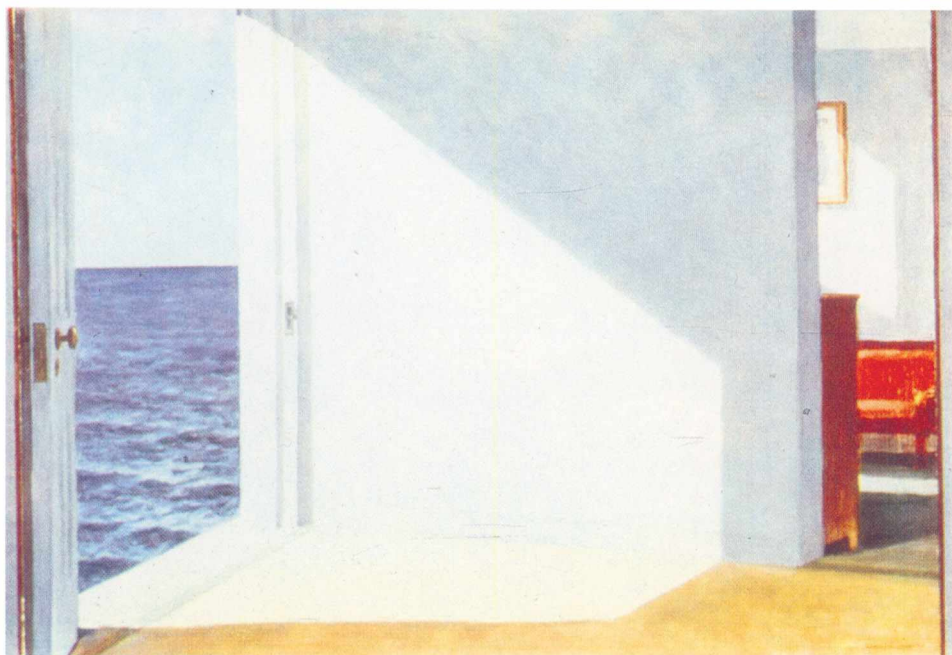
«...Если бы только Вы смогли быть подольше около меня, чтобы сделать Ваш портрет с такими чудесными черными волосами, такими глазами! И вдобавок ко всем этим качествам— Вашим острым умом. Какое удовольствие говорить с Вами.

Пожалуйста, возвращайтесь в Америку. Дай бог Вам счастья.

Энди».

Письмо это прочитать Лене не удалось. Е. М. Матусовской не стало, когда ей было всего тридцать три года. Но живет книга очерков «Американская реалистическая живопись». Эта книга остается заметным следом в познании американской живописи нашим искусствоведением и служит доброму делу сближения двух больших народов.

Недавно в Москве проходил международный форум «За безъядерный мир, за выживание человечества». В группе американских писате-

Э. УАЙЕС.
КРИСТИНА ОЛСЕН.

Э. ХОППЕР.
КОМНАТА
У МОРЯ.

лей, приехавших в СССР, была и Бэл Кауфман.

— Я не впервые в вашей столице,— сказала известная писательница, кстати, хорошо владеющая русским языком,— я люблю приезжать в вашу страну, потому что именно здесь высокий духовный и нравственный климат. Я была знакома с Матусовской еще по Соединенным Штатам, а недавно у вас вышла книга Лены — творческий результат ее поездки в Америку. Семья Матусовских подарила ее мне, я очень благодарна. Лена ко мне заходила там, в Нью-Йорке, и мы с ней подружились. Хочу сказать, что в американском искусстве даже сегодняшних дней преобладают формалистические тенденции, выставки переполнены композициями из полированных железок,— и книга Лены с ее тонким и умным анализом будет интересна и американским любителям изобразительного искусства. Сейчас это выглядит парадоксально, но именно Матусовская открывает американцам многих наших художников.

П. БЛЮМ.
ВЕЧНЫЙ ГОРОД.

В. БРАУН.
НАЕЗДНИКИ БЕЗ СЕДЛА.

МАРИЯ ШКАПСКАЯ

1891—1952

Предлагаемые стихи этой, к сожалению, забытой сейчас поэтессы взяты мной из ее редчайшего сборника «Барабан строгого господина», изданного в 1922 году. Эти стихи, несмотря на прозаическую транскрипцию, наполнены до сих пор трогающей поэтической исповедальностью. Такова сила поэзии — чья-то забывшаяся исповедь может зашептать в твоих руках пожелтевшими, запыленными страницами, и вдруг покажется, что листаешь дневник твоего современника.

●

Однажды лишь меру кровную отмеривает бог. И праведной и греховной истощиться приходит срок.

А вы, мои деды и прадеды, бабушки в белых чепцах,— сколько ее растратили в трудных своих концах.

И в теле последней дочери такой оставили след,— что пришла моя ранняя очередь без малого в тридцать лет.

А я в ослепленьи осмелилась завязывать новую нить, в новую плоть отдельную скудный запас излить.

Старые мои, мои мертвые, не коснется вас плач земной.— Но зачем же такая горькая власть ваша надо мной?

●

Когда стану я старой и скучной и нелюбимой женой — о том, что так сердце мучит — не говори со мной.

Будет вопрос мой и будет ответ твой в знаке моем простом: руки на головы детские я положу крестом.

●

Я верю, господи, но помоги неверью. В свой дом вошла и не узнала стен. В свой дом вошла и не узнала двери. И вот — не встать с колен.
И дети к сердцу моему кричали, но сердце отступило прочь. И яростной моей печали сам бог не мог помочь — мой муж меня покинул в эту ночь.

●

Петербуржанке и северянке люб мне ветер с гривой седой, тот, что узкое горло Фонтанки заливает невской водой.
Знаю — будут любить мои дети невский седобородый вал, оттого, что был западный ветер, когда ты меня целовал.

●

— «Что ты там делаешь, старая мать?» —
— «Господи, сына хочу откопать,
Только вот старые руки мои
Никак не осилят черной земли».—
— «Старая мать, неразумная мать,
Сын твой в Садах Моих лег почивать».
— «Господи, я только старая мать,
Надо бы прежде меня было взять».—
— «Будет твой срок и исполнится день.
Смертная к сердцу наклонится тень».
— «Господи, рада бы в землю я лечь,
Да будет ли радость чаянных встреч?
Сможешь ли землю заставить опять
Матери мило тело отдать?» —
— «Дух его — Мне, а земле только плоть,
Надо земное в себе оборотъ.
Что же ты делаешь, старая мать?» —
— «Господи, сына хочу откопать».

ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ
•
РУССКАЯ МУЗА XX ВЕКА

ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

ВАДИМ ШЕРШЕНЕВИЧ

1893—1942

Тоже забытый, и тоже забытый незаслуженно. Удивительно, что почти никто из литературоведов не заметил поэзию Шершеневича как откровенное следование раннему Маяковскому. Пожалуй, ни один поэт настолько не был интонационно и образно близок «Облаку в штанах», «Флейте-позвоночнику», как Шершеневич, хотя он явно не дотягивал до Маяковского в социальной мощи. Но дух повстанчества против мещанства и в жизни, и в литературе был единым. Не случайно Шершеневич сначала примкнул к футуристам, а затем работал в РОСТА. Поэзия Шершеневича ждет своего однотомника.

СОДЕРЖАНИЕ ПЛЮС ГОРЕЧЬ

Послушай! Нельзя же такой безнадежно суровой
Неласковой
Я под этим взглядом, как рабочий на стройке новой,
Которому: протаскивай!
А мне не протащить печаль сквозь зрачок
Счастье, как мальчик
С пальчик.
С вершок.
Милая! Ведь навзрыд истомилась ты:
Ну, так оторви
Лоскуток милости
От шуршащего платья любви.
Ведь даже городовой
Приласкал кошку к его сапогам пахучим
Притулившуюся от вьюги ночной,
А мы зрачки свои дразним и мучим
Где-то масленица широкой волной
Затопила засохший пост
И кометный хвост
Сметает метлой
С небесного стола крошки скудных звезд.
Хоть один поцелуй. Исподтишечной украдкой.
Как внезапится солнце сквозь серенький день.
Пойми:
За спокойным лицом, непрозрачной облаткой,
Горький хинин тоски!
Я жду, когда рот поцелуем завишнится
И из него косточкой поцелуя выскочит стон.
А рассветного неба пятишница
Уже радужно значит сто.
Неужели же вечно радости объедки?
Навсегда ль это всюдное «бы»?
И на улицах Москвы, как в огромной рулетке,
Мое сердце лишь шарик в руках искусных судьбы.
И ждать, пока крупье, одетый в черное
и серебро,
Как лакей иль как смерть, все равно быть может
На кладбищенское зеро
Этот красненький шарик положит.

Октябрь 1915.

ПРИНЦИП ЗВУКА МИНУС ОБРАЗ

Влюбится чиновник, изгрызанный молью
входящих и старый
В какую-нибудь молоденькую, худощавую дрянь.
И натвердит ей, бренча гитарой,
Слова простые и запыленные как герань.

Влюбится профессор, в очках, плешеватый,
Отвыкший от жизни, от сердец, от стихов,
И любовь в старинном переплете цитаты
Поднесет растерявшейся с букетом цветов.

Влюбится поэт и хвастает: Выграню
Ваше имя солнцами по лазури я!
— Ну, а как если все слова любви заиграны,
Будто вальс «На сопках Манджурии»?!

Хочется придумать для любви не слова,
а вздох малый,
Нежный, как пушок у лебедя под крылом,
А дурни назовут декадентом, пожалуй,
И футуристом — написавший критический том!
Им ли поверить, что в синий
Синий,
Дымный день у озера, роняя перья, как
белые капли,
Лебедь не по-лебяжьи твердит о любви лебедине,
А на чужом языке (стрекозы или цапли).
Когда в петлицу облаков вставлена луна чайная
Как расскажу словами людскими
Про твои поцелуи необычайные
И про твое невозможное имя?!

Вылупляется бабочка июня из зеленого
кокона мая,
Через май за полдень любовь не устанет расти
И вместо прискучившего: я люблю тебя,
дорогая!—
Прокричу: пинь-пинь-ти-ти-ти!

Это демон, крестя меня миру на муки,
Человечьему сердцу дал лишь людские слова,
Не поймет даже та, которой губ тяну я руки,
Мое простое: ла-сэ-сэ-фиорррр-эй-ва!

Осталось придумывать небывалые созвучья,
Малярною кистью вычерчивать профиль тонкий
лица,
И душу, хотящую крика, измучить
Невозможностью крикнуть о любви до конца!

Март 1918.

ЛИРИЧЕСКИЙ ДИНАМИЗМ

Звонко кричу галеркою голоса ваше имя
Повторяю его
Партером баса моего
Вот ладоням вашим губами моими
Присосусь пока сердце не навзничь мертво.

Вас взвидя и радый, как с необитаемого острова,
Заметящий пароходного дыма струю
Вам хотел я так много, но глыбою хлеба черствого
Принес лишь любовь людскую
Большую
Мою.

Вы примите ее и стекляшками слез во взгляде
Вызвоните дни бурые, как пережженный антрацит.
Вам любовь — как наивный ребенок
любимому дяде
Свою сломанную игрушку дарит.

И внимательный дядя знает, что это
Самое дорогое ребенок дал.
Чем же он виноват, что большего
Нету.
Что для большего
Он еще мал?

Это вашим ладоням несу мои детские вещи
Человечью поломанную любовь и поэтину тишь.
И сердце плачет и надеждою блещет,
Как после ливня железо крыш.

Март 1918.

СКАЗКА О ЗАЧАРОВАННОМ ЦАРСТВЕ

НАСЛЕДИЕ

Александр ШАМАРО

Всенародный интерес к истокам отечественной культуры, к познанию и сохранению ее сокровищ стал в последние годы все чаще соединяться с углубленным изучением истории наших богатств. Такое исследование не раз уже поучительно обращало и обращает нас к урокам прошлого: и недавнего, когда варварски уничтожались великие культурные ценности во имя того, что «бога нет и это научный факт», и к временам чуть более отдаленным, когда те же памятники уничтожались во имя «чистоты православия».

Заголовок метафоричен, речь пойдет не о фольклоре.

Проблемами становятся явления не только, как принято говорить, негативные, но и самые что ни на есть позитивные, безоговорочно отрадные. И одним из таких явлений по праву можно назвать живейший, год от года возрастающий интерес самых широких кругов нашей общественности к истокам национальных культур, в частности древнерусской, к сокровищам иконописи и церковного зодчества.

Интерес не только живейший, практически всеобщий, но и — что очень важно и знаменательно — действенный. Без преувеличения можно сказать, что миллионы людей ныне лично озабочены злободневными (порой кровоточащими) проблемами сохранения и реставрации творений древних художников, мастеров. И удельный вес этих вопросов в прессе уступает разве что удельному весу актуальных вопросов экономического и социального развития. Такая же откровенность и острота, такая же суровая самокритичность и горечь при мысли, при воспоминании о том, что допущено и что упущено... Образно говоря, прожекторы направлены на авансцену, все только на злобу дня, и ничего или почти ничего о дне минувшем: о многовековых реальных судьбах сокровищ иконописи и церковного зодчества.

А незнание никогда не остается просто незнанием, оно имеет тенденцию исподволь перерастать в идеализацию. В данном случае определенную идеализацию дореволюционного прошлого, когда-де все было так, как нужно, и храмы, и иконы веками пребывали в неприкосновенно-первозданной красе, являя собой некое зачарованное царство, подобное граду Китежу... Стихийно сложившиеся иллюзии. Представления, космически далекие от исторической правды!

Сокровища старинного иконописного искусства и слава их создателей воспринимаются ныне чуть ли не как извечная краса земного мира, говоря определеннее, нашей родной России. И людям молодых и средних поколений представляется чем-то само собой разумеющимся мысль о том, что наши предки и сотню, и сотни лет назад любовались этой красой так же, как и мы теперь.

Нет, не только не имели возможности любоваться, рассматривать, изучать, зачастую они не подозревали об их существовании, даже сравнительно в недавние, последние предреволюционные десятилетия. Если вы откроете на 229-й странице один из выпусков (№ 4—5) многотомного красочного издания «Москва в ее прошлом и настоящем», вышедший в свет за семь лет до Октябрьской революции, то прочтете такую подпись под репродукцией ныне всемирно знаменитого рублевского шедевра: «Икона Троицы, припис. Рублеву». «Припис.» — значит «приписываемая». Профессор В. Н. Щепкин, статью которого о московской иконописи иллюстрировала упомянутая репродукция, заметил, что лишь один авторитетный ученый — Николай Петрович Лихачев * признает «Троицу» творением Андрея Рублева. Только один...

Обратимся к знаменитому «Энциклопедическому словарю» Брокгауза и Ефрона. Том 2 (или, как указано на титульном листе,— IA), изданный в Петербурге в 1890 году. На имя «Андрей» около полутора десятков статей и заметок: от апостола Андрея Первозванного до польского религиозного поэта, жившего пять веков назад; есть русские князья, есть «расколоучители», как было принято называть старообрядческих проповедников, есть и святой Андрей Юродивый, которого и поныне почитает русская православная церковь. А вот Андрея Рублева нет. Но, может быть, сообщили что-то о Рублеве?.. Том 53 был издан девять лет спустя, на самом пороге двадцатого столетия. Вот тут бы надлежало стоять статье: между «Рубином» и «Рублем». Но статьи «Рублев» нет.

С полным основанием мы можем сказать, что бесценное художественное наследие Андрея Рублева в той мере, в которой пощадили его пять веков, предшествовавших социалистической эпохе, только в эту эпоху и стало фактически достоянием русского народа, русской национальной культуры и вошло в духовную сокровищницу человечества. Такова историческая правда.

«Но как же так? — возможно, спросит кто-либо из читателей.— Та же «Троица» стояла на самом почетном месте самого древнего храма самой почитаемой православной обители!..» Да, это так. Пять веков, вплоть до первых лет молодой Советской республики, «Троица» Андрея Рублева украшала иконостас Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры.

Передо мной на столе лежит брошюра, изданная в Москве лет восемьдесят назад,— «Две местные иконы св. Троицы в Троицком соборе Свято-Троице-Сергиевой Лавры». Обозначен автор — «Иконописец В. П. Гурьянов». Брошюра представляет собой отчет иконописца-реставратора о работе, проделанной им в стенах подмосковной обители в 1904—1905 годах.

«И вот, когда с этой последней (то есть с «Троицы».— А. Ш.) снята была золотая риза, то каково же было наше удивление!.. Вместо древнего и оригинального памятника мы увидали икону, совершенно записанную в новом стиле палеховской манеры XIX века... Все одежды ангелов были переписаны заново в лиловатом тоне и пробелены не краскою, а золотом; стол, гора и палаты вновь прописаны; на столе круглая чаша, маленький бокальчик, тарелочка и две ветки зеленого винограда и позади ангелов большой кудрявый, зеленый дуб — новейшего письма XIX века.

Оставались только одни лики, по которым можно было судить, что это — икона древняя, но и они были затушеваны в тенях коричневатой масляной краской. Является сомнение, ужели же так записанная икона принадлежит кисти Андрея Рублева?!»

Пробные расчистки, осуществленные В. П. Гурьяновым и его помощниками, показали, что «Троицу» закрашивали по крайней мере трижды. «Контур ангела прибавлен на целые полвершка»... Ангелов «обули» в сандалии. И еще деталь: «...на полях, на фоне и в особенности кругом глав ангелов были маленькие ямочки от гвоздей, которыми прежде были прибиты золотые венцы и оклад... Старые гвозди, между которыми были золотые, вынуты, и образовавшиеся ямочки заделаны грунтом».

Как видите, хоть и заколачивали гвозди в одно из величайших созданий мировой живописи, но, как говорится, с пониманием. И посему не простые гвозди, а золотые...

Полная научная реставрация «Троицы» Андрея Рублева была осуществлена только после Октябрьской революции, когда эта икона как национальное художественное достояние по решению Советской власти была передана в музей. В 1918—1919 годах самые искусные живописцы-реставраторы Центральных реставрационных мастерских раскрыли лики, расчистили «доличное», удалили слой потемневшей олифы и, наконец, исправили некоторые искажения, допущенные их предшественниками.

Судьба рублевской «Троицы» характерна для всей древнерусской иконописи. Представим себе, что мы с вами — с нашим интересом к древнерусскому иконописному искусству, с нашими познаниями в этой области — перенеслись в прошлое, чтобы взглянуть на те же самые, нам хорошо знакомые творения старинных иконописцев. Перенеслись и — к великому изумлению — убедились в полной и безнадежной неосуществимости этого, казалось бы, по нынешним временам совершенно естественного намерения. Начать с того, что икону тогда можно было увидеть только в соборах и церквах да еще в домашних молельнях и божницах. Не было не только музеев или выставок подобного плана, но даже и мысли о том, что их можно создать. Более того, не было даже представления о том, что в России несколько столетий где-то под спудом существует самобытное изобразительное искусство.

Да, русская икона как художественное искусство открыта лишь на рубеже нынешнего и прошлого веков. Первым проблеском грядущего солнечного дня можно, наверное, считать скромную выставку «Древнерусское художество», составленную из частных коллекций, приуроченную к открытию в Москве очередного археологического съезда и развернутую в залах Исторического музея. Это было в 1890 году. Одну из икон, показанных на этой выставке, приобрел для своего собрания — будущей Третьяковской галереи — П. М. Третьяков. Доброе начало было положено.

«Так внезапно перед нами открылась огромная новая область искусства,— писал журнал «Старые годы» в 1913 году.— Странно подумать, что еще никто на Западе не видел этих сильных и нежных

* Н. П. Лихачев (1862—1936 гг.) — историк, академик АН СССР, исследователь древнерусского и византийского искусства.

красок, этих искусных линий и одухотворенных ликов. Россия вдруг оказалась единственной обладательницей какого-то чудесного художественного клада. В течение веков мало кто подозревал о его существовании... Государственные и церковные учреждения проявляли полное равнодушие к старине».

Но вернемся к нашей воображаемой экскурсии. Итак, в те времена русскую икону можно было видеть только в церкви. Но и там между искусством и человеком, стремящимся воспринять его, вставало несколько практически непреодолимых, непроницаемых преград. Первая — состояние живописи, самой иконы. Не говоря уж о постепенном, но неотвратимом потемнении олифы, иконы постоянно зарастали слоем пыли и, главное, свечной копоти. Горящая свеча в представлении богомольцев, священнослужителей совершенно необходимый и ничем иным не заменимый атрибут богослужения. Поверх почерневшей олифы кистями бесталанных богомазов наносились новые изображения, вновь зараставшие свечной копотью.

Но и это еще не все! Не забудем о драгоценных ризах (окладах), которыми исстари принято было в России «украшать» (то есть почти закрывать) образа наиболее почитаемые. К счастью, не везде, не всегда их приколачивали гвоздями, но везде и всегда они почти загораживали изображения. Этот стародавний обычай, считавшийся проявлением глубокого благочестия, особенно горячей набожности, возмущал даже ревностных приверженцев православия, например, церковного литератора князя Евгения Трубецкого.

«Мы проходили мимо иконы, но не видели ее,— с чувством горечи признавался князь в книжке, посвященной древнерусской иконописи и изданной в Москве в 1916 году.— Она казалась нам темным пятном среди богатого золотого оклада; лишь в качестве таковой мы ее знали. И вдруг — полная переоценка ценностей. Золотая или серебряная риза, закрывшая икону, оказалась весьма поздним изобретением конца XVI века; она — прежде всего — произведение... благочестивого безвкусия... В сущности, мы имеем здесь как бы бессознательное иконоборчество: ибо заковывать икону в ризу — значит отрицать ее живопись, смотреть на ее письмо и краски, как на что-то безразличное... И, чем богаче оклад, чем он роскошнее, тем ярче он иллюстрирует ту бездну житейского непонимания, которое построило эту непроницаемую, золотую перегородку между нами и иконой.

Что сказали бы мы, если бы увидали закованную в золото и сверкающую самоцветными камнями мадонну Боттичелли или Рафаэля?! А между тем над великими произведениями древнерусской иконописи совершались преступления не меньше этого...»

Со словом «преступления» князь не погорячился. А как иначе можно определить подобное хранение сокровищ древнерусской иконописи?.. Судьба «Троицы» Андрея Рублева не чрезвычайное происшествие, более того, не самая страшная участь. Вспомним об участи еще трех столь же древних икон — «Максимовской» и «Владимирской» (копии знаменитого византийского подлинника, судьбы которого мы еще коснемся) из Успенского собора во Владимире и «Боголюбской» из соборной церкви Боголюбовского монастыря под Владимиром. Вот официальный документ — отчет специалистов-реставраторов, опубликованный в научной периодике шестьдесят лет назад:

«Раскрытие этих трех древних памятников показало, что способы обращения с ними и хранения их, практиковавшиеся ранее духовенством, были медленно действующим, но верным средством приведения их к полному разрушению... Иконы наглухо зашивались в шелковые или бархатные чехлы с оставлением отверстий только для ликов, рук и ног, отверстий, впрочем, плотно закрывавшихся слюдою или стеклом. Поверх чехла на лицо иконы накладывали мягкие стеганые одеяла, которые прижимали металлическими окладами и ризой, привинчивая их или непосредственно к доске, или скрепляя их с металлической крышкой, закрывавшей затылок иконы и образовавшей вместе с ними сплошной, нераскрывающийся футляр. Закупоренная таким образом икона подвергалась разрушительному действию атмосферических влияний, левкас и доска прели и разъедались древоточцем (так называемым шашелом). Боголюбская икона оказалась в буквальном смысле закованной, помимо ризы, в отдельный металлический футляр, завинченный десятками винтов, с припаянными к нему стеклянными покрытиями для ликов. По вскрытии футляра обнаружилось, что доска в значительной своей части превратилась в труху, левкас во многих местах осыпался и от замечательного памятника уцелели только жалкие фрагменты».

Но все же, как бы там ни было, творения древнерусских иконописцев стояли в храмах, и оставалась надежда, что к тому дню, когда их наконец вызволят из-за золотых и серебряных щитов, из бархатных чехлов, от этих досок и на этих досках еще что-то останется, и можно будет хоть в какой-то мере воскресить прежнюю красу. Куда печальнее участь тех икон, которые служители церкви за ненадобностью (почернели, ничего не разглядишь) выбрасывали в кладовки-«рухлядные», на чердаки, колокольни... Так, наверное, поступили когда-то с тремя древними иконами, стоявшими в иконостасе церкви Успения на Городке в Звенигороде. В 1918 году их нашли участники одной из первых советских экспедиций по розыску и спасению произведений древнерусской иконописи. Две — в сарае при церковной сторожке, их подложили под кладку дров, дабы те не отсырели от дождевой или талой воды. Третья служила ступенькой лестницы, ведущей на колокольню, звонари могли стереть подметками живопись, но не стерли — икону приколотили изображением книзу...

Немало икон (и каких!) погибло на протяжении минувших веков. Нашествия, пожары и разорения, их сопровождавшие... Московский пожар в сентябре 1812 года, испепеливший около трех четвертей города, лишил русскую культуру не только «Слова о полку Игореве». В его пламени сгорело и обгорело большинство московских церквей и монастырей, разумеется, со всеми их иконостасами и киотами; прибавим к этому и вандализм наполеоновских оккупантов.

Но оставим войны и затронем события сугубо внутригосударственные. Известно, что раскол свыше трех веков назад до основания потряс и русскую православную церковь, и тогдашнее общество. Вызванный реформами патриарха Никона и тем, как этот патриарх осуществлял и насаждал свои реформы, раскол обернулся трагедией не только для народа, но и (не будем забывать и об этом) для древнерусского иконописного наследия. «Образ старинного письма», икона, написанная "до Никона" и посему «не оскверненная антихристом и слугами его», была для старообрядца священным символом его убеждений, залогом «спасения души» — он расставался с нею лишь тогда, когда расставался с жизнью. Вместе с иконами «раскольники» бежали в отдаленные, безлюдные края и там их прятали в лесных тайниках. Сколько их сгнило в тех глухоманях и какие то были иконы — мы никогда не узнаем. «Расколоучители» благословляли теми образами самосожженцев, иконы сгорали вместе с людьми... Этому теперь трудно поверить, но «эпидемия гарей» (как называли историки полосу массовых самосожжений в последней четверти XVII столетия) унесла не менее десяти тысяч жизней. Икон в донесениях местных властей никто не подсчитывал...

Главный противник «раскольников» уничтожал иконы в столице и чужими руками, действовавшими по его повелению, и собственноручно. Летом 1654 года слуги патриарха Никона обыскивали и боярские хоромы, и дома простолюдинов, забирали иконы, объявленные «недопустимыми», сносили их на патриарший двор в Кремле. «Никон выколол глаза у этих икон»,— свидетельствовал в воспоминаниях очевидец Павел Алеппский, духовное лицо из свиты посетившего Москву антиохийского патриарха.

В Москве есть памятник погибшим русским иконам. Высокая стройная колокольня в неорусском стиле. Построенная по образцу древних храмов «иже под колоколы» в 1906—1913 годах, стоит она рядом со старинным Рогожским кладбищем, в крупнейшем центре старообрядчества. Церковь-колокольня с загадочным названием: «Во имя Успения и в память о распечатании алтарей». Так увековечена память об истории крайне печальной (для древнерусского живописного искусства) и позорной (для повинных в случившемся). Истории внезапного опечатания полицейскими властями летом 1856 года алтарей двух стоящих здесь же старообрядческих соборов — Покровского и Христорождественского со всеми находившимися в них иконами. Эта акция была предпринята по фанатически-настоятельным требованиям злейшего врага и непреклонного гонителя «раскольников», тогдашнего московского митрополита Филарета — сановника всесильного и по-своему знаменитого, влияние которого на ход государственных дел и на общественное развитие носило характер консервативный, реакционный. Полицейские печати провисели в рогожских соборах почти полвека и были, образно говоря, сорваны с алтарных дверей вихрями первой русской революции. Перепуганные холопы самодержавия так решили задобрить многомиллионные массы старообрядцев.

Жуткая картина предстала глазам тех, кто в пасхальную ночь 1905 года вошел в только что распечатанные алтари. Все иконы погибли. Изображения отстали и обсыпались. Да и доски превратились в труху. Чтобы понять, что потеряла древнерусская иконопись, необходимо хорошо уяснить одну особенность старообрядчества: благоговейное почитание действительно древних — «до Никона» — икон. Чем глубже древность — тем выше святость. Руководствуясь своими, чисто вероучительными соображениями, они объективно делали большое доброе дело для древнерусского искусства, неустанно отыскивали и не скупясь приобретали образа́ старинного письма, сохраняли их в молельнях. «Рогожское согласие» было одним из самых многочисленных и богатых течений в причудливо пестром старообрядческом мире, и нетрудно представить себе, какие иконописные сокровища постепенно, в течение долгих десятилетий, предшествовавших «опечатанию алтарей», собраны были их главными святынями — соборами на Рогожском кладбище в Москве.

Подойдем к проблеме с иной стороны. Икона не погибла в кроваво-огненную эпоху раскола, не сгинула в груде хлама; более того, она дождалась и удостоилась счастливой участи — ее решили промыть, подчистить и даже подновить, поправить красками! Казалось, радоваться бы надо. Но, когда узнаёшь, как такая «реставрация» проводилась, хочется крикнуть: «Да уж лучше бы не трогали! Пусть так бы и стояли, все-таки оставалась бы хоть какая-то надежда на их спасение!» В начале нынешнего века об этом во все колокола звонил литератор, знаток иконописного искусства Д. К. Тренев. Но имя и труды его, насколько мне известно, преданы забвению. А напрасно... В брошюре «Сохранение памятников древнерусской иконописи», опубликованной ровно восемь десятилетий назад, он писал:

«Осматривая иконы наших храмов и их ризниц, часто приходилось убеждаться, что большинство этих первых утратило при реставрации свои древние краски и даже иногда рисунок, сокрытые под слоями новой неискусной иконописи или живописи, чему бывало всего чаще причиною невежественное усердие настоятелей наших храмов и настоятелей и настоятельниц наших монастырей, не желающих иногда видеть древние иконы в том виде, в каком дошли они до нас от седой старины, а предпочитающих видеть их блистающими новыми красками и олифою...»

Старинные, немудреные по устройству иконостасы заменяли модными, резными и позолоченными, в которых иконам становилось тесно, и «излишек их выкидывался, и иконы эти большею частью утрачивались». Новые иконостасы заказывали, не утруждая себя увязкой их размеров с размерами древних икон, и случалось так, что последние просто не входили в уготованные им места. «...И доски икон иногда подпиливались, причем не стеснялись даже обрезать нижнюю часть ног изображений и пририсовывать новые ступни ближе к коленям... Подобные древние иконы с подпиленными полями,— свидетельствует Д. К. Тренев,— приходилось видеть и в больших соборных храмах».

Можно представить себе, что же «приходилось видеть» в обычных церквах, где-нибудь в уездной глуши! И как не понять в этой связи горестное признание одного из археологов прошлого века, графа А. С. Уварова, сделанное им в речи перед собранием только что учрежденного в Москве Археологического общества: «одним из самых жизненных вопросов русской археологии» назвал он вопрос «безопасного сохранения самих памятников». И прибавил: «Доселе они уничтожались скорее от рук неопытных восстановителей, чем от разрушающей силы времени: часто даже спасение памятника было его погибелью».

И вот эта, если так можно сказать, «восстановительная погибель» (бедствие это называли еще и «поновленческим вандализмом») губила сокровища древнерусского искусства. Как иконописи, так и церковного зодчества. В подтверждение процитирую статью, напечатанную Н. К. Рерихом в журнале «Русская икона» в 1914 году: «К иконам устремлялись грубые руки. И гибли памятники безвозвратно... Ремесленно исправлялось и подновлялось высокое творчество наших примитивов».

Да, глубоко драматична историческая судьба древнерусского иконописного наследия. Это хорошо представляли себе сотрудники первой советской реставрационной мастерской, созданной сразу после Октябрьской революции. Одной из первых их работ было не терпящее отлагательств спасение иконы исключительной художественной ценности — «Богоматери Владимирской», шедевра не только православной иконописи (по предположению исследователей, «Владимирская» была написана в Византии в начале XII века), но и мирового искусства. «Несравненной, чудесной, извечной песней материнства — нежной, беззаветной, трогательной любви матери к ребенку» — так называл эту икону академик И. Э. Грабарь. Несколько веков икона эта стояла в Успенском соборе Московского Кремля, загороженная двумя драгоценными окладами и абсолютно недоступная для какого бы то ни было исследования и научной реставрации. Только в 1918 году «Владимирскую» перенесли из собора в реставрационные мастерские. Олифа «вскипела», местами возникли грибообразные наросты, краски начали осыпаться. «Фон,— сказано в акте обследования,— весь покрыт мелкими выпадками от гвоздей, вбивавшихся для прикрепления ризы, и испещрен различными насечками и нацарапанными знаками для отметок мест, где должны приходиться соответствующие части ризы...» Искусством и бесконечным терпением первых советских реставраторов икона «Богоматерь Владимирская» была спасена. Она помещена в Государственную Третьяковскую галерею.

У советского реставрационного дела — славное, героическое начало. Увы, не все так просто, не так складно получилось и в советские годы в деле сохранения сокровищ русской иконописи, русского церковного зодчества. Будем помнить о всех огорчительных издержках, твердо зная, что сегодня мы реализуем надежду сохранить наше национальное духовное достояние.

ЖИЗНЬ СЛИШКОМ КОРОТКА, ЧТОБЫ ТРАТИТЬ ЕЕ НА СВЕДЕНИЕ СЧЕТОВ

После публикации «И были наши помыслы чисты...» («Огонек» № 9 с. г.) редакция получила множество откликов. В разговоре о перестройке и гласности читатели соглашались или спорили с мыслями, высказанными поэтами Ахмадулиной, Вознесенским, Евтушенко, Окуджавой, Рождественским.

Свое обращение в журнал в связи с этой публикацией просил непременно напечатать писатель и общественный деятель Н. М. Грибачев. Мы выполняем просьбу Николая Матвеевича, публикуя вместе с его письмом ответ Е. А. Евтушенко.

ИТАК, ВНАЧАЛЕ — ПИСЬМО Н. М. ГРИБАЧЕВА:

«Уважаемые товарищи!

В № 9 вашего журнала (1987 г.) опубликован большой материал о поэтах, где они рассказывают о себе. Дело не новое, скорее — обычное. Необычно было бы, если бы, рисуя себя как правдолюбца, поэт «передергивал», натягивал на эту правду личину лжи, элементарной нечестности. А именно это и случилось с поэтом Е. Евтушенко — чтобы выглядеть попривлекательнее в роли «правдоборца», он поставил факты с ног на голову.

1. Е. Евтушенко пишет: «Когда Роберт Рождественский написал стихи «Да, мальчики», утверждающие право молодежи на самостоятельность, Николай Грибачев немедленно ответил ему стихотворением «Нет, мальчики». Так ли было? Нет, наоборот: когда я написал и опубликовал стихотворение «Нет, мальчики», Роберт Рождественский в ответ написал «Да, мальчики», которое впервые прочел на каком-то — сейчас не помню — совещании в Кремле. Проверить это легко — есть даты публикаций, есть свидетели, в том числе сам Р. Рождественский, талант и работу которого я всегда уважал. Для чего Е. Евтушенко понадобилось переставлять события — не знаю.

2. В моем стихотворении речь шла не о «молодых вообще», утверждающих «право на самостоятельность», а о мальчиках того типа, которые — привожу строки стихотворения — «Уже порою смотрят на Россию как бы слегка из заграничный лад» и «Подносят нам свои иноизданья, как на вершину славы пропуска». А у Р. Рождественского — о тех молодых, что талантливо работают и строят. Тех «мальчиков», о которых речь у меня, Р. Рождественский не защищал, а я тех, которые работают и строят, ни в чем не укорял. Так что, собственно, и дискуссии не было. Для чего ее придумал Е. Евтушенко — понять не могу.

3. Вопрос к редакции: можно ли за гласность и правду бороться неправдой? Или, к примеру, искажениями истории? Последнее относится к публикации под редакцией Е. Евтушенко стихов Игоря Северянина. Это был талантливый человек, ищущий, но на первом этапе, при некоторых находках и освоениях находок прошлого, все-таки, по оценкам современников, фразер и позер, «кумир прожигателей жизни». Позже, в прибалтийской эмиграции,— может быть, случайной,— И. Северянин становился другим — его талант нашел опору в лирике отчей земли. Кстати, стихи его того периода печатались в журналах «Огонек» и «Красная новь», их невозможно читать без волнения. Новые, последние его стихи должны были печататься в ленинградском альманахе, но вместе с альманахом погибли в осажденном Ленинграде. Надломленный и больной, в конце своего пути И. Северянин рвался на родину, в Советский Союз.

Здесь его не забыли. В частности, в 1975 году в «Библиотеке поэта» вышел том его стихотворений с сочувственным к поэту, объективным предисловием Вс. Рождественского — знаю это хорошо потому, что входил в редколлегию библиотеки наряду с Э. Межелайтисом, Н. Тихоновым и другими. У редколлегии не было никаких сомнений в необходимости издания стихотворений И. Северянина, так же, как и в издании стихотворений Н. Гумилева.

И потому —

4. в цикле, опубликованном под редакцией Е. Евтушенко, взяты, за исключением короткого позднего «Классические розы», стихи первого периода творчества поэта, с 1909 по 1915 год. Периода «фразы и позы». В этот период, в частности, написаны строки:

Я, гений Игорь Северянин,
Своей победой упоен;
Я повсеградно оэкранен!
Я повсесердно утвержден!

Они не нуждаются в комментариях, но порождают вопрос: для чего надо было представлять И. Северянина «Мороженым из сирени» и «Ананасами в шампанском», характерными для первого периода творчества поэта? Это, при кратком предисловии, неизбежно искажает облик несомненно талантливого поэта со сложной и нелегкой жизнью.

Правда хороша, когда она подлинно правда, а не «королевство кривых зеркал».

Николай ГРИБАЧЕВ».

ОТВЕТ Е. А. ЕВТУШЕНКО:

«Редакция «Огонька» ознакомила меня с письмом Н. Грибачева, где он опровергает цитату из моего интервью в № 9.

Приношу извинения Н. Грибачеву — память подвела меня, и его стихотворение действительно было опубликовано сначала, а стихотворение Р. Рождественского явилось ответом на него, с той только разницей, что никогда не было опубликовано. Но по части памяти мы квиты с Н. Грибачевым, ибо она подвела и его, и гораздо крупнее: назвать встречу руководителей партии и правительства во главе с Н. Хрущевым с творческой интеллигенцией в марте 1963 года «каким-то — сейчас не помню — совещанием в Кремле» является прискорбной забывчивостью. Н. Хрущев сделал и немало доброго, начав реабилитацию незаконно репрессированных честных советских граждан, начав открывать дорогу гласности по отношению к прошлому. Но на этой встрече он поддался собственному нервозному настроению, созданному услужливой дезинформацией о якобы антипатриотических настроениях внутри нашей творческой интеллигенции. Замечу, что эта дезинформация, в частности, исходила и от некоторых писателей, которые, теряя с развитием гласности свои посты и влияние, пытались монополизировать патриотизм, пытались обвинить во всех смертных грехах других неугодных им писателей, и среди них поэтов нашего поколения. В своем интервью я говорю: «Наша популярность раздражала и многих собратьев по перу». Я ошибся лишь в том, КТО начал полемику на тему «мальчиков», но Грибачев, справедливо доказав, что полемику начал он, а не Рождественский, еще более аргументирует мой тезис об этом раздражении и ставит себя в еще более уязвимую ситуацию, смягченную моей невольной ошибкой. Итак, цитирую стихи Грибачева «Нет, мальчики».

Вот в чем Грибачев обвинял представителей нашего поколения:

Порой мальчишки бродят на Руси,
Расхристанные,— господи, спаси!—
С одной наивной страстью — жаждой славы,
Скандальной, мимолетной — хоть какой.
Их не тянули в прорву переправы,
И «мессер» им не пел за упокой...

Да, мы были детьми во время войны, но «мессеры» пели и за наш упокой, ибо столько детей было ими убито... Как было можно упрекать наше поколение в том, что мы не воевали! Это было так же вопиюще несправедливо, как если бы кто-то стал обвинять поколение Н. Грибачева в том, что оно не воевало в гражданскую войну!

Цитирую далее:

И хоть борьба кипит на всех широтах
И гром лавины в мире не затих,
Черт знает что малюют на полотнах,
Черт знает что натаскивают в стих...

Есть такая хорошая пословица: «Не бей лежачего». Так нравственно ли было, Николай Матвеевич, в то время, когда глава правительства оскорблял молодых художников и писателей, вы вместо того, чтобы по-отцовски их защитить, еще и добавили — по лежачим. Ведь Хрущев, находясь на пенсии, извинился за это. А вот вы — нет. Цитирую вас далее:

И, по зелености еще не зная,
Какая в этом пошлость и тоска,
Подносят нам свои иноизданья,
Как на вершину славы пропуска.

Но у кого же из молодых поэтов тогда, в 1963 году, выходили эти «иноизданья»? Да только у тех четверых, изображенных на обложке «Огонька». Значит, по ним вы били, по ним, Николай Матвеевич, и, как доказали своим письмом-поправкой, начали атаку, а мы лишь отбивались.

Да и как же было не защищаться, если дальше в вашем стихотворении шли почти оскорбительные строки:

Нога скользить, язык болтать свободен,
Но есть тот страшный миг на рубеже,
Где сделал шаг — и ты уже безроден,
И не под красным знаменем уже...

Зачем же было ставить под политическое сомнение сразу стольких из поколения лишь потому, что они не воевали и писали свои стихи и картины так, как не нравилось вам? Как человек, получивший после двух Сталинских премий высшую в стране, Ленинскую, за журналистский репортаж о поездке Н. С. Хрущева в США, вы должны бы, казалось, помнить, что происходило на этом «каком-то — сейчас не помню — совещании в Кремле». А там происходила борьба за неотвратимо зарождавшуюся в недрах нашего общества гласность — и борьба против этой гласности. К сожалению, как доказывает цитируемое мной стихотворение, вы были тогда не на стороне гласности, якобы охраняя безопасность нашего общества от якобы сотрясателей его основ, которых вы нашли в преступно «невоевавшем» поколении.

Сейчас гласность становится нормой жизни, и это веление самой истории. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на сведение счетов, и, положа руку на сердце, хочу сказать, что я не держу никакого зла ни на вас лично, ни на других за давние несправедливые нападки. Все мы совершаем ошибки — от них не было свободно ваше поколение и не свободно мое. Свою фактическую нечаянную ошибку я признал. Но не лучше было бы, если бы и вы, ловя меня на ней, нашли бы в себе мужество признать хотя бы одну свою прошлую ошибку?

Тогда нам легче было бы жить и работать для общего дела нашей литературы.

Евг. ЕВТУШЕНКО».

ОТ РЕДАКЦИИ: Е. Евтушенко не ответил на замечание Н. Грибачева относительно творчества поэта И. Северянина. Во вступительной статье, в свое время предварившей антологию, подчеркнуто, что «составитель... проявил, разумеется, при отборе имен и конкретных произведений свои личные вкусы и пристрастия». В № 29 «Огонька» за прошлый год мы публиковали обширный очерк о последних годах жизни И. Северянина со многими его стихами.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Опубликованные нами письма Н. Грибачева и Е. Евтушенко весьма симптоматичны. Сегодня ни за что нельзя допустить повторения литературных сражений, горько памятных из прошедших лет; формирования очередных ударных дружин под командованием удельных литературных князей, которых явно тревожит развертывание процессов гласности, демократизации, попросту пугает открытый критический разговор об их произведениях. Привыкнув ставить комфортность собственной жизни, литературной в том числе, на первое место, они упорно не принимают даже намеков на литературное равноправие. Пугая всех и каждого жупелом «групповщины», сами они остаются верными групповщинному толкованию формулы «кто не с нами — тот против нас!».

Многими с трудом воспринимается та истина (а иными, видимо, не воспринимается вовсе), что проинтервьюированные для № 9 «Огонька» поэты (Ахмадулина, Вознесенский, Евтушенко, Окуджава, Рождественский) так и не были никогда «группой» в вожделенном понимании творцов и любителей групповщины. Очень ярко начав свой литературный путь в конце 50-х и начале 60-х годов, представленные нами поэты в дальнейшем развивались как художники вполне самостоятельно и трое удостоились Государственных премий СССР, а все пятеро — заслуженной известности, без всяких «команд» и не вытягивая друг друга на Парнас по принципу «свой — своего».

Во всяком случае, удивительно было читать в «Литературной России» за 27 марта с. г. в отчете о заседании секретариата правления СП РСФСР такие слова П. Проскурина в адрес «Огонька»: «Почему же в последнее время в нем, в этом всесоюзном органе, именно в его литературно-художественной ипостаси все ощутимее проявляется душок групповщины, даже некоей настовой замкнутости, да еще такой, который у нас давно уже не наблюдался, считай, с 20-х годов».

Создается впечатление, что П. Проскурин либо не читает наш журнал, либо просто недобросовестен.

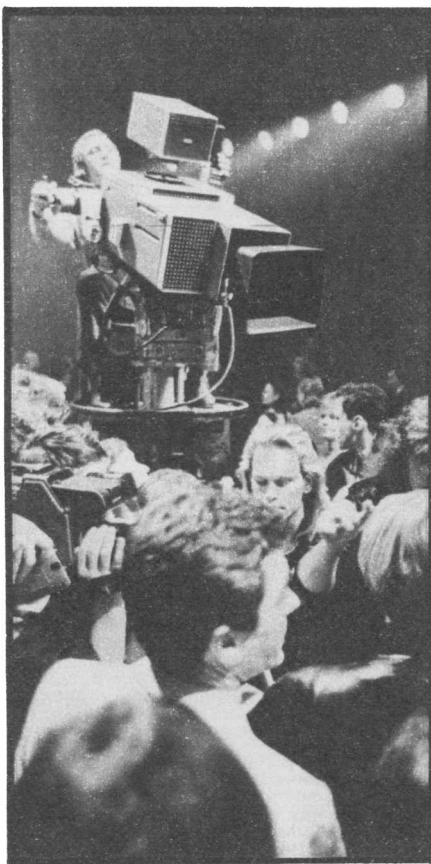
Допускаем, что почему-то может не нравиться то, что «Огонек» соединил на своих страницах вышеназванных поэтов. Но журнал предоставил также свои полосы прозаикам Е. Носову, Ф. Искандеру, В. Конецкому, В. Крупину, В. Распутину, В. Каверину, Ю. Рытхэу, И. Стаднюку, поэтам М. Чаклайсу, Ю. Кузнецову, Ю. Мориц — это только в прошедшем году и уже в текущем году произведениям и выступлениям Ю. Нагибина и Р. Инанишвили, М. Рощина и Ю. Самедоглу, С. Куняева и Е. Винокурова, А. Тарковского и В. Лапшина, В. Солоухина и И. Друцэ... Разве это групповая литература? Пожалуй, единственный признак, ее объединяющий,— строгие критерии отбора, которыми редакция пользуется ныне, да, с другой стороны, снижение уровня шарканья перед литературой «генеральской». Может, как раз это кого-то и не устраивает? Так ведь и на заседании писательского секретариата все дружно выступали против серости в литературе (впрочем, серых произведений не называя), и чуть ли не каждый, в том числе П. Проскурин, на первое место ставил талант. При этом, мы уверены, П. Проскурин понимает, что место в литературе отстаивается и завоевывается не наветами на неугодных, а честным творчеством.

Да, сегодня и в литературе начинают исчезать запретные для критики зоны. Но на недавнем собрании актива московских литераторов один из выступавших, поэт-ориенталист В. Сидоров пугал собравшихся видением «литературного Чернобыля». Вот уж поистине, если дипломаты порою не говорят того, что они думают, иные писатели, кажется, уже не всегда думают, что говорят.

И сейчас, когда оканчивается затянувшаяся игра в литературу и настает время выбора литературы истинной, совсем уж безответственно прозвучало на том же писательском секретариате сравнение Ю. Бондаревым «нынешнего состояния русской литературы» с положением, сложившимся в июле 1941 года, когда фашистские орды вторглись в нашу страну. Кто же эти, выражаясь словами автора сравнения, «цивилизованные варвары», уничтожающие сейчас нашу культуру? И можно ли считать «прогрессивными силами» тех литераторов, кто требует «поры Сталинграда», только бы отстоять собственную неприкасаемость и примерно наказать ее не приемлющих?

Ах, сколь же неистребима ностальгия по кулаку как решающему аргументу в литературном споре, сколь неистребима тоска по испепеляющим запретительным директивам! Непременно перечитайте в «Литературной России» за 27 марта с. г. отчет о заседании секретариата правления СП РСФСР, вдумайтесь в саморазоблачительно-самозащитные декларации. К примеру: «В литературе должна быть совершенно другая перестройка»! Ах, как бы хорошо все изменить, ничего не меняя... (Даже ту порочную практику, когда произведения некоторых участников данного секретариата печатались параллельно в двух журналах, а следом выходили отдельными изданиями.)

Сегодня понятно каждому честному человеку: не «литературный Сталинград» нужен теперь, а ленинский подход к делу, поддержка честнейших и ответственнейших усилий партии по объединению народа в принципиальной борьбе за революционные идеалы.

●

РОВНО ОДНА НОЧЬ

ПЕРВЫЙ СОВЕТСКО-ШВЕДСКИЙ ТЕЛЕЭКСПЕРИМЕНТ

С фоторепортером мы условились: он старается запечатлеть напряжение, нелегкий труд операторов, режиссеров и артистов — словом, все, что не увидят из-за жестких рамок эфирного времени телезрители. Но во время съемок красочного шоу «Лестница Якоба» в гостях у «Утренней почты» вышло все наоборот — ни с кого не лился пот градом, никому не пришлось делать дубль, даже режиссерские паузы и перерывы для смены ленты на видеомагнитофонах не сбивали четкого ритма записи по заранее составленному графику. Алла Пугачева, Владимир Кузьмин, ансамбль «Гунеш», Андерс и Карин Гленмарк из дуэта «Джемини», Владимир Пресняков, Александр Градский, ансамбль «Европа», Бенни Андерсон... И — шутки по-русски и по-шведски двух ведущих: Якоба Далина из Стокгольма и его московского коллеги Юрия Николаева.

Что ж, значит, интернациональная телебригада, приступая к съемкам (задолго до прибытия в Москву спецавиарейса со шведскими артистами), была уверена: получится! Программе даже заранее выделили место в эфире — 18 апреля. Ровно одна ночь понадобилась для записи концерта «звезд» рок-музыки двух стран. И если кто-то с кем-то был знаком понаслышке (кроме Пугачевой, которую, как выяснилось, в Швеции считают «своей»), то к утру все без исключения расстались большими друзьями.

— Удалась ли попытка создать первую советско-шведскую телепрограмму? — спросил я бывшего руководителя ансамбля АББА, композитора Бенни Андерсона.

— Как будто порядок, — услышал ответ сдержанного скандинава. — Если бы снимали фильм о том, как эта программа создавалась, получилось бы очень и очень интересно.

Мы переглянулись со стоящим неподалеку фоторепортером...

Владимир КОВАЛЕВ

● Модели Вячеслава Зайцева — участники шоу в Останкине.

● Алла Пугачева представляет новую песню.

● Ансамбль из Стокгольма «Европа» на сегодня считается лучшим в мире.

Фото Сергея ЖАБИНА

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Игоря СМИРНОВА

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Русский живописец, автор картины «На пашне». 8. Искусство резьбы на драгоценных камнях. 9. Полуостров в Канаде. 10. Приток Тобола. 11. Стержень для соединения деталей. 13. Химический элемент, металл. 15. Крупная океаническая птица. 17. Науки о явлениях и закономерностях природы. 20. Промысловая морская рыба. 23. Статуя, поддерживающая перекрытие здания, портика. 25. Басня И. А. Крылова. 26. Точное календарное время определенного события. 27. Картина К. П. Брюллова. 28. Русский поэт, представитель классицизма. 29. Композитор, Герой Социалистического Труда.

По вертикали: 1. Драгоценный камень. 2. Духовой музыкальный инструмент. 3. Садовые ножницы. 4. Крупная малая планета. 6. Растительные волокна. 7. Наука о законах и формах мышления. 12. Небольшое лирическое инструментальное произведение. 14. Областной центр в РСФСР. 15. Покрой платья. 16. Единица веса. 18. Полупрозрачная льняная или хлопчатобумажная ткань. 19. Каменная куропатка. 21. Умеренный темп в музыке. 22. Писатель, автор классических произведений советской литературы. 24. Столица государства на севере Африки. 25. Небольшая промысловая рыба.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

По горизонтали: 5. Честноков. 8. Удостоверение. 11. Кабина. 12. Климов. 13. Кашин. 16. Мали. 17. Ильм. 18. Светофильтр. 19. Ватт. 20. «Обоз». 21. Карим. 24. Талант. 26. Кварта. 27. Гидроизоляция. 28. Живописец.

По вертикали: 1. Шексна. 2. Стройка. 3. Горелки. 4. Почерк. 6. Администрация. 7. Дирижирование. 9. Катамаран. 10. «Вольность». 13. Котик. 14. Шофер. 15. Налим. 22. Артишок. 23. Истомин. 25. Теркин. 26. Князев.

ЗА ЯВНЫМ ПРЕИМУЩЕСТВОМ

Когда на ринге в жестком спортивном бою превосходство одного из соперников становится бесспорным и подавляющим, рефери вправе прервать поединок и, не дожидаясь установленного формулой состязания времени, досрочно объявить победителя. В шахматных матчах такая привилегия отводится самим партнерам; если кому-то удается набрать сумму очков, гарантирующую недосягаемость, единоборство тут же прерывается. История знает подобные примеры. Они весьма редки, но можно вспомнить случаи, когда в предусмотренном количестве партий не оказывалось необходимости — одна или две встречи не игрались. Но просто сенсационным можно назвать исход поединка самого высокого ранга, где для успеха понадобилось всего одиннадцать партий и победитель определился, едва перешагнув третью четверть намеченной дистанции, доминируя от начала и до заключительного решающего рывка. Именно так сложился закончившийся на днях в Линаресе суперфинальный матч претендентов между Анатолием Карповым и Андреем Соколовым. С удивившей всех легкостью, уверенностью и блеском А. Карпов буквально разгромил своего «загадочного соперника» $7^1/_2:3^1/_2$.

Поначалу инициатива Карпова не вызывала особого беспокойства в лагере Соколова. В прошлом не раз неудачно начиная состязания, он, как правило, в критических ситуациях с поразительной динамичностью подключал дополнительные творческие ресурсы и с честью выходил из самых трудных испытаний. Но на этот раз привычный «график успеха» ему не удался. Как с горечью отмечали поклонники молодого гроссмейстера, Карпов позволил Соколову выполнить только первую, негативную часть программы, взяв на себя намеченный его соперником финишный спурт.

Не так давно Карпов поведал о своем методе: «Я всегда играю против конкретного противника. Я изучаю его силу и слабости и всегда о них помню. Время романтических шахмат прошло. Сегодня, чтобы побеждать, нужно знать психологию партнера». И это выношенное кредо было с успехом реализовано им в соперничестве с Соколовым.

Карпову удалось все: и классическая стратегия борьбы, при которой, играя белыми, он практически неизменно владел инициативой, а черными легко держал оборону; и теоретический диспут, которым он ставил соперника перед необходимостью уже в процессе борьбы искать бреши в подготовленной специально к матчу защите Каро-Канн, а задача эта оказалась для Соколова и его штаба непосильной; и наконец, сам характер поединков, где события развивались словно по воле экс-чемпиона — размеренно, спокойно, в строго классических формах.

Молодой гроссмейстер, как загипнотизированный, раз за разом втягивался в русло такой техничной маневренной игры, где не оставалось простора ни его фантазии, ни излюбленному динамизму. А психологического контроружия в арсенале Соколова не оказалось. Когда же однажды «жизнь на коленях» стала для него просто уже невыносимой и темпераментная натура взбунтовалась, границ допустимого риска Соколов почувствовать уже не сумел, и возмездие за азартное нарушение законов логики борьбы наступило быстро и неукоснительно.

Видимо, нужно согласиться с точкой зрения шахматного эксперта в брюссельской «Суар»: «Мне кажется, что два К (Каспаров и Карпов) будут властвовать на шахматном Олимпе до конца текущего тысячелетия». И дальше примечательное дополнение: если только к ним не присоединится третье К — двенадцатилетний вундеркинд из Ленинграда Гата Камский, одержавший недавно сенсационную победу в юношеском чемпионате Советского Союза. От себя тоже советую любителям шахмат обратить внимание на это имя. Поверьте, оно скоро будет у всех на слуху.

Итак, суперфинальный матч претендентов позади, и мы начинаем настраиваться на привычную волну — осенью за главным шахматным столиком вновь появятся Каспаров и Карпов.

М. ТАЙМАНОВ,
международный гроссмейстер,
шахматный обозреватель «Огонька»

КИНОЗАЛ

Владимир ШАХИДЖАНЯН

«Я ВДРУГ ПОНЯЛ: ВЕДЬ ВСЕ ОНИ НАШИ С ВАМИ ДЕТИ! КАКОЕ ЖЕ МЫ ИМЕЕМ ПРАВО НЕ ЛЮБИТЬ, НЕ ПОНИМАТЬ ИХ!»

Инженер, 60 лет. Из выступления на обсуждении фильма «Легко ли быть молодым!»

РАЗБИТЫЕ СТЕКЛА ЮРИСА ПОДНИЕКСА

Представьте себе: идет по Риге молодой человек и лихо так бьет стекла...

Что бы вы могли сказать о таком человеке?..

Еще штрих из его биографии. Ему пятнадцать лет, он любит «битлов», он очарован ими. И он решает иметь такую же прическу, как у Джона Леннона.

Учителя требуют — постригись, будь как все, а он отказывается.

Не хочу! Не буду! Не подчинюсь!!!

А сегодня мы смотрим фильм «Легко ли быть молодым?», который поставил режиссер Юрис Подниекс. Это он в девятом классе бил стекла и не хотел стричься.

Фильм сегодня воспринимается как открытие. Открытие в кино, открытие в социологии, открытие в психологии.

Мы смотрим фильм, и после картины мы иначе, чем прежде, по-другому всматриваемся в лица молодых. Всматриваемся как бы глазами режиссера, пытаясь ответить на этот вечный вопрос старшего поколения: молодежь — какая она? Казалось бы, мы знаем нашу молодежь. Мы сами были молоды. Нам до боли все это знакомо. Но нет, все воспринимается по-другому.

Сегодняшней молодежи сложно. Сложнее, чем было нам. Режиссер хочет, чтобы мы узнали, как молодые смотрят на мир, и чтобы этот взгляд не стал бы для нас чуждым. Юрис Подниекс зовет нас посмотреть непредвзято на них и на самих себя. Посмотреть и оценить: нет ли нашей вины перед молодежью? Да-да, именно это: не вина молодежи перед нами, а наша — перед ними. Может ли молодежь верить нам? Верить в наши нравственные ценности, идейные позиции? Как они нас, взрослых, оценивают...

Первые кадры ленты: концерт одной из рок-групп в Огре, что неподалеку от Риги. Лица молодых, выхваченные из толпы. Среди них непонятно как попавшая на этот концерт бабуля и чуть растерянно-удивленный милиционер, обязанный следить за порядком. Милиционер, хотя и молод, но не имеет права, даже если захочет, увлечься музыкой, ритмом. Он не может беснуваться, как беснуются сотни присутствующих на этом концерте. Мундир, как говорится, обязывает.

...Герои из толпы. Возможность рассмотреть эти лица молодых. Всмотреться в них, чтобы попытаться их понять... Понять, чтобы помочь. А молодым нужна наша помощь, они — физически крепкие, сильные, рослые — зачастую незащищенные и растерянные, они постоянно ищут самих себя, порой от себя же убегая. Рок-музыка — это одна из возможностей забыться.

В Московском Доме кино после просмотра фильма режиссеру присылают записки.

«Вы этим фильмом плюнули нам в лицо».

«Я знал, что в советском кино были два злых гения, два врага нашего общества — Тенгиз Абуладзе, тот, что снял «Покаяние», и Вадим Абдрашитов — это его картины «Остановился поезд», «Парад планет», «Плюмбум, или Опасная игра». Теперь я знаю, вы — третий».

— Я рад, что попал в компанию этих режиссеров,— ответил Юрис Подниекс...

С самого начала в фильме — полное отсутствие привычного сюжета. Лишь умение вглядываться в лица, умение их рассматривать, если угодно, влюбляться в человека и передавать свою влюбленность нам, зрителям.

Будто собрались за чашкой чая и решили поговорить о сложностях нашего времени, о трудностях нынешнего дня. Только чай давно остыл, а за окном светает.

Монологи, монологи молодых, а параллельно — завораживающие своей эмоциональной выразительностью кадры.

Вот эпизоды из любительского фильма, его снимает вчерашний выпускник школы, поставивший перед собой задачу — понять себя и свое окружение: бесконечный коридор, в тупиках и закоулках которого герой теряет своих бывших друзей...

А вот забавные рожицы на значках трудового отряда, в нем есть и совсем маленькие участники, их цель — очистить подвалы и улицы старого города от мусора. Лица ребят, весело и с достоинством делающих нужное дело.

Монолог обаятельного паренька, служителя в морге (там, оказывается, можно прилично заработать),— и кадры, рассказывающие трагическую историю девушки, решившейся на самоубийство.

— Разве ты можешь понимать, что такое жизнь? Бросилась из окна, разве так делают? Ты же не понимаешь, что такое смерть,— говорит ей назидательно женщина-психиатр.

Девушка взяла белое бальное платье в костюмерной театра. Ее друг фотографировал ее в этом платье на крыше, на фоне неба, с букетом роз. Нам показывают эти фотографии и рассказывают историю о том, как девушка хотела платье вернуть в костюмерную, но двери оказались уже на запоре. Ее изобличают в воровстве, и... преследуемая отчаянием, она кинулась на мостовую, по счастью, зацепившись за провода! И вот психиатры разбирают этот случай («Разве так делают!»).

И мы слышим жуткий подтекст: «Вот, мол, и покончить с собой вы, молодые, не умеете».

А страшная в своей будничности сцена суда...

На скамье подсудимых — группа подростков. После рок-концерта в Огре молодые люди, их было человек сто пятьдесят, устроили погром в электричке: выбили стекла, распороли, разломали сиденья. Невероятный вандализм. Ущерб — пять тысяч рублей.

Судили семерых. Судили за хулиганство. Одному из подсудимых, ему недавно исполнилось восемнадцать лет, дали три года в колонии усиленного режима. Выслушав приговор, юноша не выдерживает и плачет, как мальчишка-первоклассник, просто рыдает.

Вполне допустимы были бы здесь слова за кадром: «Как хулиганить — так силен, а как отвечать — так слезы». Прозвучи эти слова, и фильму была бы грош цена. То, что мы видим, наводит на иные мысли.

...В столичном кинотеатре «Новороссийск» в большом зале идет фильм «Легко ли быть молодым?». Длинная очередь за билетами. За билетами на завтра. В очереди молодежь, зрители среднего и старшего поколения.

После просмотра нервная тишина. Желающих приглашают остаться и обменяться мнениями.

— Да что мы с ними, молодыми, возимся? — начал разговор пожилой зритель.— Что мы с ними цацкаемся? Мы молодежь распустили. Круче с ними надо, круче. Не уговаривать, а силу показать. Только тогда и будет результат.

— Нас все время только и делают, что учат да укоряют. Нет бы чем-нибудь помочь. Я лично не услышал ничего нового. Да, я «металлист», убежденный. У нас, «металлистов», особая форма общения. Взрослым ее не понять. Мне многое в картине понятно, но не все было интересно,— сказал учащийся СГПТУ.

— Вот этот суд. Показывают прокурора, а я чувствую — все это несправедливо,— начал, как он представился, студент третьего курса одного из технических вузов.— Мы видим лица судей. Мы слышим их. Они произносят шаблонные фразы. Слова ради слов. От этого обидно... И стыдно. Поймали семерых из ста пятидесяти. А осудили вообще одного в назидание всем другим. А у меня ощущение, что этот парень, которому дали срок, не виноват вовсе.

Как же не виноват? Мы только что видели разгромленные вагоны, но зрителей можно понять: у них возникает ощущение несправедливости от казенного бесстрастия судей, от безусловного осознания необходимости и права (закон один для всех!) покарать мальчишку, возбужденного музыкой и неожиданно проснувшимся ощущением свободы, такой дикой и разрушительной в своих последствиях.

Они служили в Афганистане...

Исповедь.

Концерт в Огре: нужен порядок!

— Как проходила подготовительная работа? — спросили режиссера во время обсуждения в Московском Доме кино.

— Сложно и долго. Ни одна из сцен заранее не репетировалась, но со всеми героями мы говорили честно и откровенно, старались вызывать у них доверие и хотели это доверие оправдать.

— «Были ли трудности с выходом на экраны? Были ли сложности в дни съемок? Что вырезали из картины?»— читает режиссер записку и тут же отвечает: — Сложности возникали. Они были такого же характера, как и при съемке любой другой картины. С выходом фильма на экран проблем не было. Время работало на нас. Один эпизод — восемь метров — вырезал по совету коллег, эпизод, связанный с проблемой отношений между людьми разных национальностей. Вырезал, ибо меня убедили, что говорить об этом вскользь, мимоходом не стоит. Думаю, что в ближайшее время сделаю на эту тему отдельный фильм...

Реплики, прозвучавшие после окончания фильма в кинотеатре «Новороссийск»:

— А ведь у меня хороший сын. Обалдуй, но хороший!

— Действительно, какая странная молодежь сегодня.

— Хорошо, что все-таки простояла три часа и купила билет. Жаль, не взяла своего...

Нам показывают доморощенных «панков», «металлистов». Действительно, у них отталкивающая, угрожающая внешность: увидишь подобных молодых людей на улице, тут же хочется перейти на другую сторону, мало ли что они выкинут, что им взбредет в голову.

И здесь же монологи тех, кто служил в Афганистане и теперь обдумывает свое житье. Эти монологи, хоть и звучат они как размышление, будто про себя говорят ребята, потрясают. Пожалуй, впервые тема интернациональной помощи Афганистану в нашем кинематографе прозвучала так эмоционально убедительно и одновременно политически точно.

— То, что мы пережили в Афганистане,— говорит с экрана 20-летний парень, он теперь служит в пожарных частях,— не знаю, по-моему, этого никто не должен испытывать. Неправда, что на войне взрослеют. На войне стареют. И когда мы возвращаемся, нам снова хочется стать совсем детьми. Только это уже не получится...

И орден на ладони... Боевая, заслуженная награда. А парень не носит этот орден. Почему? Во-первых, просто стесняется. А потом, как рассказывал Юрис Подниекс, бывали случаи, что ордена срывали, ибо не верили, что эти мальчишки выстрадали свои ордена. И здесь же, монтажно, кадры, показывающие девчушек, увешанных игрушечными медальками. Так ли они безобидны, эти побрякушки?..

Юные собеседники Юриса Подниекса вызывают симпатию. Он выбрал тех, кто интересно рассказывает о себе, о поколении. Кто осознает себя и способен за себя постоять.

Они обычные молодые люди. Им сложно в жизни, ибо они молоды. А отсюда ранимость, стремление к особой искренности и нежности, желание почувствовать и свою независимость, и безграничную преданность друга. Они разглядывают взрослых. Они настороженны. Все это характерно для них. Как, впрочем, характерна и обостренная реакция на несправедливость, ложь, ханжество, демагогию... Взрослые к этому могут привыкнуть. Взрослые могут это объяснить собственными ошибками и ошибками других, сложным временем, особым прошлым. Для молодых это не всегда убедительно. Молодые всегда немножко максималисты и всегда чувствительнее.

Герои фильма интереснее прочих — тех, чьими представителями они стали для зрителя,— таких безъязыких и бездумных, ленивых и грубых. Те, прочие, они тоже сложны, только в них не разбужено самосознание, в них личность дремлет, но только ли они сами в том виновны?

Мы зачастую оказываемся в плену некогда придуманных формул: так надо, так положено, так принято. Молодые нас зачастую раздражают, ибо они не вписываются в привычные для нас формулы.

Это картина для взрослых, для тех, кто растит сегодня своих детей. Она призывает услышать, понять свою ответственность. А может, если угодно, и вину за судьбу тех, кому завтра не хватит убежденности, достоинства, культуры, трудолюбия, чтобы продолжить дело.

На встрече с кинематографистами столицы Юрис Подниекс произнес: «Самое важное, что я понял в процессе съемок, во время общения со своими героями,— молодые готовы с нами разговаривать, они готовы на контакт с нами. Это обнадеживает».

Мы все постоянно сталкиваемся с молодыми лицом к лицу. Но бывает ощущение, что между нами толстое стекло. Мы видим друг друга, но не слышим: нам мешает общаться стекло. Стекло не дает нам понимать своих детей.

Почему? Когда-то у нас не было для них времени. Потом мы оберегали их от сложностей времени... А может быть, оберегали время от них. От их буйной энергии, направить которую мы не умели, не хотели, а может быть, не могли? Теперь приходит их время. Они взрослые. Теперь поздно ставить их в угол. Или хвататься за ремень. Посмотрим в разделяющее нас стекло. В его прозрачности мы обязательно увидим и свое неясное отражение.

Юрис Подниекс бьет по этому стеклу... Удалось ли ему разбить стекло, или всего лишь появилась первая трещинка?

Шел когда-то человек по Риге и бил стекла. И как хорошо, что именно он, Юрис Подниекс, решил снять картину о проблемах молодежи — человек, который, судя по всему, многие ее проблемы ощутил на себе. Ему сейчас 36 лет. Он на двадцать лет старше своих героев. Он старше на целое поколение.

P. S. Когда материал о фильме был подготовлен (это не рецензия; это рассуждение о фильме с участием зрителей), в редакции возникло естественное желание картину посмотреть всем коллективом. Мы позвонили в кинопрокат. «К сожалению, ничем не можем вам помочь. В Москве лишь одна копия. И она нарасхват».

Нам повезло. Режиссер привез из Риги студийную копию и показал свой фильм. Нам повезло! А миллионам зрителей?

Признаемся, очень хочется, чтобы после выхода этого номера журнала позвонил бы в редакцию ответственный работник Госкино СССР и сообщил, что необходимое количество копий фильма делается и в ближайшее время он пойдет широким экраном. Именно поэтому мы посылаем сигнальный экземпляр журнала в Госкино СССР. И мы уверены, что председатель Госкино СССР А. И. Камшалов правильно нас поймет. Он долгие годы работал с молодежью. Он понимает, в этом мы не сомневаемся, всю сложность, всю остроту молодежных проблем. И думаем, что он сумеет найти возможность помочь фильму «Легко ли быть молодым?».

Право, это нужно всем нам.

Консилиум врачей: «Разве так делают!»

«Нужно стремиться к самосовершенствованию...»

Суд закончен. Вопросы остаются.

В последнее время «Огонек» нередко обращается к молодежным темам. Часто после таких выступлений в редакцию звонят наши читатели. С некоторыми из проблем, которые их волнуют, мы знакомим сегодня.

ПЕРЕД ДВЕРЬЮ В ЖИЗНЬ

— Говорят, что молодость — это счастье. Наверное, это так, но понимаешь это, только когда становишься совсем взрослым. А пока ты молод — одни проблемы.

Вот я служил в армии, работал на заводе в Минске, а затем поехал работать в Якутию. Ремонтировал фундаменты домов. Зарабатывал по 500—600 рублей в месяц. Вроде мальчишка, а такие деньги. Но я вкалывал до седьмого пота. Но все время был неудовлетворен собой. Мечтал стать врачом. Поступил. Учусь. Живу в общежитии. Получаю стипендию 40 рублей. Учиться невероятно сложно. Давит, давит чисто психологически большой город. Много соблазнов — дискотеки, кино, друзья, слабый пол... Иногда просыпаюсь, а в голове сверлит — выдержу ли, смогу ли, одолею ли, вдруг брошу...

Леонид **КАМИНСКИЙ**, 24 года

— Город зазывает нас, молодых, и мы едем. Я работаю водителем автобуса в столице. Живу в общежитии. Приехал сразу после армии. А города не знаю, в музеях не был, в театр не хожу. Не курил — начал курить. Влюбиться серьезно не могу. А семью хотел бы. Друзей близких нет. Газеты читаешь, там все время вопросы: почему молодые покидают родные места? Да потому, что город манит, уговаривает, обещает. Но начинаются разочарования. Как быть?

Александр **ВАСЮКОВ**

— Как быть с «панками», «рокерами», как быть с теми, кто считает, что нужно выделяться одеждой, что главное — знать все музыкальные ансамбли и жить только мечтой о встрече с кумиром? Как быть с теми фанатами, которые ослеплены своим фанатизмом, и всех, кто с ними не согласен, готовы просто бить? Как быть с теми, кто не признает равенства национальностей? Есть такие люди, я встречал. Я знаю одного литовца, так он сознательно не будет говорить на русском языке, хотя русский он знает. Он таким образом показывает свое превосходство. И он молод.

Пусть комсомол станет такой организацией, где каждому молодому человеку будет интересно, где можно обо всем открыто говорить и не бояться, что когда ты ошибешься, то тебя никто не поддержит, станут только выговаривать.

АЛЬГИС, 19 лет, солдат

— Я очень хочу, чтобы всем людям было хорошо. Я очень хочу, чтобы всегда был мир. Я хочу, чтобы я любила и меня любили. Я работаю медсестрой. Впрочем, точнее сказать, работаю на ставке медсестры, ибо закончила медицинское училище. Я перекладываю бумаги в канцелярии. Больница у нас большая. Работы много, бумаг множество. Я недовольна жизнью. Нет у меня, как я понимаю, стержня. Кто виноват?

Просто **НАТАША**, 20 лет

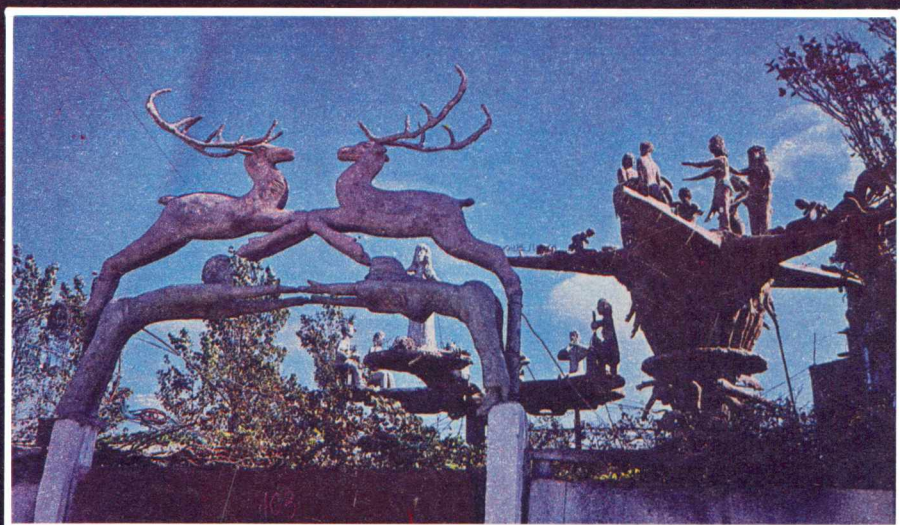
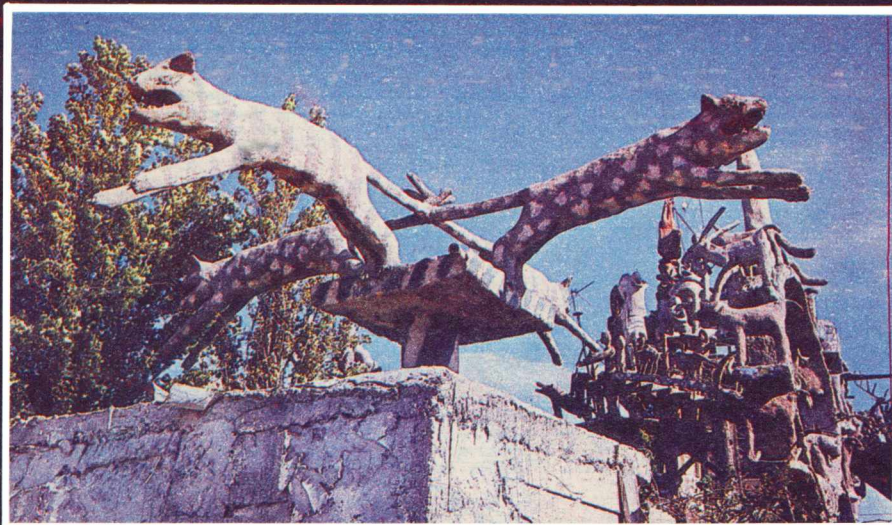
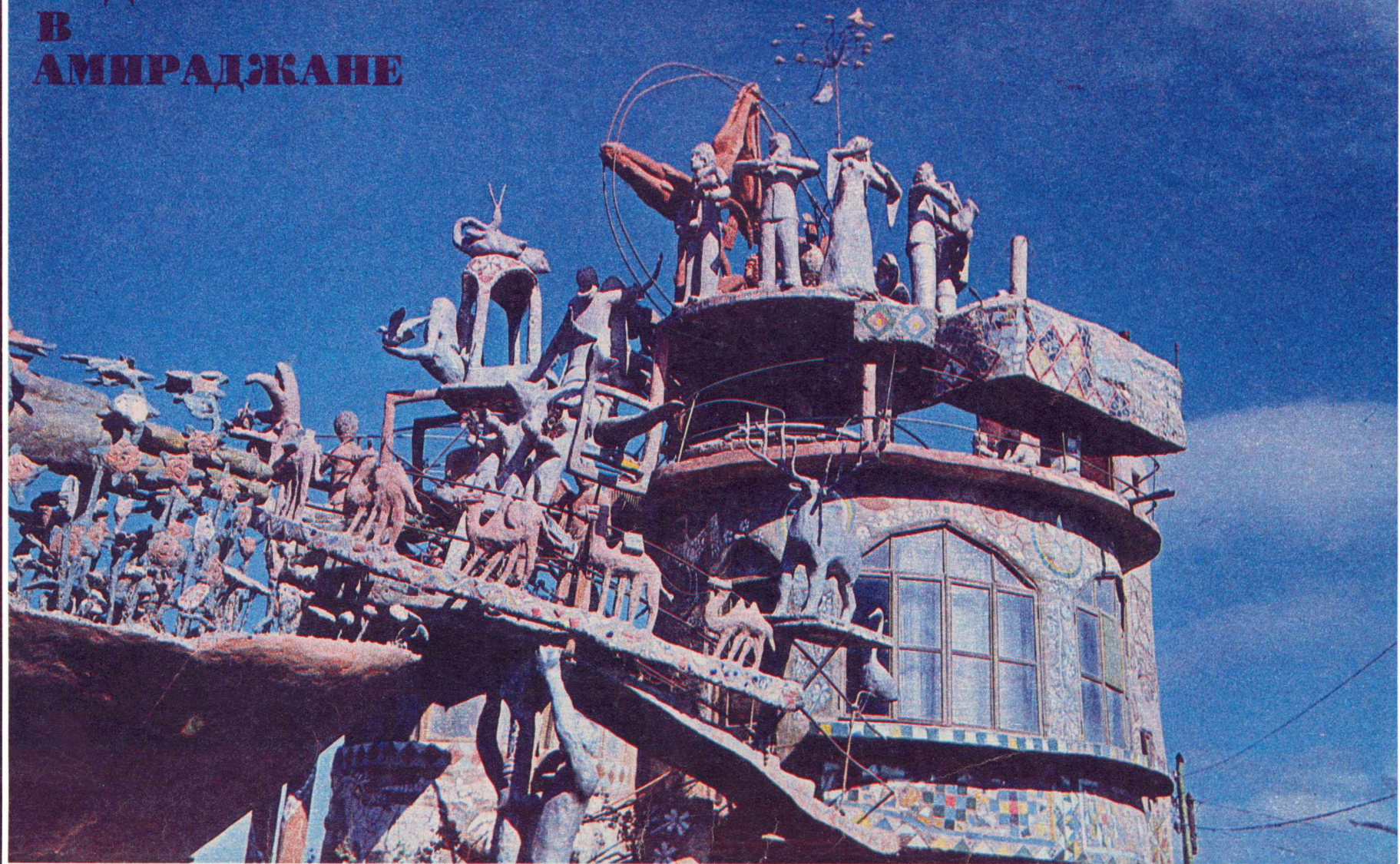
— Мне многое в нашей жизни не нравится. Но убежден, что можно сделать лучше. Я стараюсь. Работаю как можно лучше. Я окончил вечернее отделение технического института, работаю бригадиром слесарей-ремонтников на почтамте. Перестройка — я в нее верю, но... Я бы покривил душой, если бы не сказал этого: я чувствую, что могу сделать больше, но очень часто мне кажется, что я один... Слишком много метаний, исканий, а годы уходят. Мне нужен результат. Нужно, чтобы завтра конкретно чем-то отличалось от сегодня.

Сергей **БОГОЛЕПОВ**, бригадир, мастер связи

— Все у меня есть. Жена, сын, квартира, образование, работа. Но я максималист. Меня раздражают другие. Те, кто не понимает, что все зависит от меня же, от меня молодого, от моих сверстников. Но как только я хочу действовать, так нередко опускаются руки. Я работал на ЗИЛе, работал программистом в автосервисе, хотел бы переделать мир, а как это сделать? Вы можете улыбнуться снисходительно: молодо-зелено, с возрастом пройдет. Но этого-то и боюсь, ведь чувствую, что может пройти. Страх превратиться в мещанина — этот страх есть...

Игорь **ФЕТИСОВ**

У телефона дежурил Вл. **ЛИНОВ**.

ЧУДО В АМИРАДЖАНЕ

В поселке Амираджан, что неподалеку от Баку, есть сооружение, не имеющее аналогов,— феномен самодеятельного творчества. Лет пятнадцать назад Арменак Хачатурян, строитель-плиточник по профессии, начал возводить по соседству с домом, в котором живет и поныне, второй—удивительный, украшенный множеством скульптур. Изваяния людей, животных, птиц и насекомых сочетаются в сложные многоярусные композиции; персонажи взаимодействуют, изображая реалистичные и фантастические сцены. Окрашенный и натуральный бетон с вкраплениями естественного камня и керамики, их цветовые гаммы таят в себе не меньше неожиданностей, чем сами композиции.

Сколько бы вы ни возвращались к этой удивительной постройке, всегда найдутся новые ракурсы, не замеченные ранее детали. А с каким достоинством и юмором представляет свою работу автор, слушать которого по-настоящему интересно! Чудо в Амираджане достойно красочной монографии, серьезного исследования, и я не сомневаюсь в том, что документальный фильм о доме и его создателе завоевал бы популярность не только в пределах Отечества.

Феликс НОВИКОВ, архитектор.
Фото Максима ЗЕМНОВА

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663